

ВЗГЛЯД

ЕВГЕНИЙ
Ю. ДОДОЛЕВ

БИТЛЫ, ПЕРЕСТРОЙКИ

ОНИ ИГРАЛИ НА
КРЕМЛЁВСКИХ
НЕРВАХ

Аннотация

Книга основана на воспоминаниях Евгения Ю. Додолева о создании и крушении самого рейтингового проекта отечественного телевидения – передачи «Взгляд». Двадцать лет спустя после закрытия Кремлём этой программы (в течение 2010 – 2011 гг.) автор встречался с теми, кто стоял у истоков «Взгляда».

Додолев – известный в прошлом репортёр. Дважды (в 1986-м и 1988-м гг.) Союз журналистов СССР признавал его лучшим журналистом года.

Радиотрибун Игорь Воеводин называет Додолева главным аристократом профессии и литературным экстремистом. А киновед Сергей Шолохов в своём «Пятом колесе» считал его самым скандальным журналистом перестройки. Человеком-командой величал автора ключевой персонаж повествования – Влад Листьев.

В книге собраны уникальные фотоматериалы из архива ведущих «Взгляда».

Анатолий Лысенко:

Я до сих пор не вполне понимаю, как «Взгляд» стал тем, чем стал... Страстные звонки слушателей издалека, с полярной станции Амбарчик. Музыка в новом контексте: клип Пугачёвой «Эй вы там, наверху!» четырежды снимали с эфира... Потом оказалось, что серьёзные политики ищут всесоюзную трибуну. Видимо, мы очень точно попали в стремнину.

Александр Политковский:

Современное телевидение - это гадость. Вредная привычка, как табак... А вот есть, оказывается, уникальный язык. Его надо изучать.

Владимир Мукусев:

У меня в столе лежит пачка сигарет Camel без фильтра. Я привёз их из Америки летом 90-го года. «Во! Солдатские, мои любимые», - сказал Лист. Открыли. Покурили. И решили, что будем их курить тогда, когда надо будет обсудить что-то серьёзное. Сейчас в пачке три сигареты, а вернее, то, что от них осталось. Табак превратился в труху. Почему её не выбросил - не знаю. Я давно не курю. Как всё глупо. Пачка сигарет есть, а человека...

Сергей Ломакин:

Эта книга на самом деле о волшебной эпохе публицистической романтики и телевизионных прорывов, которые с менталитетом сегодняшней ТВ-молодёжи вряд ли осуществимы.

ЕВГЕНИЙ Ю. ДОДОЛЕВ

«ВЗГЛЯД» – БИТЛЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

ОНИ ИГРАЛИ НА КРЕМЛЁВСКИХ НЕРВАХ

*Автор выражает признательность Юрию Шумило, без
уверенной инициативы коего настоящая книга не вышла бы
тогда и в таком виде, в котором получилась.*

ПРЕДИСЛОВИЕ МИХАИЛА ЛЕОНТЬЕВА

Эта книга – собрание свидетельских показаний, по сути перекрёстных допросов, препарированных автором. Это не только про «Взгляд» и «взглядовцев». Это книга о журналистике. Через историю легендарного «Взгляда» и взгляд самих участников на эту историю.

Я считаю журналистику мерзкой профессией, выбираемой ущербными людьми. Журналисты – профессиональные дилетанты. Это не литература, не искусство, не наука, а всего понемножку. Есть такие уникальные отечественные учреждения – журфаки. Это места, где учат борзо писать (или снимать) на темы, в которых пишущий (или снимающий) некомпетентен. Максим Соколов как-то заметил, что доказательством того, что журналистика не наука, является то, что журналиста из прилично образованного человека с определёнными способностями можно сделать месяца за три. «Журналистское образование» – это нонсенс. Кстати, именно поэтому наиболее приличные журналисты, за редким исключением, имеют какое-нибудь нормальное фундаментальное образование. При этом юноша, стремящийся осознанно в журналистику, обычно имеет амбицию чему-то учить, наставлять, очищать и просвещать. Амбицию по определению болезненную, поскольку, опять же по определению, он обладает для этого компетенцией, как правило, гораздо меньшей, чем наставляемый и просвещаемый. «Журнализм» является квинтэссенцией интеллигентского сознания, построенного на самомнении, презумпции морального превосходства и примитивных мировоззренческих клише. Журналистика, вот эта самая – «с большой буквы», бьющая себя в грудь, воображающая себя совестью нации, – это и есть главный носитель и дистрибьютор клишированного сознания, свойственного современному цивилизованному обществу. Журналисты – примерно такая же пакость, как «молодёжь». Все беды, катастрофы и катаклизмы – от молодёжи. И в принципе, единственным смыслом жизнедеятельности «молодёжи» является пережить этот период не покалечив себя, окружающих и государство. Поскольку «Взгляд» был продукцией как раз молодёжной редакции, это также имеет к нему отношение.

Тем не менее автор этой книги Евгений Додолев как раз и именно журналист, причём журналист блестящий, эстетски скандальный, которому эта журналистика действительно интересна. Что видно по тому, как он её тщательно и заинтересованно препарирует. Результат получился вполне поучительный. Это, кстати, может быть оправданием профессии – умение журналиста препарировать журналиста.

Книга написана человеком, знавшим всех её персонажей близко. Это вообще очень личная книга, пропущенная через себя, даже несмотря на то, что большую часть её составляет прямая речь героев. Я тут ничего через себя пропускать не буду. Не настолько я хорошо знаком с персонажами. С некоторыми не знаком вовсе. Однако в контексте вышесказанного имеет смысл остановиться на одном конкретном человеке. Константин Эрнст, безусловно, самый успешный и состоявшийся из «взглядовцев», что не всегда вызывает бурный восторг менее состоявшихся коллег. Почему? То есть не про восторг, а почему состоявшийся. На самом деле книга содержит в себе ответ на этот вопрос.

Позволю себе утверждать – Костя Эрнст не журналист. В том смысле, что он никогда не был дилетантом. Всё, что он делает, крайне профессионально. И ему по-настоящему интересно то, что он делает. Ему не столь интересна репортёрская поверхность факта, сколько механика бытия. Он ищет смысл и форму его воплощения, иногда смысл через форму. Для него важен язык, а язык телевидения – это картинка. «Здесь всё держится на двух вещах, – заметил он в одном из интервью, – на возможности почуять запах времени и на возможности реализовать это в форме телевизионного продукта». Что может Эрнст, он доказал не только в телевидении. Если кто помнит фильм «Чужая», – собственноручная вивисекторская работа невиданной в нашем кино точности. То есть, ну точно – не журналист. В этом разница.

Что касается журналистики и судьбы «Взгляда» – в книге персонажи задаются вопросом: возможна ли реинкарнация «Взгляда» сегодня, в наше тяжкое время? Ответы самые разные, но сводящиеся к простой парадигме: нужно ли нынешней падшей стране умное телевидение? А что это она пала-то так? Далёк от мысли повторять неоднократно воспроизводимую здесь сентенцию о том, что «Взгляд» развалил страну. Но именно взглядовцы упорно и беспечно хотели как лучше. «Взгляд» очень многое открыл, прорвал, нашёл, но была ли эта программа умной – ответ нагляден. В том-то и проблема, что то, что наши борцы за свободы, против засилья пошлости, развлекухи и т.д. считают умным, таковым ни в кой мере не является.

Герои рассказывают, как «весело и азартно» работалось в те времена. Разваливать великую страну вообще веселее и азартней, чем разгребать разваленное. «Как эти симпатичные мальчики из обеспеченных семей смогли найти ту верную ноту, которая привлекла к ним простых людей?» – удивляется один из персонажей. Мальчики действительно симпатичные, хотя некоторым, не умевшим услышать «правильную» ноту, всё это долго представлялось разрешённым мажорским диссидентством. И ноту нашли, тогда вообще нетрудно было найти ноту. Дикий информационный голод и столь же дикий идеологический вакуум в головах этих самых простых людей, да и не самых простых, позволял заполнить их чем угодно. Благо, этого продукта, и информационного и культурного, накопились горы. Больше никогда не будет в нашей стране программы с аудиторией в 200 миллионов или, к примеру, «Огоньков» с тиражами 4, 6 миллиона. Потому голод утолён, и головы за это время хоть чем-то разным наполнились. И слава богу.

ОТ АВТОРА

Многие ли знают, что ведущим «Взгляда» был (в одном из выпусков) легендарный КВН-человек Александр Масляков? Что с подачи Ивана Демидова в нашем языке появилось слово «ток-шоу» вместо «толк-шоу»? Что после того как Александр Политковский дал эфир Первого канала опальному вице-президенту Александру Руцкому, экс-президент Горбачёв заметил: «Саша, это приговор. Ельцин этого не простит»? Что Влад Листьев женился за несколько часов до Нового года и со своим сыном-второклассником заключал трудовой контракт? Что его самого планировали убить (именно так и звучало на той кухне: «Главное сейчас – убить Листа») ближайшие соратники ещё осенью 1990-го? Что схожий расклад случился с шефом программы Анатолием Лысенко (Лысым), которого следователи допрашивали на предмет расшифровки смысла перехваченного телефонного разговора, в котором речь шла о его намерении убить министра печати Михаила Лесина? Что тот же Лысенко, отправляясь на разборки к начальству (после того как Михаил Полторанин «отжёг» в эфире насчёт выборов), сказал «самому красивому диктору СССР» Сергею Ломакину: «Ну что ж, пиздец жидёнку: меня, наверное, выгонят», – и после этого заработал свой первый инсульт? Что Константин Эрнст в советские времена замешан был в краже госсобственности и угоне автотранспорта?

Моя задача – рассказать в книге то, что я помню, и дать слово всем. А потом свести воедино этот коктейль, смешанный из самых разных воспоминаний. И пусть читатель сам решает, кому верить...

И я понимаю, что довольных не будет. Ещё и потому, что все = великие, которым трудно смириться с тем, что величие их не столь очевидно сейчас... Например, по-настоящему великий – Володя Мукусев (Мукусь) – занимается ныне тем, что преподаёт репортёрское мастерство молодым. Ему закрыты все эфиры, и он осознанно к этому пришёл, – такой вот конфликтный теледиссидент с тяжёлым нравом. Некоторые и вовсе покинули профессию. Только Влад Листьев будет велик всегда и никогда не станет седым и дряхлым. Он ушёл на пике славы, и его запомнят блестящим журналистом, каким он и был в середине 90-х.

Планировалось, что вести передачу будут опытные телевизионщики – Оксана Найчук и Саша Политковский (Политок), однако готовившие проект Анатолий Малкин + Кира Прошутинская посадили в эфир (с подачи выпускающего Андрея Шипилова) Влада Листьева и трёх «радиомальчиков» с Radio Moscow World Service – Олега Вакуловского, Сашу Любимова, Диму Захарова.

У Анатолия Лысенко другая версия:

– Планировалось, что ведущим будет Владимир Молчанов, который только пришёл на телевидение. Сагалаев нашёл в своём столе более чем десятилетней давности заявку на программу под названием «У нас на кухне после одиннадцати». Мы как-то решили сделать передачу в виде таких посиделок на кухне: приходят люди в гости, их встречают такие сумасшедшие хозяева, у них в холодильнике лежат плёнки. Молодые ребята, такой молодёжный «Огонёк», но на кухне, потому что кухня – это в любой квартире место сбора. Не принятая когда-то заявка оказалась очень кстати, программу запустили в производство. Предполагалось, что делать её будут совместно информационная и молодёжная главные редакции, но журналисты конкурирующих редакций не сработались: редакция информации решила начать без нас, и вышла программа «До и после полуночи». Это стало ударом «под дых». У нас не было такого элегантного ведущего, который, тем более, знал бы языки. Идея с телетайпами подвисла, а мы были уверены, что необходимы именно эти два элемента – декорация кухни и телетайпы. Упёрлись – и всё: нужны ведущие, которые могли читать «с листа» зарубежные новости. Андрюша Шипилов пришёл как раз из иновещания. Он и отыскал этих четверых. Они все знали друг друга: Любимов, Листьев, Вакуловский. Захаров пришёл

через несколько дней. Вне кадра они были преисполнены собственного величия, а когда на них в первый раз навели телекамеры, это были... эээ... подростки, больные ДЦП. Зато они читали зарубежные книжки. «На 11-й минуте здесь должна быть психологическая пауза», – «учил» меня, например, Дима. Кстати, Захаров точно так же рассказывал потом министру обороны маршалу Язову, как надо строить профессиональную армию.

В своём радиовыступлении («Эхо Москвы»), посвящённом 20-летию проекта (30 сентября 2007 г.), Анатолий Григорич был ещё категоричней (замечу, в студии с ним рядом были экс-ведущие: Захаров и Политковский):

– Когда я первый раз их увидел на экране, у меня было ощущение большого кошмара! Я понял, что передачи не будет уже до того момента, когда она выйдет на экран, потому что их выпускать на экран было нельзя. Вы понимаете, в чём дело: наверное, весь секрет удачи этой передачи был в этих ребятах. В наглом стилинге (я пользуюсь терминологией своего времени) Любимове, очаровательном шармере Листьеве, которого, казалось, вообще ничего не колышет, кроме возможности закадрить какую-нибудь девушку, зануде Диме, в Вакуловском, таком кругленьком, толстеньком. Когда появился Саня (Политковский. – Е. Д.) – это был любимец народа, вот он свой. Первый получил, по-моему, кликуху Политуля. Вот и всё, он стал свой: Шура, свой. Понимаете, наверное, каждый из них отражал какую-то часть молодёжи. Они не были придуманными, они были кусками жизни.

Так всё начиналось. «Кусками». Да и на пике своей невероятной, рекордной популярности команда не представляла из себя нечто дружное, гармонично целое. Изначально культивировалась опытным ТВ-начальством конкуренция, склоки, наветы, вражда, интриги. Зависть & обида.

Поначалу мне казалось, что работа над TVlution будет приятной мемуаристикой, а на деле оказалось, повторю, что люди, которые работали на этом проекте, сейчас настолько ненавидят друг друга, что придётся поссориться со всеми. Точки зрения на одни и те же факты и сюжеты у разных участников оказались диаметрально противоположными.

Но я, как камикадзе, осознанно иду на риск конфликта, ибо испытываю ностальгическую симпатию ко всем героям и не могу никого предпочесть. Ведь не оговорился: все «взглядовцы» были людьми героическими. И, я бы даже сказал, бескорыстными. Что в нынешней системе координат – одно и то же. Они работали не за славу, не за деньги – а за идею. Не ведая, что являются пешками в чужой игре, что ими двигают кукловоды гораздо более опытные и смышлёные. Я лишь post factum узнал, что инициатива создания «Взгляда» принадлежит Лубянке. Что это было детище КГБ СССР, которое контролировалось соответствующим отделом ЦК партии. И если бы мне об этом сказали в ту пору – я бы просто не поверил!

Встречаясь с экс-коллегами для уточнения подзабытых деталей, я от беседы к беседе погружался всё глубже в пучину уныния.

– Нееееет, друзьями мы никогда не были. Никогда. Мы просто работали вместе, – с печальной улыбкой диагностировал Политковский.

Все такие разные. Лысенко говорит:

– Например, Александр Масляков – никогда не злоупотреблял своим положением, когда был главным редактором «молодёжки», не «лез в творчество». Он считал, что его функция – организовывать производственный процесс так, чтобы «творюги» могли творить, не испытывая ни в чём сложности. А есть люди такие, как Константин Эрнст, которому легче сделать самому, чем объяснить, чего он хочет.

Да, все разные. И невозможно возвыситься с умным видом над этим гордиевым узлом взаимных обид и запоздалого сведения счётов. «Кто не с нами, тот против нас». Так всегда было. И во «Взгляде» было так. И в несравненной «молодёжке». И на нашем славном телевидении. И вообще на телевидении, в

глобальном масштабе. Во всей могучей медиаотрасли. Мировой. В мире, наконец. В истории. Таков каприз мироздания.

Только, замечу, сегодняшний поствзглядовский контекст ультимативную установку скорректировал: «Кто не со мной, тот против меня». Потому что ныне каждый по себе, разбежались персональные траектории, как круги по воде. Круги от камня брошенного. Который спал до поры за пазухой. Потому что союзников не осталось. Потому что счёт идёт на \$-миллионы и судьбы. Потому что объём взаимопетензий всегда пропорционален делу. А дело «взглядовское» было воистину значительным. Грандиозным было.

И вот самый заслуженный из ведущих «Взгляда», Владимир Мукусев (и самый, замечу, старший по возрасту, хоть и не по званию), обвиняет мудрого ТВ-гуру Анатолия Лысенко, положившего на алтарь исчезнувшего бренда своё здоровье, в подлом доносите́льстве (сотрудничестве с КГБ). А сам Лысый, говоря об отважном суперрепортёре Саше Политковском, который лично для меня всегда был тождественен трейдмарку под названием «Взгляд», – может со снисходительной полуулыбкой пробросить: «лентяй и пьяница». Политок в свою очередь считает, что его в своё время некрасиво «кинул» покойный Влад Листьев со товарищи. А у Листа ещё тогда были горькие претензии к хитрым своим компаньонам, которые при делёжке роскошной площадки пятничного эфира на Первом канале с помощью наивного (?) Анато́ль Григорича Лысенко отодвинули его от перспективного, как грезилось, направления политической журналистики, ловко пристроив самого популярного из ведущих в «клоунскую» нишу конференсье в бабочке.

Один из первой тройки ведущих – Дмитрий Захаров – не общается с экс-коллегами, а распиаренный мегапродюсер & блистательная ТВ-икона Кира Прошутинская, стоявшая у истоков проекта, печально констатирует:

– Не люблю упрекать людей в неблагодарности, но некоторые меня удивляют: Захаров почему-то при встрече даже не здоровается, словно мы и не знакомы вовсе.

И каждый по-своему прав. Каждый. «Правда всегда одна, это сказал фараон», – мрачно утверждал Слава Бутусов, но мы-то знаем, что она у каждого своя. И берусь предположить, вспоминая о том времени, что легенды не врут, никто не кривит душой. Просто каждый помнит лишь то, что хочет помнить его эго. С нужным ракурсом. С «правильными» деталями. И это тоже природа. Природа двуногого. Природа человека.

Но, так или иначе, ещё раз: «Взгляд» вошёл в Книгу рекордов Гиннесса – его аудитория превышала двести миллионов зрителей, и этот рекорд непобиваем. Значит, было что-то в том порыве... Я иногда пересматриваю старые выпуски передачи по каналу «Ностальгия» и поражаюсь, насколько они были непрофессиональными, наивными... но безмерно искренними. В тот же период шла упомянутая передача Владимира Молчанова «До и после полуночи» – она была на порядок выше по качеству контента и по ведению. Она выходила раз в месяц, время показа (до и после полуночи) было не самое лучшее... Но у «Взгляда» была фора один к четырём! Вот передача и стала, как теперь говорят, культовой...

За счёт чего произошёл революционный прорыв? «Всё было впервые и вновь». Западного телевидения мы не знали.

Хотя «Взгляд» порой эфирился из-за рубежа; Лысенко как-то вспоминал: *«Мы поехали делать выпуск из Франции вживую – Иван Демидов, Владислав Листьев, Андрей Разбаш, Елена Саркисян, Галина Ихтина, операторы. Для французов это было совершеннейшим шоком. Они обычно делали такую передачу: три фотографии и один сюжет, в лучшем случае. А когда они узнали, что у нас в каждой передаче по тридцать сюжетов, они нам сказали, что у нас «очень богатые продюсеры».*» Именно находясь в Париже, Листьев и Лысенко во время просмотра выпуска американской передачи Wheel of

Fortune записали в гостиничный блокнот все «ходы» и попросту своровали этот проект, известный нам как «Поле чудес»! Сейчас бы купили лицензию. А тогда и слова-то «лицензия» не было в лексиконе телепрофи.

Однако я помню и людей, которые креативили за кадром. Не получая за это ни \$\$\$, ни привилегий, ни восторгов зрительских. Помню, что «Взгляд» на самом деле творился другими... Не теми, кто парадно персонифицировал успех.

Александр Любимов как-то признал: «Ведущий – это часть большого коллектива. Сейчас такое шоу, как «Взгляд», могут производить 10 – 15 человек. А тогда его делали человек 100 – 150. Да, в какой-то момент мы, как ведущие, тоже участвовали в формировании идеологии, но если возвращаться к тем временам, это шоу не наше, а всей страны».

О да, «Взгляд» созидался людьми, которые не получали (ни тогда, ни после) завидных дивидендов всенародного обожания. При этом не просто одарёнными, но порой – моё суждение – гениальными (по-телевизионному). Телекомандиры с отменным вкусом и недюжинной отвагой – Анатолий Лысенко, Александр Пономарёв (Пономарь) и Эдуард Сагалаев. Волшебный оператор-постановщик Владимир Брежнев. Одарённые режиссёры Иван Демидов, Игорь Иванов, Макс Иванников и Татьяна Дмитракова (Дмитра). Несравненные ТВ-мастера видеомонтажа Владимир Краузов и Михаил Ольховский. Героические выпускающие Стас Ползиков и Андрей Шипилов. Гений креатива Константин Эрнст. Талантливые «родители» мегапередачи Анатолий Малкин и Кира Прошутинская. Замечательные звукорежиссёры Татьяна Дюжикова и Марина Ширяева. Вдохновенный музредатор Елена Карпова – между прочим, в известном смысле спасшая спивающегося Листьева (с которым она вместе училась), поскольку именно она познакомил Листа с той самой женщиной, которая, как водится, стоит за спиной любого выдающегося мужа, – Альбиной (Лена привела ведущего в мастерскую Назимовой). Мегапрофессиональные Елены – Масюк и Саркисян... И десятки других, чьи лица сопряжены в памяти моей с бессонными ночами монтажей, беспечным куражом дерзких командировок и адреналиновыми «орбитами» дневных эфиров, которые как бы трамплинили кульминационный пятничный вечер. Телевечер, который для двухсот миллионов зрителей начинался с магического пароля: «В эфире «Взгляд»!»

Глава 1. ЛИСТЬЕВ. ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

Пристрастный рекеиём

В марте 2011 года истёк срок давности по «делу Листьева». В этот день предусмотренные законом пятнадцать лет минули с того самого вечера (20 часов 38 минут) 1 марта 1995 года. При возвращении со съёмок программы «Час Пик» ТВ-кумир страны российской Владислав Листьев получил две пули (в руку и в голову) на площадке между первым и вторым этажами в подъезде дома по адресу Новокузнецкая улица, дом 30, где телекомпания «ВИД» в лице директора Александра Горожанкина (Гаража) приобрела ему достаточно скромную квартиру незадолго до убийства.

Однако я помню, как года за четыре до тех роковых выстрелов, когда никто в стране знать не знал, кто такой есть, например, Борис Березовский, на тесной кухне малогабаритной квартиры одного из ведущих «Взгляда», фамилия & лик коего известны были всему СССР, деловито обсуждалось – как «убить Листа». Нас там было трое. Но об этом – позже...

Много воды с той поры утекло. Воды солёной, как слёзы, как пот & кровь. Никто ведь не понимал тогда, что большая политика делается маленькими манипуляторами. Наивными и отважными были многие из причастных к той взрывной эпохе. И вряд ли кто-либо из них ведал, что творил, или хотя бы осознавал масштаб наступавших перемен. Но это была только часть проблемы.

Анатолий Лысенко вспоминает:

– С «мальчиками» (первой тройкой ведущих. – *Е. Д.*) было проще работать, чем с Мукусем, например: потому что я был опытнее их, старше. Но уже тогда было видно, к чему мы придём. В них стала пробуждаться эта... Мммм... Понимаешь... с одной стороны, было «Мы!». Но в каждом из них было ведь и «Я». И по мере обретения популярности это «Я» становилось всё больше и сильнее.

Прав был Лысый, мудрым стоило бы его называть. В результате «Я» победило. Бывшие как бы соратники, абсолютные кумиры страны, стоявшие, как казалось зрителям/поклонникам, локтем к локтю в едином & монолитном строю отважных борцов с коммунистическим режимом, своими разными биографиями безапелляционно проиллюстрировали старинный и печальный тезис «От любви до ненависти – один шаг». Всего один. Год. Эфир. Выстрел.

Впрочем, сейчас я понимаю: прямо с самого своего старта в октябре 1987 года эта безымянная ещё программа (просто «АСБ– 4», по номеру студии) беременна была некоей «гражданской войной». Ну или «вознёй».

Мукусев вспоминал, как для «еженедельной информационно-музыкально-публицистической развлекательной программы для молодёжи» был объявлен конкурс на лучшее название: «Нас просто завалили письмами – назовите «Ночной экспресс», «Телескоп»... и наконец, «Взгляд». Мы были против – как же так, четыре согласных подряд! И вот, пока все обсуждали и ругались, главный редактор «молодёжки» и «крёстный отец» новой программы Эдуард Сагалаев вызвал к себе режиссёра Игоря Иванова и, несмотря на наши вопли, просто заказал ему заставку с названием».

На каждом этапе нужна была чья-то воля. Чьё-то решение. Чей-то поступок.

Часто приходится общаться с западными журналистами, коих фигурант Книги рекордов Гиннеса проект «Взгляд» по-прежнему интересуется. Но!.. Им, увы, неинтересны человеки, делавшие программу, их занимает только политический аспект вышеуказанного феномена. И с точки зрения англосаксов, именно

этот ТВ-продукт был самым наглядным & эффективным медиainструментом разрушения административно-командной системы ненавистных «свободному миру» сталинистов. С другой стороны, чему тут удивляться? Мы играем большую, как ни странно, роль в их жизни. Один мой знакомый, французский дипломат, работавший ранее в России, – Жозель Бастенер – пишет теперь исследование о советском роке. Ну, казалось бы, кто во Франции, кроме специалистов, будет читать эту книгу?

Кстати говоря, немаловажно то, что в их системе восприятия реальности «Взгляд» делали супруг и друзья известной на Западе Анны Политковской (которую я знал как студентку Аню Мазепу)... Помню, что Политковский рассказывал мне о том, как она выведала у него (не как у коллеги, замечу, а как у мужа, родного человека) инфу о его знакомых, после чего «сдала» фактуру «Общей газете» (где тогда работала), не заморачиваясь особо, что не только подставляет супруга, но и плавит его друзей. Ну да ладно.

В этом союзе изначально был отчётливый привкус мезальянса. Выпускник школы рабочей молодёжи, отслуживший срочную Александр был привлекателен и неординарен, к тому же – на пять лет старше Анны (которая ещё ходила в школу на момент их знакомства). Его хрупкая невеста, рождённая в Нью-Йорке, успехом у сверстников не пользовалась, но поскольку родители часто ездили по работе за океан, обладала столь дефицитной в СССР «территорией» (в престижном «мидовском» доме) для молодёжных тусовок. В этой номенклатурной квартире они и познакомились во время одной из вечеринок, куда Сашу, как он мне рассказывал, пригласила его сокурсница, старшая сестра Анны.

Они с Аней быстро сошлись. Может быть, потому что оба = Девы по гороскопу. А может, просто гормон гулял. Расписались будучи студентами журфака (ему 25, ей 20). Политок приехал за суженой в её номенклатурные хоромы, надев картуз с цветком и прихватив «авоську», в которой, помимо буханки чёрного хлеба, была и бутылка водки. Консьержка не была в восторге. Впрочем, после ЗАГСа вся компания двинула в Сашино 19-метровое гнездо. В «хрущобе» и гуляли свадьбу.

Из номенклатурной девочки выросла самоотверженная спутница репортёра, которая не только подняла двоих детей (Илью и Веру), но и полностью занималась домом, пока Александр рассекал по служебным командировкам (например, однажды они приобрели добермана и собака, когда ей было чуть более года, заболела, стала подыхать: животное выхаживала Аня в одиночку).

Денег в семье не хватало катастрофически. Поэтому сублильная супруга одевалась в «Детском мире» (напомню, что товары для детей в СССР стоили копейки). Когда родилась младшая, Саша решил к возвращению из роддома измученной роженицы сделать сюрприз: приобрести холодильник. Занял деньги у коллег, но вот на доставку уже не хватало. В результате морозильный агрегат в разобранном виде привезли на «Жигулях» знакомого, а дома Александр его по новой смонтировал.

А что касается развлечений, шли на всякие хитрости. Они жили напротив Театра Маяковского (на улице Герцена) и пользовались этим: зимами заходили в театр без верхней одежды, попросту перебежав дорогу, типа «выходили на перекур». Шутили, что знают весь репертуар исключительно по второму + третьему актам.

Кстати, сестра Анны, познакомившая Политковских, тоже вышла за коллегу, журналиста «Комсомольской правды» Юрия Кудимова. Который позднее возглавил Национальный резервный банк (его на своё место посадил Александр Лебедев после избрания в Думу; он же владеет «Новой газетой», в которой работала Анна). При этом Кудимовы и Политковские не очень плотно общались, насколько знаю.

Публицист/правозащитник Анна Политковская никогда, собственно, не была журналисткой в Сашином понимании, а её блистательный муж стал Репортёром № 1, основателем новых телевизионных жанров. И пропасть эта была весьма ощутима. Кроме того, Саша, как настоящий русский репортёр, любил накатить, а что касается его супруги, то она лишь влёгкую стала прихлёбывать коньяк после того, как ей эту

завидную терапию предписали врачи (для снятия последствий нервного срыва, спровоцировавшего спазм сосудов головного мозга). Анне приходилось работать под прессингом угроз, в том числе и с абсолютно неожиданной стороны: как-то (после публикации о залоговых аукционах) ей угрожал расправой Владимир Гусинский, которого оба супруга знали хорошо.

Расстались они лет через десять после закрытия «Взгляда». Анну тогда пригласили посетить святые места в Земле обетованной, и Саша был её гидом. После той поездки они разбежались, хотя брак официально и не расторгли.

А потом... потом Анна Политковская, получившая гражданство США, стала жертвой политической игры и четыре выстрела (включая контрольный в голову) в лифте дома на Лесной улице превратили её в самого известного на Западе представителя профессии. А Политок как бы получил статус «старика Крупского».

Возвращаясь к возневоинам. Жизнь есть жизнь. Герои, без потерь существенных пройдя яростный огонь и коварную воду, не выдерживают головокружительного испытания медными трубами. Деньги & слава ломают. Так, увы, было всегда. Везде. И у них, и у нас. Тем более в шоу-бизнесе и смежных областях.

Съёмочная группа, например, слепившая некий киношедевр, распадается вскоре на толпу разнородных «Я», которые безжалостно клеймят экс-коллег. Винят по поводу и без. Сводят счёты, разбежавшись по страницам таблоидов. Такова природа коллективного успеха. А «Взгляд» был именно коллективным проектом, не моноперсонифицированным, как, допустим. «До и после полуночи» Владимира Молчанова.

Справедливости ради замечу, что печальный «закон распада» действует с той же танковой неизбежностью и на бытовом уровне. Сколько благополучных, стабильных, счастливых, казалось бы, семей развалилось после того как «попёрло бабло», «забила нефть» или кто-нибудь из супругов взлетел на пьедестал всенародного признания... «Богатые тоже плачут»? Нет, нет: они просто остаются со своим любимым «Я» в космическом холоде успеха.

Талантливые, красивые, умные, лучшие из лучших, любимцы державы не выдерживают злого напряжения крысиных гонок. И объединить их вновь может разве что ненависть к кому-нибудь из бывших соратников. Объединить, впрочем, лишь на время. Что и случилось с героями «Взгляда» после скандального интервью «предателя» Владимира Мукусева, который взял да и «вынес сор из избы» на страницы «Огонька» в январе 1991 года. И аудитория самого популярного в ту пору еженедельника узрела экранных атлантов в ином, гораздо менее привлекательном виде. Тогда на «Мукуся» дружно обрушились все почитатели «торговой марки» «ВИД» («Взгляд и другие»). Не говоря уже о самих совзглядовцах. Даже его многолетний напарник Политковский не решился поднять голос в защиту ренегата, ударившего стилетом разоблачений в спину полупридушенного партийной цензурой «Взгляда». «Нам не дано предугадать, чем наше слово...» Одно-единственное слово, не проговорённое вовремя или, напротив, добавленное некстати, может поменять смысл на противоположный. Сравним лермонтовское «пустое сердце бьётся ровно» и пелевинское «пустое сердце бьётся ровно напололам». В принципе, это интервью поставило оглушающую точку в блистательной карьере автора, поскольку всеми было расценено именно как предательство (момент случился неудачным, напечатали беседу в первом выпуске 1991 года, а накануне Кремль программу закрыл). Мукусев был и остался талантливым, прекрасным, эгоистичным идеалистом, переоценивавшим роль (как, впрочем, и миллионы других) «Взгляда» в общественной жизни СССР и свою – во «Взгляде». Да, программа была культовой и была лидером, но не была единственным спецназом перестройки. А Владимир не был её единственным ведущим. Тех же Любимова и Листьева зрители (и начальство) любили больше, и профессиональные навыки здесь ни при чём.

Стас Ползиков в одном из интервью вспоминал: «Помнится, на первых передачах частенько лежал под камерой на подсказках. Это сейчас они все знаменитые академики, а тогда был просто цирк с конями...

но был и драйв, и озорно-серьёзное начало во всём. Существовала общая концепция, которую формировали все сотрудники «молодёжки», и на самом деле мы были людьми увлечёнными, энергичными, готовыми в ту пору изменить мир. Вскоре ребята окрепли, стали великими, начали подхалтуривать где-то по клубам, зарабатывая рассказами о том, как они придумывали «Взгляд». На самом деле не они его придумали. На первых передачах они просто участвовали в дискуссиях. Вся динамика программы, её задумка, костяк лежали на Сагалаеве, выпускающих и, естественно, на Лысенко. Но ребята взорвали стереотипы «ящика», и спустя пару-тройку лет программа уже по праву стала авторской, с фирменной печатью Влада, Саши и Димы».

«Взорвали». Потом стали взрывать их...

Владимир Мукусев вспоминал: «Что же владело умами тех, кто убрал Влада? Листьев сосредоточил в своих руках не просто владение телевизионной империей под названием «ВИД», но и огромные материальные средства «ВИДа». Если бы Влада взяли (а его уже «вели», у меня есть такие сведения), то вместе с Листьевым были бы арестованы не только его личные счета, но и счета всей компании, всех дочерних организаций. А стало быть, «ВИД» перестал бы существовать. Тем, кто убил Влада, было важно оставить «ВИД» как данность, убрав оттуда только Листьева и только на нём сосредоточив внимание следствия и общества. В этом случае арестовывались только личные счета Влада».

Компания (как кооператив) была создана с подачи Саши Горожанкина. Гаража привёл в компанию Андрей Разбаш вместе со Светланой Поповой. Они работали в МИДе, а стали трудиться в «ВИДе». Не то чтобы долго Сашу упрасивали. Перспективу он узрел. Текст Разбаша примерно был такой: «Мы умеем снимать да монтировать. Надо, чтобы кто-то это смог продавать». Директором компании стала Попова, а коммерческим Горожанкин. Саша в 15 лет ушёл из дома и жизнь знал лучше, чем мальчики-мажоры. И хотя он окончил Московский радиотехнический техникум (1983) и Московский институт связи (1988), Саня отлично понимал в бизнесе. От природы, полагаю.

Скоро ведущие «Взгляда» сменили застиранные рубашки на белоснежные сорочки. Позабыли они про общественный транспорт. Потом, как в случае с Разбашом, дошло и до самолётов. Когда Лист и Люби научились зарабатывать на приглашённых политиках, необходимость в коммерческом наставнике отпала и решением ВИДовского Совета Горожанкин был сориентирован на музвещание. Продюсировал «МузОБОЗ» и «ПОСТмузыкальные новости». Придумал вместе с Ваней Демидовым газету «МузОБОЗ», которую я позднее у них увёл, переименовав в «Музыкальную правду» (Эдик Лимонов в одной из своих книг назвал её «изданием для людей с мозгами кошки»).

Впрочем, коммерция коммерцией, но не это было главным. Не ради \$\$\$ всё затевалась, а драки ради и свободы. Гараж по природе = настоящий воитель, защитник отважный и преданный соратник, он был с ребятами и в трудные времена. Кстати, в том рижском ресторане, где в мае 1991-го бутылкой раскроили голову его тёзки Любимова, Саша (вместе с Ваней Демидовым) сидел за тем же столом. Они пришли туда, в день не самого удачного полуподпольного эфира, когда подпалили студию и Люби вещал в прямой эфир, задыхаясь от ядовитого дыма. Ночью у гостиничных номеров всей троицы (Демидов – Горожанкин – Любимов) дежурили автоматчики. Утром их этапировали в Москву.

Но всё это случилось позже, а тогда Александр Викторович Горожанкин выступил с актуальной инициативой создания коммерческой структуры. Его необъяснимое обаяние столь чарующе, что ему ведущие дружно предложили стать дольщиком в компании, а директору Поповой – почему-то нет.

Саша Любимов и выступавший с ним в рабочем тандеме Иван Демидов подрубились на эту идею сразу. Политковский тоже почти не колебался. Листьев думал недели три-четыре. А вот Захаров... отказался без раздумий.

Последнему эту ставят в заслугу, акцентируя его нежелание играть в коммерцию. Однако я хотел бы напомнить контекст захаровского несогласия. Дмитрий только-только вернулся из командировки в провинцию, в которой за четыре дня заработал \$35 тысяч (могу ошибиться в точном количестве дней и/или тысяч, но это не суть). И посыл, зашифрованный в отказе, по моему сугубо субъективному, естественно, разумению, был следующий: пока вы тут, ребята, суетитесь, что-то затеваете псевдокапиталистическое, я рублю реальное бабло. Потому что по тем раскладам это невообразимый гонорар был, стоимость нескольких квартир или заводика скромного. Огромные деньги. Зарплата в сотню баксов была тогда в медийке завидной и почти что сказочной. За ведение «Взгляда» звёзды получали 40 рублей, то есть \$10 (по чёрному курсу).

В ЗАО «Телекомпания «ВИД» акционерами стали Любимов Александр Михайлович 17, 14%; Разбаш Андрей Леонидович 17, 14%; Демидов Иван Иванович 16, 43%; Горожанкин Александр Викторович 16, 43%; Политковский Александр Владимирович 16,43%; Листьев Владислав Николаевич 16, 43% (после его гибели доля была распределена между вдовой Назимовой Альбиной Владимировной 13, 57% и сыном Листьевым Александром Владиславовичем 2,86%).

Поздее (об этом ниже рассказ Политка) акционеров заставили свои акции фактически слить. Демидов к тому времени уже рулил на Шестом канале (МНВК) и не очень заморачивался, остальных обрабатывал Разбаш. В результате все (кроме Любимова) оказались без акций.

Дима Быков через три года после убийства Листьева написал: «Когда перестройка дошла до некоторого предела и обязана была перейти в иное качество, у Горбачёва на это иное качество не хватило храбрости и дальновидности, а у передовой интеллигенции не было уже того кредита народного доверия, которое требовалось для решительного рывка. Пошли пресловутые пустые прилавки, безработица – короче, массы-то ещё готовы были терпеть, но интеллигенция, привыкшая быть во всём виноватой, уже сомневалась, а туда ли мы идём. От «Взгляда» требовалось уже не разоблачение ужасного прошлого и не социальные диагнозы, а поступок, нечто пассионарное, романтическое, в духе, может быть, Невзорова, или совсем наоборот – не знаю. Во всяком случае, для решительного этапа, скачка требуется темперамент иной, не свойственный прагматике. И когда программу закрыли, «Взгляд» – к тому же расколовшийся, но не будем вспоминать печальный инцидент с мукусевским интервью А. Ниточкиной в «Огоньке» – не продемонстрировал готовности бороться в открытую, ярко, демонстративно; выпуски «Взгляда из подполья» по остроте и динамичности уступали официальному, разрешённому «Взгляду». Ни Любимов, ни Мукусев, после раскола делавший что-то своё, региональное, не были приспособлены к существованию в подполье. Их стихия – легальность. В подполье очень трудно быть профессионалами. Что мог сделать тогда «Взгляд»? Не знаю. Но уж во всяком случае не смириться с закрытием, не ограничиваться пресс-конференциями. Но Любимов и Политковский не политические борцы, хотя и были депутатами Верховного Совета. А Захарова тогда уже интересовали совсем другие вещи – например, история, потому что в современности он разочаровался. Новый этап деятельности «Взгляда» мог начаться в конце 1991 года, после путча, но не начался, поскольку Россия так и застряла на пороге чего-то, и куда двигаться дальше – никто не знал. Потому так и не хотелось всем нам прощаться с эйфорией, наставшей после августа-91, потому и Ельцин сразу улетел в Сочи. В некотором смысле Россия никогда не была выше того предела, которого достигла в 91-м. Во всяком случае, здесь я солидарен с В. Аксёновым: то были три лучших (пока) дня новой русской истории. Потом было отступление. В нём тоже никто не виноват – страна такая. И «Взгляд» справедливо рассудил, что бороться бессмысленно – пора расходиться и делать своё дело применительно к реальности. Это ответ истинных прагматиков. Наиболее эгоистичный, но и наиболее здравый выход – он хоть к чему-то ведёт. С этого момента «Взгляд» перестал быть символом свободы и стал символом преуспевания.

Да и «Взгляда», строго говоря, уже не было: был «ВИД» – «Взгляд» и другие», в котором тон задавал

Листьев. Говорю именно о тоне, а не о коммерческой, скажем, стороне дела. Листьев первым почувствовал или подумал (хотя я до сих пор не убеждён, что он всё оценил правильно), что пришла пора равняться на обывателя. Интеллигенция своё сделала: система выглядела разрушенной, а капитализм – завоёванным. Хватит сражаться, пора жить. Политизация отходит в прошлое, «караул устал», давайте создавать телевидение по западным моделям, но с поправкой на особенности нашего обывателя (определённая зажатость, консерватизм, любовь к стабильности, ностальгия)».

Итак, первый весенний день 1995 года стал последним днём жизни ТВ-гиганта Листьева. Страна о трагедии узнала от Михаила Осокина. Из того же сюжета стало ясно: вещи и налик, имевшиеся у прославленного ведущего, остались нетронутыми, что привело следователей к однозначному выводу: убийство заказное. Впрочем, киллеры оружие не бросили на месте преступления, что свидетельствует о том, что исполнители были отнюдь не экстракласса.

На следующий день, объявленный Днём траура, вышел спецвыпуск его шоу «Час Пик», в котором рассказывалась хрестоматийная биография Листа. Заявление по поводу преступления сделал президент России Борис Ельцин, коего потом, кстати, некоторые журналисты обвиняли в причастности к расправе.

На похоронах, прошедших в субботу 4 марта, присутствовали десятки тысяч неравнодушных. По решению властей в течение всего дня в эфире Первого канала демонстрировался чёрно-белый портрет убитого с лаконичной констатацией: «Владислав Листьев убит».

Пятнадцать лет спустя не просто странно, но диковато было мне читать отзывы на свою публикацию в «МК», посвящённую Листу: «Могу Вас заверить, что отнюдь не все его любили. Многие относились равнодушно. Но особенно помнится, что на следующий день после его смерти все телеканалы (их было не так много, как сейчас) весь день транслировали его фото с надписью – «Влад Листьев убит». И это вызывало бешеное раздражение. Почему-то думалось – а вот если бы машиниста метро убили? Представляете, входите в метро, а там плакат – «Поезда не ходят. Убит Иванов И. И.». Эти настроения лично мне были неведомы. В ту пору.

Тогда буйствовал безмерный драйв, пульсировал революционный кураж, креативились новые форматы, да и новояз формировался тогда же. В год создания «Взгляда» Любовь Аркус и Дмитрий Быков описывали эти тенденции: «Язык прессы пока ещё довольно однообразен, журналисты со сколько-нибудь индивидуализированным стилем – на вес золота. В газетах преобладает смесь двух новоязов: это язык прежней эпохи, сильно разбавленный англицизмами. Это молодое поколение – в основном дети тех самых шестидесятников Владимир Яковлев, Артём Боровик, Дмитрий Лиханов, Евгений Додолев, Александр Любимов – уже берёт своё. Представители недавней «золотой молодёжи», выросшие в огромных квартирах или проведшие отрочество за границей, молодые выпускники международного отделения журфака МГУ, они начинают делать погоду на телевидении и в прессе. Отличные стартовые возможности и врождённое отсутствие страха позволяют им в течение полугода растабуировать все запретные темы и посетить все горячие точки, куда прежде не ступала нога советского журналиста».

Ещё о новоязе: толк-шоу

Забавно, например, как появилось в нашем языке столь привычное ныне «ток-шоу». Ваня Демидов потом вспоминал в своём ЖЖ: «Сегодня писал слова и вдруг описался, ну пальцы нажали не ту кнопку. Бывает. Написал «толк-шоу». И... вспомнилось. Первое ток-шоу в нашей стране сделали мы. И поэтому претензии к этому воспоминанию могут быть только у живых свидетелей Александра Любимова и Дмитрия Захарова (Листьев убит, Разбаш умер в день моего рождения, спасибо, Андрюш, издеваешься. 1989-й или 1990-й год... не помню точно, помню, что предновогоднее. Саша (Любимов) говорит: «Есть такая форма – Talk-show». Мы: «Это что?» Он рассказывает. Дима: «Я бегать с микрофоном не буду!» Разбили студию (4-ю Останкино) на три сектора – гости, две трибуны зрителей. На трибунах с микрофонами – Любимов, Листьев (типа подтянутые, спортивные). С гостями – в кресле – Захаров. Гости – четыре человека, помню только маршала Ахромеева (застрелился потом). Не суть. Я говорю Любимову – как назовём? Он – не знаю. Я: хорошее же название, «Talk-show». Монтирую шапку программы. Миша Ольховский печатает – «Толк-шоу». Я задумался. «Толк» – по-русски хорошо, в смысле – смысл. «Ток» – глухаринные разговоры! И то, и то – зачёт. Не знаю почему, говорю – «ток» (никакого электричества). И программа выходит с названием – «Ток-шоу». Вы теперь так это и называете. А могли бы называть – «толк». Надо же, какие мы...»

Тина Канделаки в комментариях к этому посту написала Ване: «Я тебя таким помню... и скучаю». Но были и другие реплики (о специфике блог-комментирования и об особой породе анонимных «ненавистников» – позднее): «Надо же, какие мы... Да никакие вы. Не было бы команды сверху на обсирание Родины – и поехали бы вы на картошку вместо толк-шоу. Толк от вас только отрицательный, много крат хуже, чем бестолочь. И отсутствие у вас ума вас вовсе не оправдывает, ввиду тяжести последствий. Я вас ненавижу. И хорошо, что вы мрёте».

А ведь в защиту «взглядовцев» состоялся в начале 1991 года самый рекордный за всю историю страны митинг на Манежке: полмиллиона фанатов (об этом тоже ниже)!

За неделю до убийства, 20 февраля, Влад объявил о вводе моратория на все виды рекламы, пока Первый канал не разработает некие «этические нормы». Александр Коржаков в газете «Новый Взгляд» утверждал, что «отмена рекламы (на ОРТ) означала лично для Лисовского и Березовского потерю миллионных прибылей».

Через год в российской версии журнала Forbes главный редактор Пол Хлебников расскажет, что «в одном из докладов сотрудник столичного РУОПа отмечал, что Листьев опасался нападения и в конце февраля рассказал ближайшим друзьям, за что его могут убить».

Самого Пола убили спустя почти десять лет, 9 июля 2004 года. В него стреляли при выходе из редакции. Трое убийц пасли жертву в автомобиле ВАЗ-2115: четыре пули попали Хлебникову в живот и в грудь. Журналиста доставили в городскую больницу № 20. Больничный лифт застрял. В нём Пол и скончался. Между прочим, в карете «скорой помощи», которая доставила истекающего кровью редактора в клинику, не было кислородной подушки.

Итак, когда Влад решил покончить с монополией на рекламу, к нему в приёмную, как мне рассказывал присутствовавший при этом Марк Рудинштейн (на «Кинотаврах» коего Листьев вёл церемонии в паре с Таней Догилевой), явился рекламный магнат Сергей Лисовский и потребовал от Листа компенсацию в \$ 100 миллионов, угрожая однозначными радикальными мерами.

Пол считал, что запрет на рекламу объяснялся тем, что Влад жаждал более выгодных предложений за право распоряжаться рекламой на ОРТ. Мол, Лис предложил ОРТ \$100 миллионов, а Лист рассчитывал на 170. Листьев, по словам наших общих друзей, сказал оппоненту, что нашёл некую европейскую компанию,

которая якобы готова платить за право распоряжаться рекламным временем на ОРТ гораздо больше – \$200 миллионов.

По мнению журналистов Forbes, Лист обратился к Борису Березовскому «с просьбой провести операцию по выплате 100 миллионов Лисовскому». Хлебников утверждал, что деньги были переведены на счёт одной из компаний Березовского и что Березовский пообещал перевести \$\$\$ Лисовскому через три месяца.

Хлебников писал, что Березовский вёл в то время переговоры с несколькими преступными группировками и что в начале 1995 года сидевший в заключении «авторитет» заявлял «о получении просьбы убить Листьева от помощника Березовского Бадри Патаркацишвили». По Хлебникову, накануне Борис Абрамыч встретился с вором в законе по имени Николай и передал ему \$100 тысяч. Утверждалось, что, когда Берёза вернулся с панихиды в знаменитый среди медийщиков & истеблишмента дом приёмов «ЛогоВАЗа», там были менты, которые предъявили ордер на обыск. Охрана, включая подполковника ФСБ Александра Литвиненко (о версии которого – позже), не пропускала омоновцев до полуночи. В конце концов руоповцы попросили Бориса + Бадри подъехать в отделение милиции на допрос. Березовский позвонил исполняющему обязанности генпрокурора Алексею Ильюшенко, и тот санкционировал снятие показаний в приёмной Берёзы.

Березовский попросил ТВ-мэтра Ирену Лесневскую, подругу жены Ельцина, записать вместе с ним видео (формат ламентаций на Youtube тогда ещё не существовал). Они в этом ролике наехали на Владимира Гусинского (Гуся), Юрия Лужкова с Иосифом Кобзоном и, само собой, Лубянку. В результате видеообращения руководителей расследования (прокурора Москвы Геннадия Пономарёва и его заместителя) уволили, а милиции приказали оставить Березовского в покое.

Если завтра вдруг найдут убийц и/или заказчиков Листа, их можно будет лишь пожурить, заклеить позором, показать в передаче «Человек и закон», обозвать подонками или представителями секс-меньшинств. Но! Арестовать их уже нельзя. Поезд ушёл. Срок давности истёк.

Глава 2. ПРОЕКТ. НАЧАЛО

1987 год

Выступая однажды на творческом вечере в одном из московских НИИ вместе с Александром Политковским (тогда суперпопулярным и всеми узнаваемым), не без удивления узнал, что «Взгляд», оказывается, был придуман с подачи ЦК КПСС: Саша упомянул, что его высокопоставленный тёзка Яковлев санкционировал создание проекта. Только потом, прикинув что к чему, сам себе сказал – вряд ли можно было в 1987 году зачинать какое-либо издание или тем более телепередачу без высочайшего позволения идеологической службы. Принято считать, что «молодёжные пятницы» создали как альтернативу пятничным выпускам музыкального блока ВВС. Радиоэкстремист Сева Новгородцев каждую пятницу методично плавил мятые идеологические мозги юных слушателей. Атаковал чуждыми мелодиями сатанинской музыки, снабжая эти звуки вредными комментариями. Насколько знаю, КГБ подготовил дельную и объективную справку об этом для высшего руководства. И решили: пусть песни эти совмолодёжь слушает по первой программе отечественного телевидения. С хорошими, конечно, комментариями.

Если б они знали... Поживём – увидим, думали в КГБ. А потом стало уже поздно. Передача стала лидером медиа. Именно во «Взгляде» впервые появились и Ельцин, и Кашпировский, Тельман Гдлян и Нина Андреева. Да мало ли кто ещё.

«Впервые и вновь»

Спрашиваю Лысенко: «А какой вообще был отбор, почему изначально выбрали этих троих – Любимова, Листьева, Захарова?»

– Пришли, кстати, действительно трое, а не четверо, как принято считать. Картинный Саша Любимов, денди-бой, масса зубов, всё такое. Усатый Влад Листьев, такой очаровашка. И абсолютно никакой Олег Вакуловский. Потом, буквально через неделю, пришёл ещё и Дима Захаров. Заменявший Олега. Совершенно другой. Дима, он же такой зануда...

– Знайка. У него ведь поэтому своя аудитория, многие его обожают и его «Веди» смотрели, несмотря на то, что он ушёл из «ВИДа», оставив столь прибыльный (в смысле аудитории) пятничный вечер.

– Знайка, да. Один из зампредов его называл Гурвинеком.

Дима Быков в своей программной (и очень, по мне, спорной работе «Взгляд» и Нечто») констатировал: «Четыре стихии, четыре темперамента были тут явлены с исчерпывающей полнотой: те, кто в эту схему не вписывался (как энигматичный, довольно разный Мукусев), отсеивались. А четыре темперамента, составлявшие костяк команды, были:

динамичный, ироничный карьерист Любимов, в конце концов ставший олицетворением «Взгляда», главой «ВИДа» и одним из богатейших тележурналистов страны;

доброжелательный, контактный Листьев, умевший веселить обывателя и понимавший, что этому обывателю нужно;

надрывный, несколько истеричный Политковский, легко впадающий в панику (или легко её имитирующий), дающий худшие прогнозы, – словом, представляющий широкие слои отечественной интеллигенции;

и наконец, яйцеголовый Захаров, трезвее и раньше всех понявший, как кратко отпущенное этому «Взгляду» время, предвидевший очередное замерзание и отражающий настроения интеллектуалов, преимущественно молодых».

В радиоинтервью, которое было посвящено 20-летию запуска проекта, Дмитрий Захаров признался:

– Склад ума каждого из нас был такой, какой он был на самом деле. То есть вальяжный Листьев, моторный Любимов и такой, как есть, я. Характеристика, данная Анатолием Григорьевичем, что я зануда, абсолютно справедлива. Мне опровергать, собственно, нечего – уж какой есть, такой и есть. Что касается одежды, то в какой-то момент нас пытались одеть, как дикторов: нас повели в какие-то закрома родины, где висели костюмы, как у членов Политбюро, вероятно пуленепробиваемые, из ткани, которую немцы называли во время войны «асбест», то есть не гнётся ни при каких обстоятельствах. Мы посмотрели на весь этот ужас и решили, что будем работать в том, что у нас есть. Вот у меня была любимая серенькая курточка. Я считал её счастливой, потому что она ещё на радио приносила мне удачу. И вот в этой серенькой курточке я работал. Ещё у меня были очки – я тогда видел хуже, чем сейчас – в белой оправе, и сдуру я как-то их надел. Тогдашний режиссёр, увидев эти очки, сказал: замечательно, очень фактурно, колоритно, вот в них и будешь работать. И вот я, поминая самого себя добрым словом, работал в этих белых очках. Но именно благодаря им запомнился.

* * *

Известный ТВ-менеджер Сергей Ломакин, формальный руководитель культовой программы «Взгляд», которая, по мнению многих демагогов, была инструментом развала страны, рулил позднее «Страной» (была такая ТВ-компания). Он вместе с Олегом Попцовым взял телеинтервью у Ельцина (тогда стремительно продиравшегося в российскую власть), и пророческой оказалась фраза, сказанная ведущему сразу после эфира тогда ещё только майором Александром Коржаковым:

– Ну, Ломакин, пожалеешь ты об этом интервью.

Знаю совершенно определённо: на протяжении последующих лет делалось всё, чтобы Ломакин жалел. Удушить, может быть, и не удушили, но «кислород перекрывали» постоянно и повсеместно. Про ведущих «Взгляда» сказано: «Одного, безвременно и трагически ушедшего, судьба сделала воплощённой легендой национального ТВ, другого превратила в преуспевающего и самодостаточного телемагната, кого-то выкинула в телевизионное никуда, кого-то, потрепав и побросав из стороны в сторону, вроде бы оставила в покое...»

Вот опять вспоминает Лысенко:

«У передачи было три начала. Первое – это принципиальное решение, что нужно сделать ночную эфирную информационно-развлекательную молодёжную программу, чтобы молодёжь перестала слушать враждебные радиоголоса. Второе – «загашник»: в столе главного редактора молодёжной редакции был такой переходящий ящик, куда складывались все заявки, которые не пошли в дело: среди этих заявок Эдик Сагалаев нашёл проект программы «У нас на кухне после одиннадцати». Мы с Кирой Прошутинской в 1972-м или 75-м хотели делать такую передачу, вроде кухни (тогда же кухня была основой культурно-идеологической жизни страны), где собирается молодёжь. Хозяева – молодые журналисты, хранят в холодильнике киноплёнку, к ним приходят гости, ну такой молодёжный пивной огонёк. Тогда это не пошло, сочли, что слишком легкомысленно. Теперь пригодилось. И третье начало – когда мы собрались после моего утверждения руководителем программы. Стас Ползиков, Серёжа Ломакин, Андрюша Шипилов и я встретились около пивнушки то ли в Парке культуры, то ли в Сокольниках и просидели там часа три-четыре, обсуждая, как может выглядеть будущая передача.

– *Сергей, расскажи мне свою версию рождения «Взгляда».*

– На одном из заседаний ЦК КПСС с подачи КГБ СССР обсудили предложение о создании молодёжной развлекательной программы. Сагалаев был по этому поводу у Яковлева, который тогда в Политбюро курировал идеологию. Вопрос был задан в лоб: «А позволено ли будет новой передаче выходить за рамки газеты «Правда»?» Ответ был типа «Ну, это мы посмотрим». Очень расплывчато. Ясно было одно – надо сделать нечто абсолютно нетипичное и интересное молодёжи.

И вот в погожий майский денёк 1987 года мы впятером – Толя Лысенко, два выпускающих редактора (Андрей Шипилов, Стасик Ползиков), режиссёр Игорь Иванов и я – пошли на ВДНХ. И там, в какой-то затрапезной такой кафешке, между выпивкой и закуской стали жонглировать идеями. Со стороны это выглядело так себе: подвыпившие мужчины размахивают руками... И нам намекнули, что надо бы валить. Прихватив с собой водки-пива, мы пошли на берег останкинского пруда, где продолжили «мозговой штурм». Придумали, что студия будет оформлена как съёмная квартира четырёх молодых людей, где есть кухня, гостиная, стоит мебель и аппаратура, что-то вроде того, что много позже (с 22 сентября 1994-го по 6 мая 2004-го. – *Е. Д.*) было реализовано на американском телеканале NBC в сериале Friends, в нашем прокате известном как «Друзья» (и, добавлю, в 2008 году на Первом канале «Прожекторпэрисхилтон». – *Е. Д.*).

Было решено, что в квартире этой будут как бы жить четверо холостяков. Придумали им условные роли: один – вдумчивый «знайка», другой – разбитной «аналитик», третий – плейбой с улыбкой до ушей,

ну и четвёртый – этакий комиссар Наваро.

– И Шпилов пригласил своих знакомых с Иновещания, которые были совсем не на «ты» с телевидением.

– Да, бытует такая трактовка. Однако я всегда считал: ребята – профессиональные журналисты, и они ими были. Хотя всего один был журналистом по образованию – Листьев. Между прочим, увести их из Иновещания было довольно сложно. Их не хотели отдавать – Анатолий Лысенко улаживал эту проблему. И так сразу сформирован был некий расклад по образам.

– Политковский говорил: «Они – такие мальчишки-мажоры, у них до этого была совсем другая жизнь. А мы с Володиёвым – стопроцентные журналисты. Здесь сразу возник некий антагонизм: их стали пытаться обеспечивать какой-то журналистской базой, а они очень слабые были все. Детский сад в самом прямом смысле слова». Александр Любимов рассказывал Олегу Кашину, что в штат молодёжной редакции его долго не принимали («Кравченко не брал меня на работу, как утверждают, потому что он лично меня не любил – слишком развязный, слишком американизированный»). И ещё: гонорары во «Взгляде» были мизерные – от 3 до 7 рублей за эфир, а на Иновещании «мальчишки» получали от 250 до 500 рублей в месяц. Так что не всё просто было. И кстати, Прошутинская говорила, что Листьев сначала им с Малкиным не показался. Какими ты ребят увидел?

– Дима Захаров: носик пуговкой, круглые глазки – идеально подошёл на роль «знайки». Такой многочитающий, очень серьёзный; я ему всегда говорил: «Дима, ты не улыбайся, тебе очень идёт, когда ты серьёзен». Хотя улыбка у него была трогательно-детской, очень непосредственной и милой. Он ещё в институте занимался темой отношений США – СССР и увлекался историей, так и остался серьёзным, никогда не улыбающимся «знайкой».

Сашка Любимов – абсолютный playboy, умеющий вворачивать словечки на разных иностранных языках. Он – выпускник престижного Института международных отношений со знанием английского и датского языков.

Влад Листьев подходил на роль разгильдяя. Он, без сомнения, был шоуменом, это в него от природы заложено.

На роль комиссара Наваро рассматривался Олег Вакуловский. но он после первых двух-трёх эфиров исчез.

По замыслу этот квартет должен был принимать своих гостей в той самой квартире-студии, комментировать репортажи и в прямом эфире транслировать новости с телетайпов. То, что они раньше работали на радиовещании, была, считаю, их главная ценность: они были свободны от стереотипов телеведущих. Даже их ляпы в эфире выглядели очень симпатично. Ну и манера ведения была совершенно необычной для советских ТВ-канонов, притом что работать они могли сутками.

Для меня до сих пор остаётся загадкой, как эти симпатичные мальчишки из обеспеченных семей сумели найти ту верную ноту, которая привлекла к ним простых людей. При этом никто из них не корректировал стиль поведения или язык общения. Саша Любимов сохранял образ такого диск-жокея с молодёжной дискотеки, то же и Влад Листьев, со своими пышными усами, сводившими с ума женщин...

По «Взгляду» написаны десятки научных работ и диссертаций. Но я не знаю до сих пор, почему у программы была столь высокая и продолжительная популярность. Но полагаю, что главная заключалась в освещении самых острых и злободневных проблем того времени и откровенной искренности, с которой о них рассказывалось. Только сегодня мы поняли по-настоящему, что в то время для нас не было закрытых тем. Как это ни странно, мы почти всегда выходили из любых конфликтов победителями, во всяком случае – непобеждёнными. Складывалось ощущение, что мы лидировали, опережали время, бежали даже

впереди паровоза; ведь сперва подразумевалось, что в студию будут приходить журналисты-международники, опытные «мастодонты» – Фарид Сейфуль-Мулюков, Игорь Фесуненко, Владимир Цветов. Так и было. Но они «давили» и авторитетом, и «советским» своим багажом. То есть роль «мальчиков» поначалу сводилась к банальному задаванию почтительных вопросов, а политобозреватели величественно вещали.

Налёт наивного школярства надо было решительно убирать. Это понимали и Эдик Сагалаев, и Толя Лысенко. А может, кто-то и сверху понимал. Поэтому в начале 1988 года решили разбавить тройку ведущих и, главное, кардинально политизировать контент. Сагалаев сказал: «Давайте пахать вглубь». То есть, например, не просто декларировать, что у нас, мол, негодная армия, а объяснять зрителям – почему она такая. Задача ставилась конкретно – сделать передачу резче и серьёзней.

И тогда я сел в эфир, в кресло ведущего. Так же как и выпускающий программы Володя Мукусев. Кстати, у Мукусева тоже был образ – образ бескомпромиссного революционера.

А наш репортёр Александр Политковский стал не просто ещё одним ведущим, но и «нашим человеком на улице» – специализировался на экстриме и журналистских расследованиях а-ля Гиляровский. И Саша, я считаю, отчасти потерял свой имидж, став ведущим, потому что он был совершенно великолепен именно как репортёр. Работающий «в поле».

– Он в одном из интервью говорил: «На последнем съезде комсомола была демонстрация мод, а мы как раз только что с женой Аней купили очень модный финский плащ, с поясом, и вот мы сделали такую картинку – дефилирует на подиуме, вихляя задом, человек в плаще, вдруг вылетает микрофон, человек его ловит, а это оказываюсь я. И Лысенко говорит: вот этот человек и будет у нас репортёром-пронырой, народной совестью. Я вместе с кооператорами шил из индийского нижнего белья женские платья, спортивные шапочки, «варил» джинсы: пытался способствовать развитию кооперативного движения. С «молодёжки» за мной закрепился образ борца за правду, я каждый год ездил в Чернобыль, залезал в четвёртый реактор и рассказывал правду, я ездил на Камчатку и рассказывал правду. Что касается журналистики, то здесь было много побед и был огромный простор для профессионального полёта, которого сейчас нет. Когда я начинал свой репортаж стоя на голове, это позволяло мне искать новую точку акцептуации (так это называлось), открывало передо мной новые возможности в телевизионной журналистике. Мы переворачивали камеру, и получалось, что я, стоя на голове, вёл свой репортаж».

– И вот, стало быть, мы все дружно рубили сплеча: направо и налево. Рубили, иной раз не замечая, что порой совершаем рейд по собственным тылам. И всё же даже сегодня я убеждён, что многое из того, что делалось на телевидении в тот золотой век, было абсолютно оправданно. Именно «Взгляд» первым заговорил о безопасности атомных станций, о страшной дедовщине в армии, о пропадающих в афганском плену солдатах, о многих других запретных темах. Я помню, какой шум вызвало предложение Марка Захарова захоронить тело Ленина. А потом некоторые политики сделали себе на этом политический капитал. Кстати, многие из них получили известность именно благодаря участию во «Взгляде»: Михаил Бочаров, Павел Бунин, Аркадий Вольский, Гавриил Попов, Галина Старовойтова, Борис Немцов, Анатолий Собчак, Сергей Станкевич, Юрий Афанасьев, Тельман Гдлян, Владимир Лукин и многие другие.

Согласись, «Взгляд» воспитал целую плеяду звёзд. Эта программа стала школой для Александра Бархатова, Ивана Демидова, Валерия Комиссарова. Именно из «молодёжки» вышли Андрей Кнышев, Александр Масляков, Игорь Угольников, Константин Эрнст.

И вот тогда, после перестановок в линейке ведущих, рейтинг «Взгляда» взметнулся вверх, как пионерские костры. Пожар мы раздули основательный. И ребята это почувствовали. А публика восхищалась, нами: вот они, оракулы, смельчаки, революционеры. Что творят! О чём рассуждают! Значит,

можно об этом не только на кухнях говорить? Значит, что-то действительно в стране меняется?

N.B. Считаю необходимым заметить, что с этой трактовкой не все согласны. Многие полагали, что новых ведущих ввели в проект, чтобы сбить накал передачи, а не из-за того, что якобы рейтинг падал. Саша Любимов в документальном телефильме «ТВ – времена перемен» говорил:

«Итак, «Взгляд» начинался осенью 1987-го как молодёжная программа, а уже к февралю 1988-го стал программой настолько неудобной, что пришлось поменять ведущих (мы с Владиком Листьевым и Димой Захаровым оказались не у дел) и снизить остроту политических высказываний в программе. Когда нас вернули в эфир в июне 1988-го, «Взгляд», по сути, бросил открытый вызов коммунистической системе. Программу неоднократно закрывали, в эфир не выходило бесчисленное количество сюжетов, но мы продолжали бороться по принципу «вода камень точит». Каждую пятницу «Взгляд» был в эфире, а по характеру сюжетов, попавших в эфир, и тональности ведущих можно было измерять температуру «свободы» в дискуссиях, которые, очевидно, шли на самом верху партийной номенклатуры. Каждый раз мы пытались поставить в эфир что-то, чего было нельзя неделей ранее. И таким образом условный уровень свободы и откровенности высказываний неуклонно рос от пятницы к пятнице. И каждый раз тактика борьбы менялась. Я помню острый момент, когда приехал из Тбилиси в апреле 1989 года после разгона там демонстрации. В столкновениях с военными погибли люди. Показ моего репортажа запретили. И потому, что он был слишком острый, и потому, что неделей ранее в программе был поставлен рекорд свободомыслия – впервые публично обсуждалась возможность перезахоронения Ленина. Мы собрались и с руководством редакции прикидывали варианты сценария, чтобы всё-таки выдать в эфир сюжет про то, что в тот момент волновало всю страну, но при этом не дать закрыть «Взгляд». Потому что решительно можно топнуть ногой один раз, и тебя закроют. Но в тот момент было какое-то интуитивное ощущение, что можно блефовать. Шёл Пленум ЦК КПСС, в многочисленных выступлениях партийных руководителей нас упоминали прямо и косвенно, но всегда в негативном ключе, а Михаил Горбачёв молчал, он не комментировал эти прямые атаки на нас. И Эдуард Сагалаев принял отчаянный, но решительный шаг. Сюжет о столкновениях в Тбилиси вышел в эфир. Это было очень дерзко, но, видимо, именно поэтому создало ощущение у многих наших критиков, что «Взгляд» пользуется политической поддержкой на самом верху. И никаких последствий не было. Михаил Горбачёв пытался балансировать между консервативным крылом Политбюро во главе с Егором Лигачёвым и либеральным во главе с Александром Яковлевым. Ситуация менялась постоянно, но инструкций о «количестве свободы» партийным функционерам никто сверху не давал. Политическая борьба внизу шла по своим законам – в ход шли любые средства: подлоги, аресты, статьи в газете «Правда», приезды руководителей Политбюро в Останкино, вызовы «на ковёр» на Старую площадь... Однажды на меня даже сфабриковали уголовное дело об изнасиловании двух несовершеннолетних девушек.

Нас запрещали много раз, окончательно запретили в декабре 1990 года, когда вице-президентом страны был избран Г. Янаев. Министр иностранных дел Э. Шеварднадзе сделал заявление, что в стране грядёт военный переворот, и подал в отставку. Я был тогда руководителем программы, и мы решили, что не можем выйти в эфир без разговора об этом заявлении. Леонид Кравченко – руководитель телевидения в те годы – совершенно определённо мне сказал, что в таком случае программу закроют. Так и получилось, но это не стало для нас неожиданностью. Тогда была очень холодная зима, и, несмотря на мороз, собрался митинг в нашу поддержку – где-то шестьсот тысяч человек на Манежной площади. Сейчас такое даже представить невозможно. Потом мы делали программу «Взгляд из подполья», которую показывали уже тогда существовавшие небольшие кабельные студии, телевидение Прибалтийских республик, один раз наша программа даже была в эфире Ленинградского телевидения. Ну а в августе 1991-го мы вышли из Белого дома после его трёхдневной осады, торжественно закрыли радиостанцию Белого дома, которая работала в круглосуточном режиме во время путча, и вернулись на телевидение».

Возвращаясь к нашей беседе с Ломакиным, к вопросу о руководстве проектом.

– Вообще-то непосредственно руководил нами Толя Лысенко. В сюжетах и темах «Взгляда» на 80 процентов заложены его идеи.

Во времена руководства Гостелерадио Сергеем Лапиным существовало негласное положение не ставить на руководящие должности евреев. То есть работать – работайте, ребята, но руководить – ни-ни. Многим талантливым людям приходилось приспосабливаться. Анатолий Григорьевич же никогда не скрывал свой пятый пункт в анкете, даже в самые жёсткие годы. Я до сих пор считаю его хрестоматийным представителем нашей интеллигенции. Последний из могикан.

Хотя Толя закончил Институт инженеров транспорта, но встал у истоков КВН и на телевидении, как говорится, зубы съел. Можно было бы назвать его немодным нынче словом «энциклопедист». Столь же обширны и его связи. При этом из всех телевизионных людей я не знаю более порядочного человека. Честный профессионал. Потрясающий энциклопедист. Когда он успевал перечитывать такое количество книг, я не понимаю до сих пор. И кроме того, он абсолютный альтруист. Когда он возглавил ВГТРК, через него миллионы бюджетных долларов проходили...

– Ну, как ты знаешь, на Российском канале в ту пору хозяйничал Олег Попцов, который этими потоками не без пользы для себя управлял...

– Ну это да. Это правда. Однако, согласись, это не Толина тема. Он просто суперпрофессионал. Я его считаю своим учителем: он привил мне любовь к телевидению.

– Но ты ведь не был его любимчиком...

– Нет: Толя был очарован Сашкой Любимовым. Папа – разведчик, мама – актриса... Несовместимое сочетание. Кстати, Саша – единственный из нас, кто озадачился организацией десятилетия «Взгляда» в 1997 году. Хотя забавно, что завершил всё долларовый аукцион, который вёл Леонид Якубович; среди лотов были чёрные очки Демидова, фирменная жилетка Андрея Разбаша, «бабочка», одолженная, по легенде, Листьевым Якубовичу. «Легендарная куртка, в которой Политковский вёл «Взгляд». Стартовая цена – один доллар!», – объявил Якубович. Один. Доллар. Мда... И вообще, Любимов каждый год собирал «взглядовскую» вечеринку. Мы встречались, и все были безумно счастливы.

– Ну я-то персонально обязан Александр Михайлычу: если бы не он, не знаю, как сложилась бы моя карьера. Но, согласись, на двадцатилетие программы вышла странная история с вручением «ТЭФИ» по случаю юбилея: Саша был единственным из награждённых ведущих. А из 31 приглашённого Владимиром Познером – 25 в программе не работали... Мукусев высказался по этому поводу: "Ну, красивая идея наградить «Взгляд» к 20-летию. Потому что нет других передач, которые бы умерли, а о них вот ещё помнят. Это было, конечно, приятно. Но каково же было изумление огромного количества людей, и прежде всего моё, когда я увидел эту церемонию по телевизору, а там вовсе не было фамилии Мукусев! Там не называли даже Сашу Политковского – человека, который создал тогда принцип нового телевизионного репортажа. Это не было, конечно же, чем-то новым в истории журналистики. Но на телевидении проникновения Саши в криминальные либо в полукриминальные сообщества – это было впервые. Тогда техника нам помогала совсем немного, потому что камеры были громоздкие, их нельзя было спрятать, а вот радиомикрофоны уже у нас появились. Мы были первые, кто использовал радиомикрофоны для того, чтобы проникнуть к жуликам. Никто не предполагал, что там может оказаться журналист. То, что сделал Саша, – это фактически была настоящая школа!.. А во время церемонии на сцене оказалось 30 человек, большинство из которых были в то время водителями, администраторами, а то и просто людьми, которые где-то что-то о «Взгляде» слышали. Был там и ещё один человек, который имел отношение к «Взгляду», – это Слава Флярковский, мой ученик и тоже,

в общем, друг. Мы встретились с ним после всей этой истории, и я ему сказал: «Тебе не стыдно?» Он мне ответил: «Да кто это «ТЭФИ» смотрит?» И что я должен был сказать? Что это стыдно? Мы потеряли такое нормальное человеческое качество, как брезгливость. Как можно было оказаться на сцене с людьми, которые так нагло и так некрасиво в каких-то странных своих целях устроили всё это? Или мы не знаем, что такое Медиасоюз и кто его возглавляет? Бог с ним, с этим... Меня удивили ещё и академики. Так называемые телевизионные академики, которые мне звонили вместе с сотнями других людей и извинялись: «Володя, мы выходили в этот момент из зала и не знали, что так произошло». Когда позвонил один, я ещё это понимал. Но когда их позвонил десяток и все они «выходили», я понял, что это более серьёзная штука, чем просто какая-то межтусовочная, межтелевизионная неприличность. Это не просто непорядочно и глупо. Это гнусно и омерзительно! Эдуард Сагалаев в списке даже не упоминался! Познер выбирает для награждения персонажей весьма опосредованных: осветителей, звукорежиссёров, администраторов. Возглавляет всю эту компанию Саша Любимов, который тоже, если по совести, никак не может считать передачу своей непосредственной заслугой. За четыре года существования программы он не сделал ни одного журналистского материала. Дима Захаров что-то делал. Влад брал интервью, был «подставкой под микрофон», но всё же что-то делал. «Взгляд» – это сюжеты и гости в прямом эфире. Вот на чём основывалась популярность «Взгляда». Плюс музыка, и уж потом, на 38-м месте – ведущие. Нам с Сашкой Политковским было легко, потому что мы были не просто ведущими, мы были авторами программы, то есть мы 90, а то и все 100 процентов материалов делали сами». Вот так Володя отреагировал тогда.

– Ну да, мне было очень обидно и неприятно, что в 2007 году никого из ведущих и основателей программы не пригласили на церемонию вручения и даже не называли там. Ни Володю, ни Политковского, ни Диму Захарова, ни Толю Лысенко. Правда, забыли даже «родителей» передачи: Киру Прошутинскую и Толю Малкина. Проигнорировали и режиссёров (Ивана Демидова, Татьяну Дмитрикову), и главных художников, и операторов. Думаю, что всё, как обычно, лепилось в спешке – и там просто забыли тех, кто на самом деле основал «Взгляд».

– Почему ты ушёл из «Взгляда»? Лысенко говорил мне, что это было совершенно неожиданно, ты даже не поставил его в известность.

– Толя – деликатный человек... И мне кажется, что он очень аккуратно, тонко уходит от главной проблемы: почему я ушёл. А я в какой-то момент почувствовал некое нежелание моего присутствия во «Взгляде» и не скрывал от коллег своего видения ситуации: «Взгляд» начинает выдыхаться. Площадка была вытоптана нами полностью, ресурс выработан.

– Однако два снятия «Взгляда» с эфира, в 1990 и 1991 годах, конечно, вновь вынесли его на пик популярности. Но был некоторый стрём, и ты как бы не пожелал работать на опасном участке?

– К сожалению, как это ни обидно, но такого сплочённого коллектива единомышленников, как это представлялось зрителям, у нас даже близко не было. Были, напротив, жёстко конкурирующие группы, которые не очень тепло относились друг к другу. Конфликтовали. Я ощущал настороженность со стороны других по отношению ко мне. И антагонизм с непосредственным начальством. Мы, увы, никогда не были друзьями.

NB. Да, не могу не согласиться с Серёжей. Теперь я понимаю, что заблуждался, воспринимая коллектив как некое целое. Впрочем, я и не был штатным сотрудником: мы с Артёмом Боровиком трудились в «Совершенно секретно» Юлиана Семёнова и вели передачи время от времени, нерегулярно и нечасто. Предположу, что именно из-за латентных конфликтов в команде Сагалаев рассматривал возможность выхода «Взгляда» дважды в неделю: по традиционным пятницам и... по вторникам. Мне об

этом летом 2011 года рассказала Лариса Кривцова. Она приехала в Москву из Ярославля, и Эдуард Михалыч намеревался привлечь её к работе над вторичными выпусками. Однако идея не прокатилась на уровне ЦК КПСС, и Лариса стала корреспондентом «Подмосковья» (то есть вместо молодёжной редакции попала в московскую).

Родители проекта

Киру Прошутинскую и её супруга Анатолия Малкина величают родителями проекта. Они не в самых тёплых отношениях с бывшими подопечными, которые должны, казалось бы, числить эту пару своими ТВ-крёстными. Вспоминает Прошутинская:

– Мы с Толей в некоторой степени даже завидовали ребятам: им везло, а нам всё давалось тяжелее. Мы понимали, что, может, в чём-то талантливее, но везение оказалось на их стороне...

Но мы подготовили только два первых выпуска «Взгляда», а потом нам предложили... встать в очередь с другими редакторами. Мы были люди гордые и предпочли уйти.

– *Первый выпуск передачи...*

– ...был ужасен! Нас с Малкиным во время «Орбиты» (прямого эфира, идущего на Дальний Восток. – Е. Д.) отодвинули в сторонку, и когда программа закончилась, все собрались в студии, чтобы отметить дебют. Помню, слово попросил Листьев и сказал, что счастлив встрече с настоящими профессионалами, обращаясь к... выпускающему Володе Мукусеву. Мы с Малкиным испытали шок.

Вечером я пришла домой, а мама мне: «Кирочка, ощущение, будто это не ты с Толей делала».

Однако следующий выпуск прошёл чудесно. Думаю, это и было рождением «Взгляда». Мы создали форму, потом за «Взгляд» взялись Эдуард Сагалаев и Толя Лысенко.

– *Многие из прикоснувшихся к кухне «Взгляда» становились потом известными.*

– Ну, например, Андрюша Разбаш работал монтажёром в «Останкино». Для программы «Мир и молодёжь» нам время от времени требовались переводчики, чтобы обрабатывать материалы западных компаний. И вот Разбаш, монтируя очередной выпуск, пробросил между делом: «Что-то не совсем точный перевод дают». Оказалось, что у него за плечами спецшкола. С подачи Малкина Андрей стал переводить сюжеты. Потом был режиссёром, а позднее заменил Листьева в кресле ведущего шоу «Час Пик».

«Взгляд» в трактовке Владимира Викторовича Мукусева

Давайте вспомним, что такое «Взгляд» в сухом остатке. Впервые на Центральном телевидении Советского Союза:

1. Поднята тема сталинских репрессий, ГУЛАГа, а КПСС и КГБ названы преступными организациями, преступления которых должны быть всесторонне и скрупулёзно расследованы, а гласный, независимый суд должен определить степень и меру ответственности виновных. То есть нужен свой Нюрнберг.

2. Предложено захоронить труп Ленина.

3. Найдена настоящая «Аврора».

4. С помощью фильма Герца Франка «Высший суд» поднята тема отмены смертной казни.

5. Страна узнала от кинодокументалиста Юриса Подниекса о том, «Легко ли быть молодым».

6. После серии материалов о положении инвалидов отправлена в отставку Коллегия Министерства социального обеспечения РСФСР во главе с министром.

7. Тысячи детей-сирот обрели родителей благодаря мальчику из «Прекрасного далёка».

8. Снят с полки фильм «Комиссар» Александра Аскольдова.

9. Спасён от уничтожения фильм «Рок» Алексея Учителя.

10. Поднята тема восстановления храма Христа Спасителя и организован сбор средств.

11. С помощью майора ВВС Михаила Пустобаева страна узнала о готовящемся военном перевороте. Он был оттянут, но, к сожалению, не предотвращён – Горбачёв не поверил нам до конца. (Речь идёт о событиях августа 1991 года – ГКЧП.)

12. Русский рок вышел из подполья. С экранов телевизоров зазвучали не только песни «Аквариума», «Алисы», «ДДТ», «Кино», «Наутилуса», их лидерам представилась возможность говорить с многомиллионной аудиторией.

13. Обнародовано «узбекское дело» – нити преступлений республиканских партийных лидеров вели в столицу.

14. Александр Политковский своими пронзительными репортажами о гибели детей в запущенном, страшном Гематологическом центре в Минске вынудил власти страны и лично Горбачёва превратить его в лучшую по тем временам Всесоюзную лечебницу страны.

Тот же Политковский, сделав серию очерков с Чернобыльской АЭС, не только открыл стране масштаб катастрофы, но и привлёк внимание власти к чернобыльцам – ликвидаторам аварии.

15. Владислав Листьев и режиссёр Татьяна Дмитракова создали щемящий душу сюжет о человеческом сострадании и любви к братьям нашим меньшим. Молодой человек забрал с бойни лошадь и поселил её у себя дома. Эта история потрясла многих, а профессиональное жюри фестиваля в Монтре присудило этой работе высшую премию.

16. Лена Масюк напомнила зрителям «Взгляда» о том, что чернобыльская катастрофа была не первой в нашей стране. Впервые прозвучали «Челябинск-40» и предприятие «Маяк».

17. Афганская война названа преступной. Сергей Ломакин поднял тему возвращения наших пленных

домой.

18. Артём Боровик впервые рассказал об очевидном кощунстве – открытии на территории СССР, в Эстонии, памятника эстонским эсэсовцам.

Глава 3. ЛИСТЬЕВ. ЭПИЗОД ВТОРОЙ

О мёртвых либо хорошо, либо правду?

Здесь в полный рост встаёт вопрос: адекватна ли установка «О мёртвых либо хорошо, либо ничего»? «Лицемерие – последнее прибежище добродетели» – эту максиму никто не отменял. Тем не менее спрос рождает предложение. Поклонники и завистники, фанаты и недоброжелатели – все желают знать не только детали жизни, но и подробности смерти.

При этом в массе своей досужие потребители информации ханжески отказывают своим кумирам в праве быть людьми. В том смысле, что не желают признавать, что звёздам отнюдь не чужды человеческие слабости & пороки. Что они не святые. Любят, как и большинство человек, вкусное, запретное, вредное. Доминирует человеческое желание: «Сделайте нам красиво!»

А за какие такие заслуги? Почему надо потребительские капризы удовлетворять? Сегодня вполне себе принято послушно гламуризировать наркотически-порочный стандарт истеблишмента (не только российского – глобального), чтобы удовлетворить зрителя/читателя. А завтра, пожалуй, и даровать Жизнь Вечную, просто на основании соблюдения Великого поста?

В 1910 году питерский пиит Саша Чёрный риторически вопрошал сограждан:

*Бессмертье? Вам, двуногие кроты,
Не стоящие дня земного срока?
Пожалуй, ящерицы, жабы и глисты
Того же захотят, обидевшись глубоко.
Мещане с крылышками! Пряники и рай!
Полвека жрали-и в награду вечность...
Торг не дурён. «Помилуй и подай!»
Подай рабам патент на бесконечность.*

Правда ли или глупые домыслы, что из-за погони за вечной молодостью, злоупотребляя пресловутыми стволовыми клетками, умерла красавица Анна Самохина? Как до неё Любовь Полщук, Олег Янковский и Александр Абдулов?

Про последних двух поведал на страницах массового глянца их коллега Марк Рудинштейн. О своей задумке написать мемуары и откровенно поведать о весёлых нравах нашей заслуженной богемы Марк рассказал мне осенью 2009 года. Его тезис: зрители должны знать не парадную, но истинную суть кумиров. Мои аргументы в той дискуссии: тусовка и без этих разоблачений осведомлена, что Александр Гаврилыч на своих знаменитых «Задворках» собирал средства не на восстановление церкви, а на казино и девушек, ну а, допустим, Олег Иванович неравнодушен был к молоденьким журналисткам, – однако нужны ли все эти пикантные подробности «электорату»?

Я и сейчас считаю, что вам, дорогие читатели, нет нужды знать, почему Оксана Фандера ночевала в номере Сергея Лисовского, а не со своим супругом. Тем более что сам факт незначим. Существенна трактовка. И каждый судит в меру своей испорченности. Кто-то, судя, повторюсь, по себе исключительно, делает вывод, что сие доказывает циничный адюльтер. А кто-то, надеюсь, вполне может предположить, что актриса, повздорив с благоверным, просто нашла приют в просторных апартаментах. Свечку никто не держал.

Вопрос: говорить или нет? В своё время и Надежду Мандельштам, и Андрея Кончаловского подвергли

остракизму за мемуаразмы (последнего – за то, что тщательно отрисовал свои романтические экзерсисы).

Цитата из Владимира Мукусева: «С сентября 1990 года мы поняли, что нам стало тесно в рамках «Взгляда». Так родилась идея «ВИДа». Правда, я сначала назвал его творческим объединением «Пятница». Но пока я занимался разработкой его концепции, некоторые члены нашей команды за моей спиной стали заниматься совершенно иными делами. При участии того же Влада вдруг появилась какая-то «Шоу-биржа», когда за совершенно конкретный чёрный «нал» наши музыкальные редакторы давали во «Взгляде» объявления о предстоящих гастролях рок-музыкантов. В результате время неподкупных «взглядовских» небожителей прошло... Передача, которую не удалось запретить, стала разваливаться изнутри».

Глава 4. ЭРНСТ. ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ (БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКИЕ)

Маленький оазис в большой державе

Продекларировать, что все, работавшие в программе, самые-самые, было бы, конечно, нескромно. Многим просто повезло. Как, например, мне. Но этих харизматичных «самых» тоже было в достатке. И самый успешный из них, во всяком случае в смысле телекарьеры, это режиссёр Константин Эрнст, с 1995 года де-факто рулящий Первым каналом. Именно начиная с его персоны мне легче всего выстроить галерею ТВ-икон эпохи «Взгляда».

В каждой шутке есть доля шутки – добавляя я, упоминая о Константине Львовиче Эрнсте как о самом значительном своём телевизионном достижении. И ещё вспоминаю игривые вирши Андрея Макаревича: *«В этом мире случайностей нет и крайне редки совпадения»*. Костя с раннего детства мечтал снимать кино. Но стал ТВ-боссом и ТВ-мастером. Так совпало. Потому что в середине 80-х нас с ним познакомила Наташа Макаревич, младшая сестра основателя «Машины времени», который жил тогда в одном дворе с Константином. Я в свою очередь познакомил его с Александром Любимовым. И оказался Эрнст в «Останкино»... Такое впечатление, что навсегда.

Весь нынешний истеблишмент наш – родом из Питера. И руководитель самого могущественного отечественного телеканала в своих интервью тоже любит пробросить, что, мол, вырос на Восьмой линии Васильевского острова. Ну так и есть. Рос. И вырос. Стал Большим.

Только он такой же ленинградец, как, например, рождённый в СССР Юрий Шевчук. Потому что родился-то будущий матадор Российского ТВ в «хрущёвке» на «Соколе», в семье перспективного сельхозвельможи Льва Константиновича Эрнста. Назвали его Костей именно в честь дедушки. Потом профессора Эрнста перевели в Ленинград. Когда в 80-е отца в очередной раз повысили и вице-президент ВАСХНИЛ переехал в Белокаменную, Костя вновь стал москвичом.

Рассказывая мне о новичке в нашей тогдашней компании, Наташа категорично заявила:

– Ну с этим ты точно не сойдёшься. Совсем вы разные. Вам даже поговорить не о чем будет.

Угу. Закончили мы этот день на Костиной кухне, в компании его подружек. Через неделю мы с Костей вдвоём уехали. Каникуляричить в Крым. В незабвенный Никитский ботанический сад, где на территории благоухающего заповедника в ту пору располагался уникальный мини-пансионат для сельскохозяйственных академиков. И естественно, Костин отец, второй человек в Академии, имел возможность свою квоту переруливать на единственное чадо.

Райский оазис в бумагах ВАСХНИЛ, по всей видимости, числился как полигон для выращивания чудесных мегаперсиков, кража коих из-под носа недокормленных сторожевых овчарок и вооружённых дробовиками пьяниц-охранников была одним (но, увы, не единственным) из наших экстремальных крымских развлечений. И ездили мы туда до тех пор, пока не рухнула страна, в которой только и возможно было существование столь нерентабельных и по-пелевински невероятных заведений, как «Дом отдыха в Никитском саду».

Ночные набеги не имели под собой утилитарной основы. Кормили академиков в приватной столовке не то чтобы изысканно, но вполне по советским меркам деликатесно. Сельхозэлита гурманствовала по чину и профилю своего позиционирования. Так что витаминов и калорий хватало. Кражи носили

исключительно спортивный характер. Бесплатный аттракцион. С умеренным риском получить порцию дробы или укус разъярённого пса.

Во время дневной прогулки, возвращаясь из сельского магазинчика с бутылками приторной «Изабеллы» вдоль периметра секретного «лабораторного» сада, мы находили «точку входа»: место, которое казалось подходящим для персик-авантюры.

Отправлялись на жатву после полуночного купания в запретной зоне на мысе Монтедор. Плескание в темноте, с одной стороны, вымывало хмель, а с другой, учитывая безрассудное ныряние среди хищно отточенных скал заповедника, поднимало уровень адреналина на «операционный уровень».

Где-то в час-два ночи, оставив кого-нибудь из девчонок на «атасе», мы перемахивали через тёмную ограду, инкрустированную узорами «колючки» разного калибра, и по-пластунски прокрадывались через парфюмерно благоухающий кустарник к экспериментальной плантации. Поскольку, повторю, экзерсисы наши не были коммерчески обоснованы, не было у нас, как правило, с собой никакой ёмкости. Мы на ощупь находили достаточно спелые плоды и в качестве сумки использовали застиранные майки, из которых импровизировался этакий кенгурятник.

Иногда раздавался хриплый лай и пьяная ругань охранников: мы, рассыпая добычу, давясь от сдерживаемого смеха и сдавленно матерясь при падениях, бежали к точке входа/выхода, порой сбиваясь в темноте с маршрута и оказываясь почти что в западне. Тогда, бросив весь «урожай» и впиваясь зубами в какой-нибудь персик (ну чтобы не совсем зазря пострадать), мы кидались на заграду и, рискуя джинсами, раздираемыми колючей проволокой, и лодыжками, подворачиваемыми в акробатических погонах, перемахивали через рубеж, разделяющий наше «академическое» существование от приключений, которые попадали если не под Уголовный кодекс, то под Административный, полагаю.

В удачные ночи мы наворовывали по несколько кило. Раскладывали их под кроватями, чтобы там фрукты доспевали. Горничная находила добычу нашу ночную и доносила директору. Это был очень дипломатичный мужчина лет сорока, который поражал нас тем, что, перманентно находясь в курортной зоне, умудрялся предохраняться от черноморского ультрафиолета без всяких там шляп и санблоков, гипнотизируя собеседников какой-то вампирской белизной эпидермиса, что подчёркивали смолисто-чёрные волосы.

Он приходил в номер и с демонстративно ироничной улыбкой осведомлялся, откуда, мол, красота такая. Повторю: персы этой формы и окраски не продавались в принципе; видел нечто подобное только в Южной Америке. Экспериментальная была какая-то тема. Поэтому легально приобрести эти плоды не было возможности. Мы что-то нагло ввали про то, что загадочная старушка нас одарила за то, что её через шоссе перевели. Со вздохом товарищ Ширвинский удалялся. На следующий день перед полдником мы обнаруживали у себя на столе огромную коробку с аккуратно подобранными экземплярами секретных персиков. От их стола нашему. Угощали девушек лакомством ароматным. Но всякий раз были раздосадованы. Это ведь как у восточного купца купить что-нибудь не торгуясь: весь кайф обломан, никаких эмоций и ощущения охоты. Так что через неделю мы вновь в кровь царапали локти, перемахивая в запретную зону. Не персики нужны были нам, но азарт.

Миниатюрный двухэтажный комплекс для учёных ёмкостью в дюжину номеров располагался на красивом скалистом пьедестале, обсаженном реликтовыми деревьями, откуда открывался впечатляющий вид на Ялтинский залив. А на приватный пляж для заслуженных ботаников можно было попасть двумя волшебными путями. Либо вальяжно спуститься по живописной полукилометровой лестнице, которая траекторила среди невероятных экзотических кустов. Либо – на экспресс-лифте и далее через мрачный просторный тоннель, выбитый в крымском граните и напоминающий столичное метро. Очевидно, что себестоимость этой по-сталински размашистой конструкции и её эксплуатация не могли быть

скомпенсированы, даже если бы над ней располагался многоэтажный отель с номерами по тысяче долларов за ночь. Естественно, резиденты той райской точки не платили почти ничего. А имели многое. «Они рубль считают за два и имеют на завтрак имбирный лимон», – негодовал БГ и был не прав. Потому что, «имея на завтрак имбирный лимон», мы помнили о том, что рубль неконвертируем. И желали это дело исправить. И желания свои вскоре реализовали. Каждый по-своему.

«Большой»

Впрочем, не возьмусь утверждать, что Костины мечты стопроцентно реализованы. Повторюсь, он с молодых ногтей бредил кинематографом. И не как потребитель кинопродукции, а как человек для кино рождённый: он в нём разбирался много лучше самых маститых отечественных профи. Однако пошёл, что называется, по стопам родителя. Его отец был заслуженным биологом, и единственное чадо поступило в соответствующий вуз, на биофак Ленинградского универа.

Поэтому, между прочим, в нашей компании у Кости было прозвище Ботаник, которое, подчеркну, абсолютно не имело нынешней пренебрежительной коннотации. Просто тем самым обозначался тогдашний фронт «служебных интересов» перспективного советского микробиолога, будущего постсоветского медиамагната.

«Сейчас Ботаник приедет, познакомишься», – лукаво молвила Наташа Макаревич, зная, что я недоверчиво привечаю новичков, не апробированных ветеранами нашей тусовки на нейтральной территории типа пляжа в Серебряном Бору или притона в Сокольниках, коим служила однокомнатная квартира на втором этаже «хрущёвской» пятиэтажки.

Хозяином того притона был небезызвестный Миша Королёв. Сертифицированная душа компании, обладатель чудного волжского баса, простенькой гитары, ну и – да, да – старого любительского фотоаппарата. Сокурсник Анатолия – Криса Кельми – и Владимира Кузьмина (Джеймса). В ту пору ни разу не культовый фотограф российского глянца.

Нет, не было тогда в Москве ни глянца, ни России. Был сплошной СССР, и мы все дружно и старательно опровергали лживый тезис о том, что «секса у нас нет». Бывали, конечно, «дни, когда опустишь руки и не ни слов, ни музыки, ни сил», но в основном наши будни – в контексте серых телеканалов, заполненных скучной камерной музыкой и бесконечными монотонными репортажами с нескончаемых съездов разномасштабных подразделений КПСС & ВЛКСМ, – заполнены были отнюдь не безопасным сексом, подпольными рок-концертами, разнузданным весельем, фрондой, сцементированы и плотно упакованы липким портвейном.

Те, кто обладал свободной территорией, всегда становились жертвами набегов. Звезда мгмишных дискотек (он там диск-жокействовал), Саша Любимов снимал всего лишь комнату в коммуналке и не мог привечать гостей. А вот будущий Фотограф № 1 Королёв, сожительствующий на тридцати квадратных метрах со своей ироничной подружкой, медсестрой Надей, имевшей – в силу профспецифики – доступ к самым интересным препаратам, вынужден был принимать гостей семь раз в неделю.

«Маленькие» Макаревичи

Но особенно, конечно, ценилась «площадка Макаревича». Сам-то музыкант жил на площади Гагарина, но прописан, однако, был в однокомнатной квартире на Комсомольском проспекте, что напротив МДМ. В этом богемном гнезде на первом этаже кирпичной девятиэтажки жила его единственная сестрёнка. Которая в свою очередь прописана была в квартире родителей, несколькими этажами выше. Последнее обстоятельство было бесспорным преимуществом точки. Продукты никогда не кончались. Никогда. В любое время можно было юную Наталь Вадимовну склонить к вылазке в родительский холодильник за банкой паюсной или коробкой гэдээровского печенья.

Наташа вышла замуж в 16 лет, якобы по залёту банальному. На самом деле по любви истинной. Просто, чтобы не жили влюблённые в грехе, родители им сделали справку соответствующую для загса. Мама Макаревич(ей), Нинэль Марковна, была медиком со стажем, и получить такую лицензию на ранний брак ей труда не представляло.

Наталин муж – Валера Воронин, лет на пять постарше супруги. Единственный в той компании, кто прошёл школу срочной службы в рядах «непобедимой и легендарной» («Кто в армии служил – тот в цирке не смеётся» – его любимая присказка). Обладатель завидной атлетической фигуры, хитроватого неисчерпаемого обаяния, бесспорного чувства юмора, загадочной славянской ироничности и немереного тестостерона, что доказывала ранняя лысина, которая придавала спортивному улыбчивому блондину какой-то шарм солидности. Его молодая супруга, напротив, была миниатюрной брюнеткой с таинственным восточным драйвом и вечно пылающими очами. Они оба учились в МАРХИ, который Андрей Макаревич не без проблем (его слили с дневного отделения за «Машину времени») закончил года за три до моего с этой семьёй знакомства. Чтобы отличать эту пару от семейства Макаревича-старшего, их за глаза звали Маленькими.

У Валеры есть старшая сестра Ольга, которая была одноклассницей и боевой подружкой Миши Королёва. Я не видел Олю с конца 80-х, но в июне 2010-го года мы с ней вновь пересеклись. В студии Михаила на знаменитом «Винзаводе». По не самому весёлому поводу встретились: поминали общую знакомую. Ностальгировали, естественно, по нашим лихим куражам, мыли косточки общим знакомым, которые по капризу судьбы все как один стали социально значимыми (©).

Кстати, Костю Эрнста Оля Воронина почему-то никогда особенно не жаловала, хотя он был другом семьи достаточно долго и та же программа «СМАК» (что изначально, до пришествия Вани Урганта, обозначало «С МАКаревичем») на Первом появилась именно с подачи Эрнста, который тогда каналом не руководил, но имел серьёзное влияние на Влада Листьева, и последний как раз в 1993-м возглавил телекомпанию «ВИД».

В тот же Никитский сад мы, бывало, ездили втроём – Эрнст, младшая Макаревич и я. Потом в том же составе, но вместо Наташи – её муж. В полном комплекте, увы, поехать не могли ни разу. Родился Андрюша – племянник Андрея Макаревича, и жить в одном номере с младенцем было не с руки, учитывая тогдашние наши алкогольные пристрастия. Потом Маленькие с Костей общаться перестали, погрузившись, видимо, в карьеростроительство и воспитание наследника...

Глава 5. ЛИСТЬЕВ. ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

Влад Листьев vs Анна Политковская

Владислава Листьева стандартно сравнивают с убитыми коллегами-журналистами. Убитыми как до, так и после 1 марта 1995 года. Не вполне логично, по-моему. И полагаю, речь даже не о том, что в отличие, допустим, от корреспондента «МК» Дмитрия Холодова или обозревателя «Новой газеты» Анны Политковской Владислав Листьев, ведущий мегапередачи «Взгляд», был всесоюзно известен задолго до своей трагической гибели, а не прославился после смерти.

Про Политковскую, супругу листьевского коллеги по «Взгляду» Александра Политковского, колумнист Максим Соколов спустя полсотни часов после её убийства написал («Известия», 10 октября 2006 года):

«С довольно вроде бы естественным при всяком громком событии вопросом «cui prodest?» регулярно возникают две ошибки. С одной стороны, велик соблазн объективного мнения. «Если некоторое событие пошло кому-то на пользу, то этот кто-то сам его и устроил – всё ясно, что же доказывать?» То есть когда внезапно умирает бездетный богатый дядюшка, его племянника тут же объявляют убийцей. Это притом, что смысл вопроса куда более скромный – несколько сузить круг рассматриваемых версий, исключая (или, по крайней мере, причисляя к очень сомнительным) те из них, которые предполагают злодеяние, совершённое себе во вред, причём очевидный. С другой стороны, вовсе не задаваться этим вопросом тоже неправильно, ибо иначе могут появляться версии о злодействе, совершённом единственно ради самого злодейства. «А я убиваю, потому что убиваю». Именно такую логику – «Политковскую убила людоедская власть» – исповедовали освободители, очевидно в принципе отвергавшие вопрос, какие выгоды могло доставить Кремлю инкриминируемое ему деяние. Равно как и отвергавшие тот факт, что уже года два как Политковская пребывала на дальней периферии общественного сознания. До 7 октября 2006 года индекс упоминаемости её выступлений был близок к нулю. В чём была надобность убивать не представляющего никакой опасности журналиста, получая при этом весь неизбежный набор неприятностей, только освободители знают».

Впрочем, такого рода резоны восприняты были в медиасреде неоднозначно. На приёме в честь «известинского» юбилея журналистка Ольга Бакушинская, находившаяся, по её признанию, в нетрезвом состоянии, публично обозвала Соколова «говном» (рядом находились Игнатенко, Леонтьев, Лившиц, Сенкевич etc.). Была послана в ответ. Чем и прославилась.

Я спросил Александра Политковского: «Если бы затеяли игровую ленту про «Взгляд» и не было бы ограничений в кастинге, кого бы ты пригласил из актёров (в том числе и голливудских) на роль основных персонажей проекта?» Саша был категоричен:

– Этот кастинг не имеет никакого значения. Здесь – игра. Выдумка сценариста. Эта мысль, образ, настроение никогда не будет правдой. И никакого отношения к журналистике не имеет. И к реальной жизни тоже. Мне это неинтересно. Так моим детям невозможно соотнести зарубежные фильмы и спектакли про Аню с реальным человеком, с которым мы общались. Это образ героя. Герой необходим в общественной коммуникации. Так, я и Аня никогда не давали согласия на показ фильма про нашу семью, снятого в начале девяностых для америкосов. Я – прораб перестройки, она там – Анка-пулемётчица, подающая боеприпасы. Фильм документальный. А что сказать про игру актёров? Бред... Немцы соединили в одной сцене убийство Ани и празднование дня рождения гослицом (тогдашним Президентом РФ Владимиром Путиным. – Е. Д.). Эти два события связаны, но не образом, а деньгами и действиями

конкретного лица.

* * *

Короче, возвращаясь к масштабу прижизненной известности убитых журналистов, подчеркну, что разница не только в этом. Нет. Дело в том, что прав, по мне, другой ведущий легендарного проекта, которого сам Влад называл наставником, – Владимир Мукусев, утверждающий: в 1995 году устранили не тележурналиста, но бизнесмена. Застрелили предпринимателя, который, добавлю, всех достал.

Анатолий Лысенко говорит:

– Что произошло? Как с самого начала сложились разные системы подхода? Когда рухнула система. Первый канал разделился на направления – развлекательное, такое, сякое... И каждое направление получило эфирное время, которое заполнялось хаотично и самостоятельно. Деньги на производство получали, продавая рекламу. Отсюда – чемоданы с деньгами, один больше, другой меньше, всякие конверты и неразбериха. Но причина убийства не в этом, думаю. Думаю, что причина личная – коммерческая деятельность Влада. Да, я в этом твёрдо убеждён. Он кого-то не того кинул, где-то что-то не поделил... Он занимался многими делами. Никакой высокой политики там не было.

В унисон рассуждает и Любимов, который признаёт:

– Не секрет, что в деле об убийстве Влада я поначалу был одним из подозреваемых. История с Листьевым – это вообще что-то чудовищное. Такой лёгкий и светлый человек не заслужил подобной судьбы. Как и Аня Политковская. В том, что она писала, было, конечно, много передержек, многие люди обижались. Но всё-таки ущерб, который журналист может нанести своими высказываниями, несопоставим с расплатой за это. Странно, что слово может стать причиной выпущенной пули... После того как на меня начались гонения из-за выступлений во время второго путча, мы решили, что Влад возглавит компанию, а я отойду в тень. Это решение, наверное, и стало для него роковым. Где-то он не то сказал, не выполнил какие-то договорённости... Он ведь был очень лёгким человеком. А бизнес – это война.

* * *

Да, «взглядовские мальчики» были абсолютно уверены в своей безнаказанности и когда им говорили, что можно взять деньги, а обещания не выполнить, верили в это.

Влад и до своего – неожиданного для многих в ТВ-тусовке – назначения на пост шефа главного СМИ державы – вызывал раздражение партнёров & коллег. Ну а уж после столь блистательного прорыва на останкинский олимп стал досаждать и многим кукловодам отечественного истеблишмента. Лысенко признаётся:

– Совершенно невозможно понять, как становились тогда начальниками. В советское время как было? Прорастали. Шагали по ступенькам. От должности редактора до старшего редактора. Затем – главного редактора. Типичнейшая биография главного редактора программы «Время» Григория Шевелёва. Гриша начал корреспондентом, а стал зампредом Гостелерадио. Взлётов не было. А в момент развала системы взлёты были неожиданные. Влад вдруг из корреспондентов стал начальником. Масса случайных людей была, масса – исчезли, и в основном приходил, я бы так сказал, второй, третий эшелон. Обычная история в момент переворотов. Становились руководителями, а дальше уже время испытывало. Тебя назначали, а правила игры – новые, которые ты сам и должен был писать. Удивительно.

Версия подполковника Литвиненко

Это правда. Сколько помню, Влад всегда и всех удивлял. В феврале 1995-го удивил тех, кто реагирует несимметрично. Журналист Александр Никонов в своей книге «Подкравшийся незаметно» написал про одного из фигурантов «Дела Листьева»: Березовский не любил портить отношения с людьми, если же такое случалось – он убивал испорченного.

Из девяти тузов стремительно формировавшейся в ту пору «семибанкирщины» только Пётр Авен и Владимир Потанин отчасти симпатизировали новому руководителю главного телеканала державы и готовы были его крышевать. Остальные же относились к Листу насторожённо и не доверяли молодому гендиру. У других же попросту «руки чесались».

Увы, в отстранении Влада от дел останкинских заинтересованы были не то что многие, а почти все, с кем Листьев так или иначе имел дело в начале 90-х. Уточню: не имею в виду непременно физическое устранение. Говорили об ограничении полномочий. Не скрывали намерений «поставить на место».

Собственно, как мне в сентябре 1999 года поведал подполковник Александр Литвиненко, убивать ТВ-звезду № 1 и не планировали. Хотели попросту «навести изжоги», припугнуть, но вышла накладка, «план перевыполнили».

В контексте того, что 1) с Литвиненко мы до этой беседы знакомы не были и 2) он знал, что беседует с журналистом, и, наконец, 3) очевидно, что вся болтовня в неуютном спецбаре рядом с кабинетом Березовского в ДП «Логоваза» фиксировалась на аудио+видео, возьмусь предположить, что офицер просто-напросто сливал версию, которая выгодна «папе» (так Александр величал Борис Абрамыча).

С другой стороны, по-моему, покойный Литвиненко «берегов не знал», был абсолютно безбашенным, и бог весть с чего его тем вечером пробило на такие сенсационные откровения...

Однако, в конце концов, резонно вещать лишь о том, что знаешь. И я расскажу лишь о том, очевидцем чего случилось быть. Итак, Листьев удивлял. И вовсе не так, как потом удивлял сменивший его Костя Эрнст.

Глава 6. ПРОЕКТ. ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Неюбилейное

После 17 мая 2011 года, когда Мукусев отпраздновал очередной юбилей, я задал его экс-напарнику Александру Политковскому несколько вопросов.

– *Мукусю – 60. Не видел торжественных сюжетов по ТВ...*

– До 60-летнего юбилея было пятидесятилетие. Картина неизменна. Это говорит только о качестве журналиста. Хорошо, что я об этом юбилее не знал и не поздравлял Володю. У меня вызывают всяческие опасения и подозрения люди, отмечающие публично-шумно личные условные отметины во времени. Они быстро стареют. Если будем судить об истории журналистики, то предлагаю угадать с одного раза, о ком будут писать лет через двадцать в учебниках для журфаков. О Володе или (не буду даже именовать) о каком-нибудь сегодняшнем послушном и услужливым перце с федерального канала. Представь себе, что сейчас, когда глубинная Россия ждёт революции. Володя стал бы петь осанну гнилой власти и его поздравляли по указивке...

– *Светлана Сорокина сетовала в своём дневнике, что её, стоявшую у истоков Российского ТВ (она вела первый выпуск «Вестей»), не пригласили на майские торжества в честь 20-летия канала. На самом деле и первого шефа ВГТРК, твоего бывшего начальника (по «Взгляду») Анатолия Лысенко не сочли нужным позвать. Это просто небрежность организаторов или попытка переписать историю?*

– Все шагают по тем же граблям. Позиция слабости. Это не «Слово о полку Игореве». Как написано, так и прожёвываем – иных отметин нет. У нас, правда, есть свои летописцы Несторы в Кремле и около. Пример комуноидов весьма показателен. Они переписывали – их переписали.

Не думаю, что (достаточно тонкий человек) Светлана могла искренне сетовать, что нет приглашения на поминки. Представим себе 91-й, Егор Яковлев, традиции отечественной журналистики...

Люди! Они создавали этот канал ещё задолго до того, как мы там начали работать. Включи сегодня этот ящик для дебилоидов. Скольких программ уже нет и не будет на канале. Всё, что есть, как «Баунти», куплено в иных странах. Для таких значимых фигур, как Светлана, самое неприятное то, что пригласили на поминки, а отказаться никак нельзя.

– *Что бы ты сделал, если бы мог рулить пиаром страны?*

– Мы уже говорили о современном месте России. Пафосная Азия с латиноамериканским шумом. Вспомним попытку быть похожими на арабов: нефтяные деньги не прожирать, а обеспечить будущее... Столыпин писал, что богатство – главная проблема России. Добавим – и жадность. Кто накомуниздил денег, не имеет времени ими воспользоваться. Нервы. Юбилей, швейцарская клиника и т.д. Для сегодняшних правителей это бизнес-проект.

Здесь не место говорить о том, что сделано с двухтысячного: об этом достаточно писано-переписано.

Ничего. Хотя в полемике достаточно глупых перечислений завоеваний. Делили и затыкали дыры. Поэтому информационная война изначально проиграна. Есть интернет. Мир. Самая потрясающая лазейка во «вражеский» лагерь – русский язык. За ним все составляющие культуры. Дальше – историческая разобщённость славянских племён и титанические усилия по их соединению, которые опять рухнули. Наши друзья все рядом...

– *Мы с тобой как-то пытались провести параллели между «Взглядом» и*

«Прожекторпэрисхилтон». Сергей Доренко, после того как побывал у них в качестве гостя, опубликовал свои наблюдения: «Шутки актёрам Пэрисхилтон пишет сценарист, они просто херачат с листа. Три часа. Потом монтаж делает из этого меньше получаса. Это удивило... Почему зауважал Цекало? Он молчит, очень редко говорит СВОИ слова. Он единственный не херачит по заготовке». Твои комментарии?

– Для меня, уже говорил, это онанизм в общественном сортире: прилюдное самоудовлетворение. Шутка заменила информацию. Информация уходит из памяти через несколько часов. Эти скетчи – через несколько минут.

Мы уже проверяли моё предположение. На Алтае и в Иркутске. Даже много читающие люди имени этой шалашовки не знают. У шестидесятников было такое понятие – наблатыканный. Это не профи, а человек, нахватавшийся приёмов, знаний. Как в футболе, так и в телевидении разбираются если не все, то многие. Так и на государственном уровне.

– *Есть ли хотя бы один «взглядовский» сюжет, который может впечатлить современную аудиторию?*

– Конечно. И не один. Сюжет про лошадь, которая жила у парня на квартире. Автор Влад Листьев. Про историю «Авроры» Володи Мукусева. Его же сюжет «Инвалиды»... Такие сюжеты есть ещё. Они – история отечественной журналистики. В них есть и трепетность и «мужинство». Главная проблема балета «Спартак» – это главный герой. Не голубасик... За таким идут. Так в журналистике... Было.

Степень свободы слонов

Есть такая суфийская притча XII века, авторство которой приписывают Хакиму Санани Газневи. Про трёх самоуверенных слепцов и боевого слона. Под стенами города слепых встал лагерь владыка со своим войском, в арсенале которого было невиданное животное. Горожане послали экспертов на инспекцию диковины. Вернувшись, троица доложила о своих впечатлениях.

Первый, который оттактилил ухо гигантского млекопитающего, доложил, что слон есть нечто ковроводобное и шершавое. Ощупавший хобот возражал:

– Слон есть гибкая мускулистая труба, страшная и разрушительная.

– Нет, слон – это твёрдая колонна, – полемизировал третий, исследовавший ногу.

«Созданное умозрением не ведает о Божественном. В этой дисциплине нельзя проложить пути с помощью обычного интеллекта», – резюмировал Хаким.

Замечу, что все трое слепцов были искренны. И не пытались манипулировать согражданами. Что, впрочем, на результате не сказалось.

Так и три репортёра, рассказывающие об одном и том же, рисуют разные картинки. И при этом ещё и потребитель репортажной продукции видит лишь то, что считает нужным. Удивительно, но порой даже объекты публикаций умудряются замечать только хобот. Или хвост. Или ещё что-нибудь. Игнорируя картину в целом.

Ныне СМИ не суть источники информации, но красивые интерпретационные площадки. Поскольку зритель/читатель/подписчик с алчностью карася клюёт не на само событие, а на гламурную медиаупаковку. Равно как автогигант штампует джипы да седаны, так и СМИ продуцируют «реальности». Свои, уникальные. Их и реализуют. «Реальность» может быть депрессивно-негативной, как в «Моменте истины» меганадрывного манипулятора Андрея Караулова, или жизнеутверждающе-ироничной, как в «24» саркастичного флегматика Михаила Осокина. Завидно политкорректной, как а-ля «Ведомости», или напористо агрессивной, как в «Комсомолке». На любой вкус. И цвет. Можно – жёлтый. Можно – голубой. А надо, так и жовто-блакитный.

На одной и той же лестничной клетке можно существовать в альтернативных медиапространствах. Кто-то живёт при «кровавой гэбне» Путина, когда святых гнобят в лагерях, а ельцинская свобода слова только снится. Кто-то – в «реалити-шоу» Ксении Собчак, где доминирует перманентный поиск полового партнёра. Можно существовать в декорациях военного времени. Или – на фоне добродушного развитого капитализма. Всё зависит от точки отсчёта, задаваемой набором СМИ. Слушатели «Эха Москвы» и сегодня наслаждаются ощущением лубянских преследований, подобно диссидентам 70-х.

Аудитория предпочитает сказки, свидетельством чему не только тиражи таблоидов, но и скандалы, генерируемые представителями так называемой качественной периодики. Незабвенна история Джека Келли, маститого автора (с двадцатилетним стажем работы!) единственной общенациональной североамериканской ежедневки USA Today. Автор 720 постановочных историй пять раз выдвигался на соискание Пулитцеровской премии (Pulitzer Prize). И прошёл-таки наконец в финал. И всё благодаря высокохудожественным выдумкам про сербских террористов, таинственных мятежников и мифических повстанцев из Грозного. Был разоблачён коллегами-завистниками. Премии пришлось вернуть post factum.

Приведённый пример есть правило, а не исключение. Напомню о скандале с мегакачественным изданием The Washington Post и её звездой 80-х Джанет Кук. Для начала она наврала в отделе кадров про своё обучение в Сорбонне, и это враньё прокатило. Выводы девушка сделала. Методу отработала.

Сенсацией стала серия её очерков о трагедии семилетнего мальчика, которого злые наркодилеры подсадили на сладостный героин. Материал «Мир Джимми» получил ту же Пулитцеровскую премию. Но! Самое интересное, что крепкий хозяйственник города Вашингтона Мэрион Барри набрал политические висты, викториально отапортовал публике, что ребёнку оказана помощь и юный наркоман твёрдо стал на лыжную реабилитацию. Досушие газетчики принялись рьяно искать объект мэрской заботы. Не нашли. Он существовал лишь в воображении пронырливого мэра. И талантливой журналистки.

После миниатюры «Взгляда» о трогательном голубоглазом сироте Серёже, спевшем ангельски-пронзительное «Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко», коллеги-газетчики пожелали усыновить ребёнка и оказать помощь духовому оркестру провинциального детского дома. Это, по мне, один из самых блистательных сюжетов за всё время существования отечественного телевидения, шедевр от тандема Демидов – Мукусев (именно Иван срежиссировал этот эпизод).

Резонанс был ошеломительный. В Ереване создали фонд имени Серёжи. А с Камчатки прислали в редакцию «молодёжки», выпускавшей легендарную программу, контейнер с красной икрой и прочими лакомствами для мальчика. Однако автор хит-сюжета Владимир Мукусев, как выяснилось, просто не обзавёлся координатами объекта. Ведущий вынужден был обратиться к фанатам с пространной сентенцией. Мол, много в стране детдомов и Серёжей немало. Позже он мне рассказал, что, мол, просто не желал подставлять мальчика под избыточное внимание доброжелателей. Свежо предание, а верится с трудом...

Ну да ладно. Там хотя бы не стоял сакраментальный вопрос: «А был ли мальчик?» Мальчика вся страна видела (аудитория мукусевских выпусков «Взгляда» была под 200 миллионов!). И более тысячи зафиксированных усыновлений в течение месяца. К вопросам о журналистских фантазиях, кстати. Читал, что, дескать, Мукусев якобы так был растроган во время эфира, что разрыдался прямо в студии и не смог вести передачу. Просто бред. Владимир был (и остался, полагаю) суперпрофи. Со всеми плюсами и минусами этого ремесла.

Анатолий Лысенко рассказывал:

– Давным-давно, когда не было ни «Взгляда», ни «До и после полуночи», работал я с журналистом, по-мукусевски талантливым и, к сожалению моему, рано умершим. Так вот, он как-то сделал сюжет о сексуальной раскрепощённости. Это происходило на фоне «открытия» того, что «секс в СССР есть». Сюжет был записан с хорошенькой алма-атинской студенткой лет двадцати, которая поделилась тем, что у неё было три партнёра. И самое главное: она призналась, что ничего страшного в этом не видит. Я сказал, что в эфир это не дам. Ведь она – дура, которая не осознаёт, что подписала себе приговор, что она, естественно, вылетит из комсомола, из института, отправится обратно домой, а там, в шахтёрском посёлке, жизни ей не будет. Кончилось тем, что сюжет вышел с её закадрированным лицом и смикшированным голосом. Через пять минут после эфира – звонок от председателя Гостелерадио Казахстана: «Толь, мне тут из ЦК звонили. Нужны координаты героини: меры предпринимать». Это к вопросу об ответственности журналиста.

* * *

Но вернёмся к нашим заокеанским баранам. В 1998 году сотрудник The New Republic Стивен Глэсс рассказал о другом мальчике, 15-летнем хакере, которого боссы компьютерной корпорации трудоустроили, чтобы рекрутировать дарование, взломавшее их защитные коды. Но коллеги из Forbes, пожелавшие подзаработать на чужой удаче, обнаружили: юный гений – очередной журналистский миф...

Замечу, что бюджеты US-изданий несравнимы с отечественными и там работают реально тщательно & качественно. В частности, во всякой мало-мальски респектабельной газете есть спецотделы по проверке

фактуры (fact checking): журики обязаны сливать туда все контакты и записи инспекции ради. Однако на каждую хитрую жопу, как известно, найдётся что-нибудь с винтом. Стивен не поленился зарегистрировать лжекомпанию и даже запустить сайт вымышленного монстра. Инспекторам дан был номер телефона «сотрудника», роль коего исполнил родственник репортёра. Но вот ребята из Forbes оказались профессиональнее, и ещё одна журналистская афера была разоблачена.

Мораль сей басни тривиальна: читатель ведётся не на факт, но на подачу. Как в мукусевском сюжете: дело не в детдомовских сиротах вообще, а в трогательном певце Серёже, который не столько персонифицировал проблему, сколько сам по себе произвёл впечатление на «взглядовскую» аудиторию. По сути, репортёры грешат не порочной фальсификацией, а расстановкой акцентов и художественной компиляцией а-ля покойная Анна Политковская. Потребитель жаждет, чтобы ему «сделали красиво». Это и постулирует бесстыдную гламуризацию информационного потока. И выпрыгивающих из окон жертв атаки на башни ВТЦ берут лишь общим планом, чтобы незримы зрителю были гримасы отчаяния и не видно было брызгов мозга при ударе об асфальт.

На Евразийском медиафоруме 2007 года медиаидеолог Марина Леско сравнила события 11 сентября 2001 года с перфектной постановкой: «В том телесобытии мирового масштаба всё было учтено – от погоды и мифологических особенностей человеческого восприятия до профессионализма медийщиков. Те, кто готовили суперпроект, точно рассчитали, какой должна быть картинка, чтобы сразу настроить мысли «на вечное» (раннее утро, башни, подобные Вавилонской, невинные жертвы...), сколько нужно времени, чтобы подтянуть все имеющиеся в наличии камеры к месту событий, как сделать так, чтобы зритель был постоянно в напряжении. Короче, авторы продумали все детали, которые необходимо учитывать при постановке подобного рода зрелища. А главное, всё было по-настоящему: люди в кадре умирали. Но без чернухи: всё, что видел зритель, – это растворяющиеся в небесной лазури фигурки, которые обречённо летели в никуда, крепко взявшись за руки, гонимые огнём из окон, в мир иной. Тот эфир продлился порядка двух часов – столько, сколько нужно, чтобы зритель успел пережить катарсис и подустать. Затем башни рухнули одна за другой, похоронив под собой всякую надежду на хеппи-энд и возможность узнать когда-либо, кто кого нанял с целью осуществить эту уникальную и, безусловно, грандиозную художественную постановку. Таким образом, если понимать под словом «гламур» упрощение и украшение, то есть художественную обработку реальности (иначе говоря, лубок), то становится ясным, что тенденция гламуризации существовала всегда, существует ныне и не умрёт никогда».

Важна последовательность. Востребованы мыльные оперы. Поэтому у каждого СМИ есть собственные персонажи, в жизни которых происходят вполне предсказуемые события. Именно на привыкании к определённому типу псевдореальности зиждется лояльность потребителя медиабасен. Потребители СМИ жаждут лишь одного – скушать соответствующий их текущим умонастроениям журналистский вымысел, грамотно упакованный в формат репортажа.

Однако, в отличие от голливудских блокбастеров и бразильских сериалов, импортные медиаформаты не всегда пользуются спросом у нашей публики. Работаем поэтому над своими. Во всяком случае, так я вижу медиаслона. Не уверен, что это хвост.

Лысый = парторг

Расспросил Анатолия Лысенко о начале большого пути. Каким образом в постсталинскую эпоху люди приходили в профессию?

– Первый раз я попал на телевидение, будучи студентом МИИТа, в 1957 году: участвовал в морально-этическом диспуте. Меня тогда даже кто-то из знакомых сфотографировал с экрана телевизора.

А пять лет спустя мне позвонили и сказали, что вот, мол, пришли мужики с телевидения и хотят сделать передачу о нашей самодеятельности. И эту передачу за три часа до начала сняли с прямого эфира. Режиссёр, который с нами работал, начал ломать голову – чем заткнуть брешь в сетке. Ребята говорят: у нас есть Олег – способный карикатурист, нарисует карикатуры, а Лысый – так они называли меня – напишет к этим карикатурам тексты. И за пару часов мы сваяли монолог о студентах.

Опыт оперативной работы у меня был: я у нас в самодеятельности практиковал как конференсье и читал лекции о международном положении, поэтому мне предложили вести передачу «Комсомольский прожектор». Лет пять работал внештатно, совмещая с основной работой на заводе. Плюс учился в аспирантуре.

– «Прожектор» – это ведь тоже проект «молодёжки»?

– Да, я тридцать лет проработал в молодёжной редакции, с 1968 года. Из неё, как знаешь, вышли почти все нынешние руководители каналов.

– Тогда так же сурово сюжеты запрещали?

– В первый же день я сам снял с эфира передачу Ворошилова «Хиросима – любовь моя». Если бы мы её дали в эфир, редакцию закрыли бы. Ну, ко мне ввалился Ворошилов и говорит, что будет драться. Мы потолковали и решили работать вместе. Сотрудничество с Владимиром Ворошиловым очень много мне дало: мы делали «Аукцион», «Письма о войне», «КВН», «А ну-ка, девушки!», «А ну-ка, парни!», «От всей души!», «Молодцы», «Что? Где? Когда?».

– «Мир и молодёжь»?

– Тоже. Ещё я делал «Диалог» и цикл «Наша биография», руководителем редакции была Маргарита Эскина, она мне доверяла. Программа у нас была политическая, а я ведь был секретарём парторганизации, но при этом не был идеологически зажатым – просто нужно было уметь «прикрываться зонтиком», выражать своё мнение так, чтобы оно не противоречило общепринятой идеологии.

Степень свободы зависела от редакции. Например, в редакции пропаганды можно было попасть на приём к главному редактору, только если вначале была аудиенция у заведующего отделом. Там была такая дисциплинарная система. В нашей редакции, например, этого не было. Вот редакция пропаганды занималась общественно-политическим вещанием, были редакции информации, музыкальная. А молодёжная занималась и общественно-политическими передачами, и музыкально-развлекательными, и информационными, и международными – всякими. То есть мы делали всё. И на этом мы себе немного развязывали руки. Как только нас пытались ограничить по тематике, мы начинали объяснять, что, мол, понимаете, это же для молодёжи, нужен особый подход, ведь это совершенно другая аудитория. И нам это разрешалось. А когда нас начинали давить и говорить: вы занимайтесь своими молодёжными проблемами и не лезьте никуда больше, – мы отвечали, что нельзя же делать возрастное гетто, молодёжь интересуется всё. И вот, лавируя между этими ограничениями, мы добились определённой самостоятельности.

Пить или не пить?

Когда я пытался разыскать «взглядовского» экс-выпускающего Андрея Шипилова, его ТВ-коллега Никита Евган (дело было весной 2011 года на вечеринке-выставке у Михаила Королёва) посетовал, что Андрей сильно бухает. Забавно, что почти про всех ведущих программы (кроме Захарова и Ломакина) говорили то же самое. Великое дело!

Другое дело, что у Листьева запои мешали работе. Не явится на прямой эфир «Взгляда» – это ЧП. Принято считать, что когда горячего парня взяла в оборот холодная Альбина, не переносившая алкоголь + алкоголиков, Влад завязал. Однако даже в период «Поля чудес» он пару раз срывался, и тогда Листа выручал Саша Любимов, с должным профессионализмом проводивший выпуск капитал-шоу в отсутствие автора/ведущего/продюсера. Уже будучи мега-звездой, державы любимцем, блистательным ТВ-денди, Влад мог в аппаратной на пару с Андреем Шипиловым выдуть грамм семьсот, по-студенчески – зубами! – вскрыв портвейную бомбу.

Впрочем, всё относительно. Один из фигурантов этой книги, прочитав черновик рукописи, с которым я решил его ознакомить, дабы минимизировать количество фактических ошибок (без коих ни один из экспериментов в жанре мемуаристики обойтись не может), сказал мне:

– Набрал слово «кокаин» поисковиком: не нашёл в твоём труде ни разу. Так что если даже такой певец порока, как ты, решил только про бухло, то даже читать не буду, посмотрю очередную карамельную документалку, там хоть картинки есть занятные.

Небезызвестная Алёна Лыбченко написал(а) в «Большом городе» колонку, которая открывалась словами: *«Алкоголь и журналистика – слова-синонимы. С незапамятных времён везде, где верстается газета или журнал, где-нибудь рядом – под столом ли, в шкафу ли, в сейфе – стоит початая бутылка водки. Или виски. Также хорошо работать под коньяком»*. Те, кому ведомо, кто именно скрывался под раскрученным псевдонимом, сразу догадались, откуда взялся пафос текста «Сухой закон» – в издательском доме «Коммерсантъ» свирепствовал очередной гендир, который начал своё правление с указа, коим пресекалось традиционное репортёрское пьянство. Владимир Ленский (про которого коллеги злословили – не выносит, мол, стёб насчёт Евгения Онегина) вторым приказом велел службе безопасности пасти нарушителей указа номер раз.

Автор той колонки Олег Кашин есть Ъ-воспитанник, чем и была постулирована некоторая категоричность выводов: *«Алкоголизм всегда был производственной необходимостью российских журналистов, более того, некоторые направления журналистики вообще немыслимы без хотя бы лёгкого алкогольного опьянения»*. И это трудно отрицать «коммерсантовскому» выпускнику, поскольку Ъ изначально персонифицирует вовсе не его основатель Владимир Егорович Яковлев, а редактор Андрей Васильев (Вася), коего зреть кристально трезвым доводилось немногим. Я из своего опыта могу припомнить разве что утренние заседания предвыборного штаба осенью 1999 года, которые проводил Борис Березовский в офисе Бадри Патаркацишвили в здании ТАСС на Тверском бульваре, которое по иронии судьбы расположено буквально в нескольких шагах от знаменитого клуба «Маяк», где журналистская элита страны исправно трудится над цементированием провокационного тезиса Алёны Лыбченко. Уточню: единственное оправдание той Васиной трезвости отнюдь не респект в отношении кого-либо из присутствовавших, но, осмелюсь предположить, недопустимо ранний час. А Вася = гиперболизированная квинтэссенция образа отечественного медийщика: профессионально одарён (его Ъ-заголовки несравненны), безмерно циничен («ради красного словца охуярит и отца...») и перманентно во хмелю. Во время киевских вояжей, связанных с экзерсисами по выпуску украинской версии журнала Der

Spiegel, наслушался душераздирающих легенд про будни издания «Коммерсантъ-Украина», нерадивого сотрудника коего Васильев оштрафовал... на три ящика водки!

Однажды на заседании пресс-клуба, организованного компанией «Фонд здоровой России», главный внештатный нарколог Вологодской области Павел Лавров описал современного российского мужчину как стрессированного самца от 30 до 50 лет и к «пьющим профессиям» отнёс актёров, ментов, журналистов, хирургов, официантов и травматологов.

Помню, красноярские газетчики пропиарили свой регион тем, что оригинально отметили Всемирный час Земли: они на 60 минут приостановили употребление спиртного. По словам лидера местных журиков Алексея Борзуна, дерзкая акция продемонстрировала готовность сибирских мастеров пера трезво глядеть на угрозу, нависшую над планетой: *«Чо каво, а планета, она есть. Поэтому не всегда стоит, допустим, пить или не пить там, где не стоит. Такова жизнь, и с этим нельзя не считаться»*.

Бесспорно, сейчас пьют не так, как в советские времена: всё-таки почти все за рулём, и это – как следствие – роняет общую профессиональную планку. Я пришёл в свою репортёрскую альма-матер «МК» в 1985 году, в разгар горбачёвской антиалкогольной кампании. Единственный вопрос, который при собеседовании мне задал главред Павел Гусев: *«Пьёшь?»*

Не помню, что именно я тогда соврал, но не забыть мне летящую пишущую машинку, которую тем же вечером видел в кабинете своего экс-сокурсника Петра Спектора, нынешнего шеф-редактора газеты, а тогда рядового сотрудника спортивного отдела. Многокилограммовая «Ятрань» была запущена в воздух могучей дланью журналистки, которая метила в коллегу и по совместительству супруга (впоследствии, кстати, возглавившего довольно популярное издание). О чём тогда полемизировали – не суть. А вот пили в тот день портвейн «777». Однако запивали «Жигулёвским». Что было ошибкой. Кстати, насчёт спортивных журналистов. Эти хмельны всегда. Почему так – неведомо, но факт.

Для российского неосоциума гиперболизированный образ непросыхающего русского журналиста сбетонировал Константин Хабенский в дебютной ленте Филиппа Янковского «В движении» (2002), где употребление спиртного гламуризовано беспредельно.

Такие вот дела. Но на самом деле военные & пожарные водку чтут основательней, и сакраментальное пьянство журналистов всё же мифологизировано. Я лично знаком с несколькими незлоупотребляющими коллегами. Не знаю, насколько репрезентативны мои наблюдения, но полагаю, что 10 – 12% представителей нашего цеха – не бухают. Более того, друзья уверяли меня, что некоторые из трезвенников очень даже неплохи в профессиональном аспекте. И якобы даже способны одаривать потребителя радостью печатного слова почти как настоящие репортёры. Информация непроверенная, но недостоверной окрестить её всё же не решусь.

Замечу, между прочим, что сам «Алёна Лыбченко» являет собой хрестоматийный образец представителя ремесла: во время Евразийского медиафорума 2007 года он отличился тем, что, надегустировав содержимого мини-бара долларов на пятьсот, доблестно покинул гостиницу с категорическим отказом платить, о чём потом горько плакались организаторы мероприятия. А знаменитый Ъ-карикатурист Андрей Бильжо, придумавший «Петровича» и эмигрировавший в «Известия» после антиалкогольных репрессий, сочинил там свою первую колонку именно про прощальную попойку с коллегами.

Знай наших. Что значит «зачем вы водку пьёте»? Была бы твёрдая, грызли бы.

Вспоминает Анатолий Лысенко:

– Пили всегда. Конечно, кое-кто спивался... Компания тогда была весёлая: Дима Белозёров, Володя Ворошилов, Алёша Габрилович, Марк Зеликин, Серёжа Муратов. За столом говорили о профессиональных

проблемах.

Взгляды Анатолия Лысенко

Когда Лысенко стал гендиректором Российского ТВ, никто из его бывших подопечных – ведущих программы – не перешёл вместе с ним в его новую вотчину. Хотя, казалось бы...

– Анатолий Григорьевич, вот я всегда считал, что вы хорошо освоили своё дело. Ведь у вас всегда – тактика руководителя: разделяй и властвуй. Мне кажется, что вы всё время разводили «мальчиков» – ведущих «Взгляда». Чтобы легче с ними управляться.

– Нет. Я очень не люблю, когда люди, делающие одно дело, начинают ссориться. Я стараюсь, чтобы они не ссорились. Потому что я начинал чувствовать, что есть опасность расхода. Вначале не было и конкуренции среди тройки (Захаров – Листьев – Любимов. – Е. Д.). И переход на тандем ведущих был вызван чисто техническими причинами. Ребята сначала всё делали втроём. Это было прекрасно, но громоздко. Они начинали уже загибаться где-то на пятой, на седьмой передаче. Должно быть какое-то перераспределение.

– Вспомню мемуары Мукусева: «Желая сделать передачу во всех смыслах «без галстука», мы долго искали претендентов, пока Шпилов не привёл с Иновещания молодых ребят. Тексты им писались, материалов они почти не снимали: Сагалаеву не раз приходилось отбивать их от постоянных нападков журналистов и руководства нашего замечательного телевидения. На «Взгляд» работало много людей. Но зрители видели только верхнюю часть айсберга – ведущих. Не всё у них получалось хорошо, хотя они обучались очень быстро. Но телевизионное и партийное начальство требовало «крови»: «Убрать этих непрофессионалов из эфира, и всё». Чтобы сохранить и передачу, и ребят тогдашний главный редактор Главной редакции программ для молодёжи ЦТ Эдуард Сагалаев нашёл хитроумное решение: он поручил вести «Взгляд» мне, а через некоторое время посадил рядом со мной одного «мальчика», потом другого... В итоге программа выровнялась, и мы стали вести её по очереди». Вы знаете, кто меня интересует, – Мукусев. Фигура колоритная. Был выпускающий программы. Стал ведущим. Вы, естественно, помните сенсационный материал в «Огоньке», когда он «хлопнул дверью». Он там всем сёстрам по серьгам роздал. Написал, что, покидая КПСС, он выходит из партии пономарёвых и ишпиловых. И т.д. Досталось всем. Включая бывших коллег-ведущих. Вашу фамилию, по моему, помянул вполне лояльно.

– Он даже похвалил меня и Сагалаева. Мы хотели ответить было, но потом поняли, что как-то... Я после «огоньковской» статьи просто сказал, чтобы он забыл мой номер телефона. Честно скажу: я всегда был категорически против.

– Публикации?

– Прихода Мукусева. Как ведущего. Меня заставили. И человек, который меня заставил, позвонил в день выхода того интервью и сказал: «Ты знаешь, я просто чувствую свой грех...» Сказал: «Чувствую свою вину перед ребятами, перед тобой» (предполагаю, что речь об Э. Сагалаеве. – Е. Д.).

Володя странный человек. Он трудяга. Этого я не могу сбрасывать со счетов. Так получилось, что я с ним работал до «Взгляда». Он делал у меня много передач, когда только начинал. Мукусев человек талантливый. В каком смысле? Во-первых, трудолюбив. У него есть нюх на материал. Есть журналистское счастье. Это тоже так бывает. Он берёт материал, и тот становится звёздным, хотя он в него ничего не вкладывал. Но я не могу сказать, что он очень добрый человек. Володя любит не то что в искусстве себя – он только себя любит. Ему везло на материалы. Но беда его – он суперсолист. Он должен сам играть на рояле, сам спеть.

– Но с Политковским они слепили крепкий, хороший тандем. И работали дельно. Так, во всяком случае, смотрелось.

– Смотрелось – да. Но вообще-то это не так.

– Настоящую суперзвезду можно синтезировать только в воображении. Суровость Невзорова, напористость Гурнова, шарм Листьева, реакция Любимова, интеллигентность Крылова, ироничность Шолохова, что ещё?

– Ведь беда в чём? Нельзя же быть для всех интересными. Вот одна из традиций телевидения – мы делаем передачи для всех. Для жителей Верхне-Ухлюпинска и академика Лихачёва. О каком обаянии речь?

– То есть вы считаете, что без обаятельных лиц на телевидении вполне можно обойтись, если это ТВ – совковое?

– Нет. Я, во-первых, не могу понять, что такое обаяние.

– Ну то, что есть в той же Митковой.

– Ну что – в Митковой?! Вижу в ней жёсткость. Для меня обаятельным человеком была Света Жильцова. Не потому, что она моя ровесница (её я знаю с пионерского возраста). В ней были женственность и обаяние. А в Митковой жёсткость. Она человек, чувствуется, стальной внутри.

– А почему вы, кстати, не взяли её на работу, когда она пришла? Ведь они с Киселёвым ушли из ТСН (Телевизионной службы новостей), и на президентском ТВ, руководимом товарищем Кравченко, им никакая работа не светила. Никто же не знал, что придёт Егор Яковлев и вернёт им экранное счастье.

– Ну, не взял. Это так. К сожалению, у бывших ведущих ТСН какие-то сложные взаимоотношения. Гурнов и другие поставили мне условие не брать. Надо было делать выбор.

– Ладно, Миткова не пропала. В конце концов, она лицо себе давно заработала. Однако на западном телевидении существует вполне конкретное понятие телезвезды, человека, который может себе позволить многое. На Западе телезвёздам платят как кинозвёздам. То есть это люди одного масштаба. Здесь этого нет. Нет, повторяю, ТВ-звёзд. Более того, на экране даже нельзя увидеть более-менее симпатичных девушек. Неужели трудно найти хорошеньких ведущих?

– Не сказал бы, что этого нет. Наши телезвёзды получают не меньше, чем наши кинозвёзды.

– Звёзды? Вот Мэрилин Монро – все знают, кто это. Легенда кинематографии. На ТВ тоже должны быть легенды.

– Отъезд от Москвы сто километров; я точно скажу, что там не знают, кто такая Мэрилин Монро.

– Зато знают, кто такая Миткова?

– Да. Я всегда Мукусеву говорил; Володя, ты должен одну вещь понимать – ты популярнее Льва Толстого. Толстого читало десять миллионов, а тебя каждую неделю видят сто, хотя они или нет. У нас чего нет? Нет системы становления звёзд. Гениальная книжка Моргана «Великий человек». Я её когда прочитал, чуть не заплакал от обиды. Там – технология. Как из человека делать телезвезду. В «Что? Где? Когда?» Нурали Латыпов – он был телезвездой, почти легендарной. Хотя был абсолютно некрасив. Он был наименее красив из всех. Наименее речист. Но так сложилось. А сама передача строилась так, что если появлялся кто-то выползавший, то начинали работать на него. Это от Ворошилова. Он умел это создавать. Он один из немногих подлинных телережиссёров.

– То есть Ворошилов сумел вычислить Латыпова?

– О, нет! Он в этой передаче ставил на других. Не всегда ставят на тех. У нас нет системы воспитания звёзд. Была Фаина Георгиевна Раневская. Разве на Западе, имея актрису такого масштаба, из неё бы не сделали суперзвезду?

– Пятый пункт? Она имела несчастье родиться еврейкой в стране братского интернационализма, где Сумгаит готовился десятилетиями?

– Да не только пятый пункт. Нонна Мордюкова – при всём при том – это тоже звезда! Да из неё же можно было сделать сверхзвезду! У нас не принято. Не выёживайся, не высывайся. Трамвайный закон. Не вылезай – ты скромная советская киноактриса. Я не говорю, был очень большой период невероятного страха популярности телевизионного журналиста. «Не ты герой». Герой – простой советский труженик, которого ты снимаешь.

– Когда этот период закончился? К моменту создания «Взгляда»? Позже – в 88-м?

– Он начал агонизировать где-то году в 85 – 86-м. Когда журналист получил право сказать: «Я не считаю, я так думаю». Но – «дело журналиста рассказывать о советских людях» – это крепко. Рассказывать. А не пользуясь, как говаривал Лапин, служебным положением, вылезать на экран. У нас была такая передача, называлась она «Пресс-конференция». Ну детишки там или молодые люди встречались с популярными людьми и задавали им вопросы. А те отвечали. Хорошая была передача. Потому что она позволяла придумать очень интересные, а порой и каверзные вопросы, которые журналист не имел права задавать. А простой советский учащийся ПТУ мог. И все говорили: «Какой молодец. Какой вопрос задал. Ах ты, шалунчик». Если бы задал работник ЦТ, ему бы оторвали руки, ноги и другие принадлежности. А тут простой работяжка (особенно если такую блокадную мордочку найти), ну – мечта! И ведущий там сидел рядом, ну, как на нормальной пресс-конференции. И вдруг: «А чего это он сидит рядом с популярными людьми – примазывается?» Потом пошла другая эпоха, где-то 85-й год. Журналист наконец-то поимел право «примазываться».

– Наша система образования строилась на воспитании коллективизма, а не на воспитании звёзд. Вы не смогли найти перспективных ведущих в МГУ. То есть административно-командной системе удалось нивелировать личность уже на стадии высшего учебного заведения...

– Абсолютно! Почему – учебного заведения? В школе! Основная претензия к школе, которую слышал любой из нас: «Ты что, умнее других?» Он себя считает умнее других – это оскорбление.

– Да. Но личности тем не менее благополучно произрастали, и они произрастают...

– Случайно. Методом самопосева и методом самовырывания. А системы селекции талантов, которая существует в США, у нас нет. Вот трагедия. А она должна вытекать вот сейчас. Вот я ездил в МГУ, смотрел телевизионный класс. Там человек 30. Это в школе. Вот двое: мне показалось, что-то в них есть. Но что значит «что-то»? Надо их дёрнуть. Как создавалась Мирей Матье? Её воспитывали три-четыре года. С ней работали модельеры, парикмахеры, учителя манер. Кто у нас воспитывал Аллу Пугачёву? Она пробилась через всё. Самородок. Так у нас вся страна самородков. А самородки в натуре своей имеют крайне корявый вид. Как хороший алмаз, пока его не огранят. А огранивать мы не умеем. Потому что у нас нет ни времени, ни техники, ни средств.

Когда говорят об общественном телевидении, я вспоминаю Илью Ильфа, который в записных книжках писал: учёные связывают светлое будущее с приходом в жизнь электричества. Электричество уже есть, а счастья всё ещё нет. Решит ли общественное телевидение все наши проблемы? Если оно «общественное» – значит, надо иметь общество. На моей памяти мы строили социалистическое, затем капиталистическое, теперь – гражданское общество. В итоге имеем огромное количество недостроя... Будь у нас гражданское общество – я был бы за общественный канал. Но наши люди не определились, в каком

обществе они хотят жить. Разговоры о том, что мы выстроим гражданское общество, разработаем национальную идею, напоминают мне фильм «Девять дней одного года». Там герои идут по коридору и видят стенгазету, в которой написано: «Откроем новую частицу к 7 ноября!» Нельзя с понедельника ввести гражданское общество, общественное телевидение, национальную идею.

Попытка беспристрастного интервью с аутсайдером

В 1991 – 1992 годах мне достаточно много упрёков довелось выслушать за публикацию в «Московском комсомольце», «Неделе» и «Новом Взгляде» бесед с «телепредателями» Ломакиным и Мукусевым. Дескать, забвение для телевизионщиков есть смерть, а эти-де большего не заслужили. С первым тезисом (на счёт забвения) согласен, а вот на счёт свирепой кровожадности наших сограждан разговор особый... Замечу лишь, что ни один из экс-ведущих «Взгляда» на казнь не наработал. На мой взгляд. И карать их остракизмом не очень-то справедливо.

Что касается этого интервью... Было так. Я тогда записал две 120-минутных кассеты. Из расшифровок сделал три объёмных текста. Отдал Мукусеву на «визу». Он материалы грамотно доработал. В результате мне пришлось уже свёрстанную «Московским комсомольцем» полосу менять на мукусевский вариант. Там коллеги пошли мне навстречу. А вот с «Неделей» вышло хуже. Редакция еженедельника кое-что сократила в интервью, и депутат от «Взгляда» накатав туда гневную телегу.

Меня покорило. Но... взялся за гуж... Короче, я решил сдержать данное Владимиру слово и опубликовать третий кусок. Предложил «Независимой газете». А ответ получил не от главреда, а из... «ВИДа». Выяснилось, что редактор «НГ» Третьяков консультируется по поводу «спорных» материалов с начальством. В данном случае – с телевизионным. Газете «рекомендовали» интервью не публиковать.

Я и сам считаю, что многие наезды и оценки Мукусева несправедливы, резки. И то, что под материалом стоит моя подпись, вовсе не значит, что я разделяю взгляды изгнанного из «ВИДа» журналиста. Но коль скоро он уверяет, что ни одно издание слова ему не даёт, полагаю: свою версию «видовских» раскладов человек, работавший во «Взгляде» с самого начала, право продекларировать имеет. Хотя... сомневаюсь, что публикация данного текста поможет Мукусеву. Однако слово дороже денег. Я его давал. И по-хозяйски взять обратно, увы, не решусь. Итак...

Роковой промах

– Что произошло после того, как «Огонёк» опубликовал в начале 1991 года твоё интервью «Взгляд изнутри»?

– Произошло то, чего я и добивался, давая это интервью. Правда о том, что происходит во «Взгляде» и почему так резко падает его популярность, перестала быть тайной «Останкинского двора». Но есть тут одно, и очень существенное, «но». Интервью «Огоньку» я давал в конце октября 90-го года, когда о закрытии «Взгляда» и разговора не было. А было напечатано оно в январском номере «Огонька» в 91-м, уже после закрытия «Взгляда». Для большинства людей два события совместились. Хотя связи между ними не было. Мало того, некоторые детали того интервью после закрытия передачи перестали быть актуальными, и если бы оно не было уже набрано и отпечатано, я бы, конечно, о них умолчал.

– Например, о ваших внутренних кадровых перестановках?

– Конечно. Эти действия руководства вели к гибели «Взгляда». Но после закрытия передачи глупо было об этом говорить.

– И всё же, что было дальше?

– А дальше я, как на машине времени, перенёсся в 37-й – руководители редакции и комитета организовали настоящий суд, который назывался «редакционная летучка», и прошёл он 9 января 1991 года. Упаси меня бог ставить себя в один ряд с теми беззаветными и мужественными людьми, которые попали в сталинскую мясорубку. Это святые люди. Я говорю не о прямой аналогии, а о той атмосфере и о том сценарии, по которому проходило это судилище.

– Не сгущаешь ли ты краски?

– Если бы... Слышал бы ты, например, ветерана редакции, большого друга Главпура и ЦК ВЛКСМ (по сценарию, вероятно, сначала должен был выступить ветеран, потом молодой, потом бывший друг, который бы «прозрел и покаялся», ну и, вероятно, в конце представитель Красной армии и какая-нибудь беременная ударница дорисовали бы портрет врага народа гада Мукусева).

– Так что говорил большой друг Главпура?

– Не он, а она. Кстати, вспоминая, что я, между прочим, уже 13 лет в редакции и что, вероятно, имею право судить о том, что в ней происходит и что не нравится, но говорить о партии в уничижительных тонах, требовать суда над ней, да ещё в качестве примера сослаться на деятельность редакционного парторга – я не имею права.

«Молодой» от имени 20-летних защищал руководство «от грязных вылазок и оскорблений», хотя сам, правда, в курилках был куда смелее меня в оценках его деятельности.

Эти люди телезрителям известны, и я их называть не желаю.

Были и ещё «выступления ораторов». Но, к ужасу организаторов, сценарий был нарушен почти в самом начале. И нарушителями были те, кто знает меня не первый десяток лет. Те, кому так же, как и мне, безразлична судьба редакции, а вернее, тот развал, который происходил с ней после прихода на должность главного редактора бывшего комсомольского работника Пономарёва. Это были авторы целого ряда блестящих передач, последней из которых – «Что? Где? Когда?», я думаю, уготована судьба быть признанной лучшей телепрограммой 80-х, – Наталия Стеценко и Владимир Ворошилов. Нет, они не защищали меня, но они категорически возражали против самого судилища и предлагали посмотреть на редакционную жизнь с разных сторон. Но их не услышали. Нужно было добить Мукусева.

Конечно, каждый имеет право на собственное мнение, и, вероятно, я мог бы поспорить и с Региной Ильченко, и с Ваней Демидовым, и с самим Любимовым по сути их рассуждений, но это никого не интересовало, да и мне говорить особенно не хотелось, так как по выступлениям и отдельным репликам я понял, что моё интервью многие просто не читали. Повторяю, любая позиция, высказанная честно и открыто, имеет право на существование, независимо от того, нравится она кому-либо или нет. Но тогда, в январе 91-го, о выяснении позиций разговор не шёл. Но ни откровенное хамство, ни передёргивание фактов, ни злобные реплики не потрясли меня тогда так, как молчание многих, а особенно того, кто назывался моим приятелем, того, с кем мы провели не только сотни часов в монтажных, на съёмках, в командировках, но и десятки часов в откровенных беседах у меня дома, куда он был вхож в любое время суток и где его искренно и нежно любили. Мало того, что и Политковский промолчал. Во время «летучки» он тихо, незаметно пересел от меня туда, где бушевала команда Любимова...

Резонанс «летучки»

– И всё это стало для тебя неожиданностью? Ты не готов был к последствиям?

– Ещё в 1978 году, когда я переехал из Ленинграда в Москву и меня взяли на работу администратором в Главную редакцию программ для молодёжи ЦТ, я был убеждён, что уйду из неё только на пенсию. И все годы моей работы там те, кто составлял костяк редакции и имена которых знала вся страна, и те, чьи фамилии в титрах наших передач мало что кому-нибудь говорили, передавали мне свои знания, опыт, мастерство. И не только в профессиональном плане. Меня учили жизни, в полном смысле этого слова. И я до последних дней буду помнить об этом. Именно благодаря этим замечательным людям я прошёл путь от администратора до главного выпускающего программ и ведущего «Взгляда». И как хотелось работать дальше! Но руководство редакции и телевидения вместе с «ВИДовскими» кукушатами решили по-своему. На следующий день после этого гнусного спектакля главный редактор Пономарёв заявил мне, что, конечно, как депутат я могу остаться работать в редакции, но товарищ Кравченко считает, что с моими политическими взглядами в идеологической организации, которую возглавляет коммунист, мне делать нечего. Кроме того, есть коллективное письмо, в котором мои коллеги отказываются со мной работать. Это было уже слишком. Я потребовал показать мне его. И что же выяснилось? Действительно, четыре человека подписали такое письмо-отречение. Одна фамилия мне была вообще неизвестна. Две другие подписи принадлежали девочкам, которые пришли в редакцию два месяца назад, редактировали тексты Кириллова и к «Взгляду» практически не имели отношения. А возглавляла список «отреченцев» подруга моей бывшей жены, в своё время написавшая «разоблачительное» письмо-пасквиль руководителям редакции.

А теперь давай думать: кто от этого выиграл? Я, естественно, проиграл. Потому что потерял то главное, ради чего жил. Не просто работу, а работу любимую, работу, которую, ей-богу, знал и умел делать не хуже, а лучше многих. К сожалению, дразги и скандалы в творческих коллективах, в том числе в телевизионных редакциях, неизбежное зло. Но не везде. Мой небольшой опыт работы в составе команды фирмы Донахью и в Москве и в Нью-Йорке говорит о том, что там все без исключения работают на одного – лидера, чаще всего ведущего программы. Это ставит всё и всех на свои места. И места для амбиций, сплетен, доносов там нет и быть не может. Случайные из таких команд изгоняются немедленно, иначе страдают все. То есть работают только те, кто может работать. У нас же всё наоборот. Стоит тебе доказать делом, что ты можешь работать не только за кадром, но и в кадре, и быть лидером команды, как ненависть твоих же коллег растёт прямо пропорционально твоей популярности, причём не тех, с кем ты работаешь непосредственно, то есть режиссёров, авторов, операторов (которые и делают в конечном счёте тебя звездой), а тех, кто при этом лишь присутствует, вечно жалуясь на маленькую зарплату, огромную занятость и некомпетентность и бездарность лидера.

– Ты считаешь, что Мукусев и «Взгляд» суть тождественные вещи?

– Сомневаюсь! Ведь «Взглядом» назывались две по сути разные программы. Разные по манере ведения, монтажу, содержанию, и это было нормально. Мало того, в этой своеобразной конкуренции выигрывал зритель, потому что кто-то любил Мукусева и ненавидел Любимова, кто-то наоборот, а смотрели все. Ведь в главном – нашей политической позиции – и в оценках происходящего в стране, в истории «Взгляд» был един. Вот почему мы так долго лидировали в списке популярности. Меня не стало. И что? Ведь всё осталось у «ВИДа». И деньги, и прекрасная аппаратура, и тысячи обслуживающего персонала, и вдруг ставшее ласковым начальство, и сам этот голубой куб «Останкина», а главное – эфир, прямой эфир на многомиллионную аудиторию. Пожалуйста, ребята, работайте! И что же? Какие-то обозные матадоры и шоу-биржи? И это на том месте, где три года существовал некий журналистский храм под названием

«Взгляд»?! А сегодня (1992 год. – *Е. Д.*) вместо разрушенного «Взгляда» некая лужа под названием «ВИД», руководители которого со страниц газет кичатся своими доходами. А передача-то где? Зачем тогда всё это? Кто спорит, нужны. Ой как нужны сегодня и «поля чудес», и музыкально-развлекательные молодёжные шоу. Но не вместо, а вместе с настоящей публицистикой, яркими, острыми политическими программами. И критерий оценки должен быть один – не удобство и благожелательство очередного телевизионного либо просто президента, а качество, мера таланта, уровень передачи и её создателей. Можно по-разному относиться к телевидению времён застоя. Безусловно, прежде всего оно было частью чудовищной системы оболванивания людей. Но хоть и подлецы, но далеко не дураки работали на Старой площади. И подбирали они штаты в средствах массовой информации далеко не только по принципу политической благонадёжности, личной преданности и верности «идеалам коммунизма». Профессионализм – вот что стояло зачастую на первом месте. Да, трудно, практически невозможно было говорить с экрана правду, не прибегая к эзопову языку, но в то же время не было и не могло быть халтуры. За неё люди изгонялись с телевидения даже скорее, чем за смелость в высказываниях. Сегодня же те, кто не имел доступа на широкий экран, лишь по причине своей профнепригодности заполнили эфир огромным количеством дешёвки, пошлости, не скрывая при этом своих элементарных меркантильных интересов. А разве в кино, в театре, литературе сегодня положение лучше? И так будет до тех пор, пока в храме искусства – телевизионного, театрального, любого другого – будут хозяйничать торговцы.

Номенклатурный поворот

– Ты что же, против «рынка»?

– Конечно, нет. Я хочу зарабатывать много денег и могу это делать. Но я против денег ради денег. Этот принцип хорош для сферы торговли, а не журналистики.

– Итак, все проиграли из-за твоего ухода с телевидения. Но кто-то это организовал. Значит, кто-то от этого выиграл?

– Конечно – руководство сегодняшних телекомпаний. С моим уходом, да и не только с моим, меньше осталось тех, с кем нужно было спорить, портить из-за этого кровь, здоровье. А значит, жить стало лучше, жить стало веселее.

– Ты специально упрощаешь ситуацию? Неужели ты думаешь, что сегодня на телевидении страсти бушуют меньше, чем при тебе?

– Мне кажется, что страсти сегодняшние далеки от проблем повышения качества конкретных передач и создания новых. В нижних телеэтажах идёт борьба за рекламный рубль или доллар, в средних – бесконечное деление телевизионного железа и площадей между двумя сёстрами-близнецами – двумя российскими телекомпаниями. Ну а в верхних – борьба, старая как мир, борьба за кресло и за близость его к креслу сегодняшнего руководителя страны.

– Ты в «огоньковском» интервью очень тепло и уважительно отозвался о двоих людях. Тем не менее ваши дороги разошлись.

– Ты имеешь в виду Сагалаева и Лысенко? Да, это одно из самых тёмных для меня мест во всей этой давней истории изгнания меня с ЦТ. Если бы она не имела продолжения, то и говорить было бы не о чем. Впрочем, всё по порядку. Действительно, в 1978 году, когда я пришёл в «молодёжку», Лысенко работал редактором-консультантом, а Сагалаев – заместителем главного редактора. То есть первый в меньшей, а второй в большей степени взяли меня под свою опеку. Я относился к ним обоим одинаково почтительно, хотя и чувствовал, что между ними существует, правда не на людях, откровенная недоброжелательность. Анатолий Лысенко – грамотный, эрудированный журналист, был источником самой разнообразной информации для молодых журналистов, что, безусловно, помогало нам при подготовке передач избегать тайных и явных идеологических камней. То есть он действительно был консультантом. Но как человеку творческому, ему безусловно хотелось делать и какое-то своё дело. Но такого дела не было. А были отдельные редкие передачи либо сюжеты в чужих программах. Ну а когда он был назначен заместителем главного редактора, вообще стало не до творчества. Ему поручили курировать «Взгляд». И он вынужден был превратиться в эдакого мальчика для битья, на котором начальники разных уровней срывали свою злость, либо в телефонную барышню, через которую высшее телевизионное руководство передавало нам, тем, кто делал «Взгляд», свои «руководящие» указания. Ну а в свободное от этих дел время Лысенко наговаривал каждому из нас гадости про другого, считая, по-видимому, что принцип «разделяй и властвуй» – лучший и главный принцип руководителя.

Ну а с назначением его директором Российской телерадиокомпании я думаю, что надежды на то, что этот безусловно одарённый человек скажет наконец своё слово в тележурналистике и сможет реализовать себя, растаяли.

Что касается Эдуарда Михайловича Сагалаева, то, несмотря на тринадцать лет совместной работы и незначительную разницу в возрасте, я так и не смог перейти с ним на «ты». Настолько глубоко я уважал его как талантливого журналиста (вспомните хотя бы «Двенадцатый этаж», «Взгляд», «Семь дней») и как

прекрасного организатора телевизионного процесса. Редчайшее сочетание. И сколько бы мне ни наговаривал на него тот же Лысенко, я не слушал и слышать не хотел ничего плохого о своём идеале. И вот этот самый «идеал» вместе со своим «другом» Лысенко стал соавтором гнусного политического доноса на меня, который отправили в редакцию «Огонька». Там были настолько потрясены этим откровенным рецидивом 37-го, что категорически отказались его печатать. Правда, через несколько дней Сагалаев сам попросил снять его подпись с письма. Почему эти люди, тайно ненавидящие друг друга, вдруг объединились в столь неблагоприятном деле? Не знаю. Но думаю, что не только уязвлённое самолюбие Лысенко сыграло здесь главную роль. С ним всё ясно. А вот Сагалаев... Здесь всё сложнее. Перестроечные ветры выдули из цековских кабинетов, отделов пропаганды ЦК КПСС и ВЛКСМ тех, кто руководил идеологией. И заведомыми, инструктора и другая партноменклатура осели в редакциях газет, журналов, на телевидении. И стали медленно, но верно прибирать к рукам ту власть, которая стала выпадать из трясущихся рук старой партийной гвардии. Произошёл медленный, тихий переворот. Обладая прекрасной способностью к мимикрии, эти люди вскоре возглавили издания и передачи, обличавшие застой. А если учесть, что эти «новые» были не только молоды, но и бесконечно циничны, не только грамотны, но и хитры и беспринципны, то очень скоро практически вся официальная пресса и телевидение оказались в их руках. Кроме того, чтобы стать зав. отделом ЦК или зам. главного, а тем более главным редактором какой-либо редакции, в большинстве случаев надо было переступить порог Лубянки.

Поэтому, естественно, когда я в своём интервью не просто задел партийную номенклатуру, а высказал мнение о том, что руководство КПСС (и живое и мёртвое) необходимо судить, то я противопоставил себя системе, тем более что я раскрыл и попытки вербовки меня КГБ. Сагалаеву надо было выбирать. Либо открыто встать на мою сторону, а значит, естественно, стать врагом системы, либо, как сказал Александр Тихомиров, открыто «сдать» Мукусева. Сагалаев выбрал второе. Не только подписав на меня письмо в «Огонёк», но и заявив о моей отставке с должности директора Союза кабельного телевидения СССР. Что ж, чисто по-человечески понять его можно. Ведь у члена системы есть только два пути: либо с ней, а значит, постоянное повышение по службе, почёт и уважение, либо в окно или в петлю. Наивно думать, что та номенклатура, которая десятилетиями воспроизводила себе подобных, куда-то после августа 91-го вдруг исчезла, растворилась, дематериализовалась. Наоборот, особенно это чувствуется последнее время, она оправилась, консолидировалась и ведёт сейчас тонкую, умную работу по медленному возвращению себе того, что от них ушло, – власти, влияния и, как следствие, привилегий. И делается это при помощи структур бывшей Госбезопасности, которая прослушивает и записывает телефонные переговоры не только народных депутатов-демократов, но и правительства и руководства Верховного Совета. Этого не смог опровергнуть и сам министр Баранников на слушаниях в парламенте. Речь идёт о роли КГБ в августовских событиях. А мне сообщили, что на папках с расшифровками телефонных переговоров депутатов есть гриф «Хранить до 1995 года». То есть до тех пор, пока будет действовать наша депутатская неприкосновенность. Что будет дальше с нами, нетрудно догадаться. Впрочем, дело не в нас. Что будет со страной? Ведь если придёт бывшая партноменклатура к власти, то немедленно заснут по городам чёрные грузовики-«машки», застучат топоры на лесоповалах, загремят выстрелы, польётся кровь невинных, а на столы очередных хватов и абакумовых, в дела новых врагов народа, лягут и записи телефонных разговоров нынешних демократов. Дай Бог, чтобы всего этого не было! Но то, что происходит сегодня, и то, как Ельцин летит к своему Форосу, к сожалению, не даёт повода для оптимизма.

Очень прямая речь

Вот такое интервью не было опубликовано «Независимой» в 1992 году. А в качестве PS предлагаю несколько пассажей из рукописи самого Мукусева:

«Есть жестокая закономерность в том, что «Взгляд» остался только в легендах, а «Поле чудес» процветает до сих пор. «Взгляд» всецело принадлежит романтическому времени, по сути явившемуся антисоветской революцией. Вспоминая «Взгляд», мы вспоминаем прелесть исторической неизвестности, предвкушение никому неведомого будущего и эйфорию больших надежд...

Никакого желания дать журналистам большую свободу не было. К слову, свой первый серьёзный выговор я получил за то, что включил в программу песню Макаревича «Поворот». Меня очень строго спрашивали, какой такой поворот имеется в виду... Комментарии по поводу бурных перемен в нашей стране тогда велись только из-за рубежа. Назревала необходимость в объяснении происходящего внутри страны. Молодёжной редакции ТВ и было поручено организовать эфир для пропаганды идей перестройки – в качестве альтернативы версиям западных «вражеских» радиостанций».

* * *

«К «Взгляду» коллектив молодёжной редакции пришёл, будучи внутренним братством. Ещё никто не видел очередные новые сюжеты, а наш диспетчер, Валентина Ивановна Мартынова, уже заказывала нам аппаратную № 6, где стоял станок для резки видеоматериалов. Она понимала, что после сдачи мы будем вырезать то, что не пропустило начальство. Мы были единственной программой, у которой всегда имелись материалы, которые приходилось вырезать. И мы понимали, что настанет время людей, высказывания которых пока приходилось резать, хотя бы частично.

У всех четверых ведущих была престижная работа на Radio Moscow World Service. Они не знали, что такое цензура, потому что сами не создавали сюжеты. И для них перестроечные проблемы не имели того значения, какое они имели для нас. Они уже были перестроены и неплохо устроены. И не понимали, что именно надо так уж сильно менять в стране. А мы, кто реально делал сюжеты для «Взгляда», попытались совместить нашу боль за страну и за тогдашнюю рядовую молодёжь с ведущими, которые от такой молодёжи оставались довольно далеки. Они никуда не ездили по стране. Они ездили только за рубеж. И поэтому часто тональность их подачи сюжетов, сделанных другими, не совпадала с сутью самого материала... Нет, они были талантливыми ребятами. Но это не убирало противоречия между их жизненными позициями и российской реальностью».

* * *

«Нам тогда почти никто ничего в открытую не запрещал. После передачи – да. Нас могли вызвать на Старую площадь, довести чуть ли не до инфаркта, там это умели делать. Но до выхода в эфир из готовой передачи просто вырезались сюжеты, а мы их вставляли в следующую. В итоге выходило практически всё. Раиса Максимовна рассказывала мне, как смотрел «Взгляд» Горбачёв. Он ненавидел меня, у него кровью наливалось лицо, он швырялся тапочками в телевизор. Горбачёв мог одним звонком запретить нас, но не делал этого. Почему? Потому что понимал, что для реализации огромных задач по реформированию страны нужно сильное телевидение, сильные СМИ».

* * *

«В течение многих лет работая в молодёжной редакции бывшего ЦТ и трёх лет – депутатом Верховного Совета, я имел возможность получать огромное количество информации не только от своих газетных и телевизионных коллег, но и из источников практически во всех властных структурах. Кроме того, так уж случилось, что всё это время я занимался конкретным жанром журналистики – расследованием, в том числе во многих «горячих точках», и не только на территории бывшего СССР. Считаю, что это позволяет мне выстроить собственную версию убийства Влада. Но я так далёк от того, чтобы считать это истиной в последней инстанции... Скажу больше – я буду счастлив, если узнаю, что правда об убийстве Влада ничего общего не имеет с тем, что думал об этом я...

К концу четвёртого года существования «Взгляда» ребята, в том числе и Влад, начали зарабатывать на программе деньги. Появились заказные сюжеты, рубрики, даже фирмы, которые от имени «Взгляда» что-то продавали и покупали. Но это было только начало. В 90-м году «Взгляд» закрыли, а я был вынужден уйти с Центрального телевидения. Но при этом я оставался депутатом Верховного Совета Российской Федерации. И в конце 92-го года Комитет по СМИ попросил меня как телевизионного профессионала, прошедшего путь от младшего редактора до главного выпускающего программ, сделать экспертную оценку документов КРУ Минфина по проверке «Останкино». Там было зафиксировано то, что с точки зрения Минфина являлось нарушением.

Самое страшное: в этих документах я обнаружил несколько страниц, посвящённых деятельности ТО «Эксперимент» (бывшей молодёжной редакции ЦТ). И это был приговор. Возьмём, для примера, программу «Поле чудес» и условные деньги. Фактически передача стоила пусть тысячу рублей. Коммерческая организация «ВИД» заключала договор с государственной организацией «Эксперимент» о производстве «Поля чудес» не на тысячу рублей, а на сто тысяч. Мало того, на эту тысячу рублей снималась не одна, а четыре передачи: государственные средства разворовывались в фантастических масштабах. По тому Уголовному кодексу при необходимых доказательствах наказание могло бы быть очень суровым, вплоть до высшей меры.

Но ещё более жуткие вещи я узнал в «Останкино» от своих бывших коллег. Оказывается, полный финансовый беспредел творился прежде всего в получении рекламных денег. Одна минута в прайм-тайм стоила тогда примерно 40 000 долларов. Но чтобы вставить эту рекламу в конкретное «Поле чудес», рекламодателю нужно было заплатить ещё столько же производителю в карман. То есть существовал своеобразный конкурс рекламы. По мнению работников «Эксперимента», доходы от этой «замечательной» коммерческой деятельности составляли около 200 000 долларов за одну передачу...

В то время мне был предложен пост гендиректора «Останкино». Моим условием было: немедленная передача всех этих документов в Генпрокуратуру. Этого не произошло, я отказался от «Останкино», а документы якобы сгорели в Белом доме в октябре 93-го.

Как человек, которого Влад сам как бы выбрал себе учителем, я могу сказать, что Листьев не состоялся как журналист. Может быть, и к лучшему. Потому что журналистов много, и есть даже институты, в которых их обучают. А для шоуменов, ведущих телепрограмм у нас нет учебных программ, этот талант либо есть в человеке, либо нет. Влад был шоуменом от Бога. Я говорю об этом не ради добрых слов – убийцы совершенно точно рассчитали реакцию общества и нас, журналистов, на убийство Влада – глубокий шок. Если бы в течение первых сорока дней какой-нибудь чиновник правоохранительных органов или властных структур только бы заикнулся, что убили не журналиста Листьева, а Листьева-коммерсанта, думаю, своего кресла он лишился бы немедленно.

Именно шок не позволил и нам, журналистам, на передаче памяти Влада, которая прошла в «Останкино» сразу после убийства, задать главный вопрос и себе, и всей стране: кому выгодно?

У меня есть основания полагать, что этот вопрос вопреки тому, что думали заказчики убийства, всё-

таки возник сразу у первого следователя Бориса Уварова. Он сразу же заинтересовался финансовой деятельностью «ВИДа», и Листьева в первую очередь. Через три месяца мы встретились с ним в его кабинете. Разговор вёлся без протокола, часов шесть, и если поначалу это были его вопросы – мои ответы, то потом Уваров начал выстраивать определённые версии. Одна из них потрясла меня: заказчики убийства – в ближайшем окружении Влада. К сожалению. Уваров дал интервью на эту тему какой-то местной газете, что, вероятно, и стало причиной его отстранения от дела. А само дело было моментально после этого развалено.

Глава 7. ЛИСТЬЕВ. ЭПИЗОД ЧЕТВЁРТЫЙ

Заговор коллег

Итак, напоминаю: где-то за четыре с половиной года до тех роковых выстрелов 1 марта 1995 года на тесной кухоньке одного из ведущих «Взгляда» обсуждалось – как «убить Листа». Сам слышал. Был равнодушным свидетелем, хотя формально участником вялой дискуссии. Не мой это был праздник, полюбому. Мне в тот вечер хотелось бы двинуть куда-нибудь, где девки, выпивка, веселье да кураж. О судьбах державы и отечественной (тогда ещё советской) «медийки» по сотовому круту тереть с приятелями было скучновато.

Имён двух своих собеседников, естественно, не назову. И вовсе не потому, что оба при постах вельможных, а по той простой – как Колумбово яйцо – причине, что им по жизни обязан, по-своему их люблю и почитаю. И бог весть, как им такое упоминание придётся. Да и никаких штрихов это к повествованию не прибавит, портрет эпохи не скорректирует, и, самое главное, был (не только в отношении Листьева) на тот момент с друзьями солидарен стопроцентно.

Разговор же вёлся о том, чтобы выстроить некую комбинацию, которая позволила бы однозначно сманипулировать Лысым, вынудив последнего навесить на Влада исключительно несерьёзную телеразвлекуху. Всякие «поля чудес». В презумпции того, что настоящая крутая журналистика = исключительно политическая. Тогда, осенью 1990 года, этот тезис сомнениям не подвергался. Это казалось величественной – словно негорелая Останкинская башня – константой телебытия. Короче, все мы, как позже выяснилось, проявили близорукость + тотальную маркетинговую безграмотность.

Но! Манипуляция удалась. И Листьев был решением начальства «прикончен». Прикончен как политобозреватель: ему была отведена роль «клоуна», придушенного официанткой «бабочкой», в несерьёзном «Поле чудес».

М-да. Все мы помним, что из этого вышло. Листьевская программа стала бесспорным чемпионом рейтингов, и рекордные рекламные сборы этого проекта скоро превратили «Поле» в финансового донора. Донора вполне добротных & достойных передач. Передач, утративших, тем не менее, актуальность и бойцовский флёр, – «ПолитБюро» Александра Политковского и «Красный квадрат» Александра Любимова & Андраника Миграняна. А ведь грезилось, что именно эти два проекта станут флагманскими в линейке компании «ВИД» («Взгляд» и другие).

Листьев доказал всем, что он действительно феноменальный шоумен. Суперпрофи, великолепно чувствующий формат. И, оказавшись как бы за периметром «подлинной журналистики», Влад революционизировал постперестроечное ТВ, сумев сделать передачу, которая и сейчас «живее всех живых». И ровно через год после запуска (1 ноября 1991 г.) он легко отдал бразды ведущего капитал-шоу Леониду Якубовичу, хотя, казалось бы, мог сам беспечно купаться в лучах всесоюзной славы.

Словом, удивил. Прежде всего коллег по телекомпании «ВИД».

Замечу, что обвинения в заговорах вовсе не редкость в ТВ-среде. Тот же Лысый рассказывал:

– Я даже в суд подавал на Лисовского. Меня обвиняли в том, что я хотел убить Мишу Лесина. Меня следователь допрашивал: «Вы же хотели избить Лесина?» У них была прослушка моей беседы с лесинским партнёром Юрой Заполем, которому я признался: мол, видел Лесина и, кроме желания долго бить ногами, ничего не испытал. А что я в виду-то имел? Миша, подлец, приехал из санатория, выправил сломанный боксёрский нос, загорел, похудел. Когда я его, красавца такого, увидел, подумал: «Удавил бы». А в

перехвате телефонных переговоров это выглядело как желание покуситься на министра печати.

Насколько помню, тогда говорили, что слив этой прослушки организовал именно Сергей Лисовский.

Глава 8. ПРОЕКТ. ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

Человек в кепке

В 1990 году трое ведущих «Взгляда» стали депутатами Верховного Совета. Александр Политковский шёл по округу № 1. И удостоверение у него, кстати, было № 1. Как он сам любит поиронизировать по этому поводу: «У нас в истории уже был человек в кепке с партбилетом номер один». Впрочем, на тех выборах победили не журналисты персонально. Принято утверждать, что победила передача. Тоже номер один. Теперь такой нет.

Будучи несколько причастным к мегапроекту молодёжной редакции Гостелерадио СССР, я, конечно, не могу не быть пристрастным. Но полагаю, что никто (из журналистов, во всяком случае) на деструкцию страны ставку тогда всё же не делал. Во всяком случае, не Александр Политковский. А для меня именно он, репортёр № 1, всегда персонифицировал программу. И её стягом была знаменитая Сашина кепка. Когда «свободный форвард» передачи появился в студии в качестве ведущего, «Взгляд» сделал премьерный рывок на пути к легенде. Ну и стал мифологизироваться темпами ударными, обрастая сказками и бронируясь трактовками.

Политковский «занимается не политикой, не экономикой, не социальными проблемами, а «чистой» журналистикой: выкапывает удивительные сюжеты и доносит их до зрителя. Правда, и в «чистой» журналистике никуда не уйти от политики, экономики и социальных вопросов, но они возникают попутно, как естественное приложение к выбранной теме, – а у Политковского они возникали бы, даже веди он программу «Смак»... Седой юноша, неистовый правдоискатель со взглядом обиженного ребёнка, страстно обличающий всё подряд» – таков приговор критиков.

– В начале 90-х ты депутатствовал. Вы с Владимиром Мукусевым пошли в Комиссию по правам человека Сергея Ковалёва и добились закрытия Пермской политзоны. Какой перед тобой тогда предстала элита страны?

– Помню, во время учёбы на Моховой (факультет журналистики МГУ. – Е. Д.), смотрел на соседний Кремль и думал, что там способные, интересные люди. Но, попав в кулуары, не без разочарования понял, что за кремлёвскими стенами люди, как правило, недалёкие. Нормальный человек во власть не рвётся. Согласись, трудно представить, чтобы кортеж академика Андрея Сахарова рассекал по Москве и все проспекты в его честь были перекрыты.

– В достаточно беспечном ЖЖ Стиллавина я как-то споткнулся о комментарий, из которого следовало, что многие мои современники считают, что именно ТВ-шоу «Взгляд» процентов на 75 разрушило империю советского добра.

– Держава на месте, но самое печальное, что мы наблюдаем реставрацию того, от чего пытались избавиться. Рабские гены неистребимы, похоже. Свобода так и осталась мечтой.

– Позднее ведущие «Взгляда» вместе с экс-режиссёром программы Иваном Демидовым и директором Александром Горожанкиным учредили компанию «Взгляд и другие» («ВИД»). Компания стала основным партнёром Первого канала...

– ...И затем, после того как расстреляли Влада, Саша Любимов всех акционеров слил. Собрал нас, сказал: «У нас проблемы с Первым, мы должны продать свои доли». Переговорщиком с представителями канала назначили Ваню Демидова. Я упёрся. Саша Горожанкин тоже вроде как сопротивлялся. Но недолго. Со мной встречался Андрей Разбаш, уговаривал меня отдать акции. Всё было очень запутано. Там тёмные

истории были с кредитами, которых понабрал Влад. Кто, кому и сколько должен – было не понять. И произошло то, что произошло. Тогда как раз и формировалась эта новая система телевизионных взаимоотношений, с бесконечными откатами, с воровством бесконечным, и эта нынешняя система – для меня неприемлема.

Бизнес любых соратников и друзей превращает в бизнес-партнёров. Ну а я выбрал путь творческой свободы. Это принципиально, потому что сейчас, оставаясь свободным, работать в политической журналистике невозможно. Но для меня важно оставаться самим собой, а нынешнее телевидение – это гадюшник, и рулят этим гадюшником коллеги, которые когда-то браво «воевали» с номенклатурными советскими ТВ-боссами – Лапиным и Кравченко. А сами?

Работая во «Взгляде», мы были уверены, что журналистика – это творчество, а не инструмент извлечения прибыли. Уверен, что тех, кто руководит нынешним коррумпированным телевидением, ждут серьёзные неприятности, потому что на самом деле не всё в этом мире дозволено. Подразумеваю логику жизни, которая людям неподвластна. Где недавние медиаолигархи? Владимир Гусинскими? Борис Березовский?

– Помню триумфальное восхождение Березовского в сопровождении тогдашнего ТВ-начальника Андрея Васильева (Васи) на сцену концертной студии «Останкино» во время церемонии, посвящённой 10-летию «Взгляда» в 1997 году. А на памятной церемонии «ТЭФИ» 2007 года, где чествовали «Взгляд» под слоганом «20 лет спустя», тебя не было. Как и родителей»передачи – Анатолия Малкина и Киры Прошутинской.

– Там, увы, многих не было. Не было Игоря Иванова, Гали Ивкиной, Сергея Ломакина, Анатолия Лысенко, Володи Мукусева, Лены Саркисян, Андрея Шпилова. Не было тех, кто делал эту передачу. Их никто не звал.

– Владимир Познер, когда на него обрушились возмущённые газетчики, отмазывался: мол Саша Любимов составлял список...

– Он прекрасно знал, кто что делал, и пускай это останется на его совести. Самое интересное, кому он это заявление адресовал? Пусть они друг друга удовлетворяют, друг друга награждают.

– Ну, вообще говоря, я могу понять, почему не позвали Владимира Мукусева. В своей книге он обвинил бывших коллег в убийстве Листьева. Ты был партнёром и другом Володи и, как понимаю, единственный из экс-коллег поддерживаешь с ним отношения?

– Я ценю талант Мукуся. Только Володе мог мальчик спеть про «Прекрасное далёко». Предполагаю, что независимо от всех конфликтов, которые существуют, Саше Политковскому или Владу Листьеву тот мальчик не спел бы. Да, в телевизионном ремесле очень важно быть человеком, которому доверяют. Которому споют. А сейчас, пожалуй, уже никому не споют. Время другое. «Взгляд» – продукт одноразового использования... Этот бренд себя изжил.

– Твоё интервью омской газете через неделю после убийства Анны (Анны Политковской. – Е. Д.): «Меня после смерти Влада Листьева стали постепенно выживать. Я не мог идти на компромиссы. Если я делал что-то безобидное, о кинопутешествиях – всё было нормально. А если что-то серьёзное – появлялись сложности. Я стал замыкаться в себе. Потом понял: чтобы хорошо заснуть, нужно употребить пиво. Ну, стал иногда выпивать. Естественно, Анна высказывала мне претензии. В новое коммерческое телевидение я уже не вписывался, это усугубляло моё эмоциональное состояние. Когда делать нечего, возникают сомнительные друзья по пивбару». Меня не было в стране во время октябрьских событий 1993 года, и поэтому я не видел ваше с Любимовым знаменитое выступление в ночь с 3 на 4 октября, когда вы призывали зрителей сидеть по домам. Говорят, оба были сильно во

хмелю.

– Нет, не оба. Я просто был простужен. Знаю, что про меня распускают разные слухи. На самом деле во времена «Взгляда» мы все выпивали. Я и сейчас легко и без последствий могу себе позволить, но могу и обходиться без алкоголя в течение нескольких месяцев. Во время разъездов по стране попадаю в разные ситуации. Когда на Сахалине полмесяца ждал самолёта на Курилы, ежедневно разогревался в баньке, но так ведь там сам Бог велел. Но вот, например, на съёмках фильма «Корабль ещё плыл» бросил курить, после того как мы застряли во льдах и табак закончился.

А что касается скандала 1993 года, мы с Любимовым просто пытались сделать всё возможное, чтобы предотвратить стрельбу, я приезжал в Белый дом и уговаривал засевших там вступить в переговоры. И *post factum*, когда оппозиция уже была в Лефортове, в эфире Первого канала прошло интервью опального вице-президента Александра Руцкого, в котором он назвал моё «Политбюро» единственной честной программой. И Горбачёв, который был у меня в студии, отвёл меня в сторонку и тихо так сказал: «Саша, это приговор. Ельцин этого не простит. Поверьте, больше в прямом эфире вы никогда работать не будете, и передаче вашей пришёл конец». И он оказался прав.

Аритмия гласности

На рубеже 80 – 90-х престиж журналистского ремесла был «залитован» становлением репортёрского парламентаризма: весной 1990 года пятеро газетчиков и трое знаменитых ведущих программы «Взгляд» (Любимов, Мукусев, Политковский) стали депутатами Верховного Совета РСФСР. Влад Листьев напился и попросту не явился на ключевое собрание, только поэтому и не стал депутатом. Сергей Ломакин, формальный руководитель этой культовой программы, тоже был одним из ведущих передачи, но в депутаты не пошёл.

– Сергей, а тебе тогда, в 1990-м, в голову не приходило податься во власть?

– Мне предлагали, естественно. Как и нам всем. Но я отказался. К сожалению. Мне казалось, что эфирная работа полезнее. Я недооценил депутатский потенциал – наивный был. Позднее Егор предлагал, через «Демвыбор». Но я уже сломлен был отношением власти ко мне в начале 90-х.

– Вы с Гайдаром познакомились в эпоху «Взгляда»?

– Мы с Егором вместе учились. На одном факультете (экономический МГУ. – Е. Д.). Знали друг друга, но контакт начал складываться после 1993 года. Он ведь тоже был одинок. Как и все в команде Ельцина – союз настороженных одиночек... Тогда Алексей Головков с помощью Бурбулиса сумел убедить Ельцина привлечь «младореформаторов». И расклад был такой: «Пустим их, пусть они обосрут». Ельцину нужен был быстрый результат: перевернуть страну, сломать «совок» любой ценой. Но разве можно за год-два изменить менталитет народа? Свердловская команда Ельцина – люди с определёнными, так скажем, взглядами, а младореформаторы были революционерами, но никогда – ни-ког-да – не были демократами. Так что не очень я во всю эту историю верил, а потому и желания участвовать в выборах не испытывал никогда.

– Но выборы ведь были «взглядовской» темой...

– Естественно. Помню, в 1989 году готовились выборы в народные депутаты СССР, и по московскому избирательному округу был выдвинут Борис Ельцин. Его соперником был Евгений Браков, тогдашний директор ЗИЛа. Власть была, само собой, на стороне Бракова: Ельцин был на тот момент в жёсткой оппозиции. Как и принято, на московском телеканале прошли теледебаты, и расклад был явно несимметричным: Бракову зрители задавали вопросы «с подачей», а его оппоненту достаточно неприятные. На следующий день мне позвонил шеф ельцинского штаба Михаил Полторанин и попросил подъехать. Я знал его и раньше как главного редактора «Московской правды» (в 1987 – 1991 гг. – секретарь правления Союза журналистов СССР, 1990 – 1992 гг. – министр печати и информации Российской Федерации, с 1992 г. – одновременно заместитель Председателя Правительства Российской Федерации. – Е. Д.). Не как человека из окружения Ельцина, а как смелого редактора. И неординарно мыслящего журналиста, публикующего бунтарские материалы. И Полторанин ознакомил меня с документами, которые тянули на сенсацию: людей, задававших каверзные вопросы Борис Николаичу, в природе не существовало. Во всяком случае, по заявленным координатам: среди адресов не было ни одного реального – всё сплошь прачечные, булочные, химчистки. Так себе эти ребята подготовились. Полторанин объездил все эти адреса, всё это засняли на камеру. Скандал, короче. Ну мы и решили пригласить его в студию «Взгляда». Он честно предупредил: «Учтите, это может довольно печально, особенно для тебя, Серёжа, кончиться. Потому что ты – штатный работник ЦТ».

Программа, как помнишь, делалась в двух вариантах. Сперва днём в пятницу шёл прямой эфир на Дальний Восток (в Москве это было обеденное время, а там – полночь). Потом чукотский вариант эфирили в других часовых поясах (на Сибирь и Урал). А вечером все снова собирались в студии и делали московский

выпуск, как правило ударный. Так вот, на «Орбиту» мы мирно поговорили с Полтораниным про демократию, бла-бла-бла, а вот на Москву отыграли всю историю с подставными звонками в полный рост. В субботу утром на парковке «Останкино» было зарегистрировано рекордное число «членовозов», чёрных бронированных лимузинов, возивших членов ЦК КПСС. Члены Политбюро слетались на спецпросмотр нашего выпуска в кабинете ТВ-руководства, а возглавляли тогда «Останкино» Председатель Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию Александр Аксёнов (сменивший Тихона Киселёва) и его первый зам Владимир Попов. Приехали в тот день Лев Зайков, Николай Слюньков и Вадим Медведев (как секретарь по идеологии).

И программа, которую мы вели тогда с Артёмом Боровиком, была названа антисоветской: «Ярко выраженная антисоветская программа, сделанная в провокационном стиле». Тогда казалось, что это финал карьеры. По итогам разборок созвали останкинское партбюро. Со свойственной ему самоиронией наш шеф Анатолий Григорьевич Лысенко, отправляясь туда, сказал: «Ну что ж, пи...ц жидёнку... меня, наверное, выгонят...»

Но как-то обошлось. Хотя свой первый инсульт он тогда и заработал. А в воскресенье по всей стране прошли манифестации в поддержку Ельцина. И в понедельник мне было сказано, что я отстраняюсь на три месяца от эфира и дело моё выносится на объединённое заседание коллегии парткома. В эфире я появился лишь через четыре месяца: французская телекомпания «АТ-2» обратилась с предложением записать в студии «Взгляд» программу из Москвы в прямом эфире. Синдром абсолютного наива.

– Насколько помню, ты дважды брал интервью у Ельцина.

– Один раз – ещё когда работал во «Взгляде», и это интервью запретили, оно не пошло в эфир.

– Приведу цитату: «Телевизионный цензор, впрочем, был не только внутренним – даже уже в более свободные годы расцвета перестройки. В 1988 году журнал «Огонёк» опубликовал статью кинорежиссёра Эльдара Рязанова «Почему в годы гласности я ушёл с телевидения». Рязанов жаловался на то, что из его документального фильма о Владимире Высоцком без объяснения причин вырезали стихотворение «Мой чёрный человек в костюме сером». О цензуре вспоминает и Лысенко: «Когда начальство вмешивалось и просило снять какой-нибудь сюжет, который уже вышел на «Орбиту», мы иногда соглашались, а сами в выпуске для европейской части страны ставили новый сюжет, ещё более скандальный с точки зрения начальства. Это была очень хитрая борьба, со своей специфической стратегией и тактикой». Одной из жертв этой борьбы весной 1988 года стал и Александр Любимов – после публикации статьи Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами» в Политбюро обострилась борьба между секретарями ЦК КПСС Александром Яковлевым и Егором Лигачёвым, и во «Взгляде» поменяли ведущих: вместо Любимова – Листьева - Захарова программу стали вести Мукусев и Ломакин, выглядевшие более умеренными». Это, к слову, о цензуре и трактовке. Ну а второе интервью с Ельциным?

– А второй опыт (на этот раз в режиме прямой трансляции) оказался весьма неудачным для моей профессиональной судьбы. В 1991 году я ему уже как Председателю Верховного Совета РСФСР задавал по-«взглядовски» жёсткие вопросы, и он был явно не в восторге и на многие не смог ответить. Так я оказался в «чёрном» списке. Ведь всегда кто-то должен быть в «чёрном» списке, а кто-то – в «розовом». У нас в стране по-другому быть не может...

Борис Николаевич всем интервьюерам потом твердил, что вот, мол, Серёжа Медведев правильные вопросы задаёт, «а вот у вас есть другой Серёжа, так он плохо, очень плохо интервью берёт». Я работал потом во «Времени» диктором в паре с Галей Зименковой. И с Татьяной Веденеевой, и с Еленой Коваленко. Поразительно, какими сосредоточенными и серьёзными девчонки были до эфира и какими весёлыми становились после. Мы так хохотали... Но после того, как я был провозглашён «врагом

демократии», мне было не до смеха.

Вскоре после августовского путча меня стали планомерно «сливать» из всех редакций. Доходило до смешного: как придёт новый начальник – первым делом меня увольняет. На самом деле в СССР, при Горбачёве, свободы на ТВ было больше...

- Да, я помню, что когда я сам сел в кресло ведущего, меня больше всего поразило именно отсутствие явного контроля. Это было головокружительно. Ведь даже в профсреде ходили нелепые слухи о том, что эфир как бы не вполне прямой и идёт с задержкой в какие-то там две минуты, а кабели якобы проложены на Лубянку и Старую площадь.

-Ну, «Взгляд» в конце концов и закрыли... И нас всё время пытались направлять, но свобода слова просто обрушилась на нас в период гласности, и какой-то там совсем свирепой цензуры не было. К тому же уже эфирились «Прожектор перестройки» и молчановская «До и после полуночи».

- Но Владимир Молчанов выходил раз в месяц, а не еженедельно, и там никогда не было настолько жёстких заяв, как во «Взгляде».

- Нам повезло. Удачей для нас было само время – нахрапистое такое.

- Кроме того, «Взгляд» эксплуатировал закономерный интерес публики к социальному року...

- ...И показал массовой публике лучшие команды: «ДДТ», «Наутилус Помпилиус», «Кино». Это была настоящая гражданская поэзия, и мы пробили этой музыкой брешь в цензурной стене. Параллельно с нами и с нашей помощью на музыкальные площадки страны прорывались подпольные музыканты. На так называемой «большой» планёрке в «Останкино» один из музыкальных редакторов однажды сказал: «Огромное спасибо «Взгляду» за то, что он открыл стране советский рок». Бутусов, Цой, Шевчук – это литература неравнодушных людей. Именно литература, просто текстами это не назову. И их помнят и слушают по сию пору. Будет ли кого-нибудь через 20 лет интересоваться сегодняшняя эстрада? Сомневаюсь. Тогда музыка делала революцию...

- Но не только этим силён был «Взгляд».

- Ну да, мы первыми подняли вопрос о наших военнопленных в Афганистане. Помню, Саша Бархатов поехал в Пакистан и показал крупным планом этих ребят, еле передвигающих ноги. Программа «Время» этот сюжет не дала, а «Взгляд» дал. Мы же занимались афганскими инвалидами.

«Взгляд» также открыл тему безопасности атомных электростанций. Начальство болезненно отреагировало на наш репортаж про строящуюся Воронежскую АЭС: ещё про Чернобыль не забыли... Помню, мы проникали через все кордоны. Запредельными, партизанскими, недоступными способами. Залезли в воронку-фундамент атомного реактора, показали, как всё это выглядит, пальцами крошили бракованный бетон. После эфира в Воронеже начались демонстрации.

Именно в моём эфире режиссёр Ленкома Марк Захаров впервые сказал о необходимости захоронения Владимира Ильича Ленина. Грандиозный был скандал. Было.

-Да. Позволю себе мегацитату: «Формальным поводом для отставки председателя Гостелерадио СССР Александра Аксёнова стало выступление режиссёра Марка Захарова во «Взгляде» – Захаров призывал похоронить Ленина, а эта тема по меркам 1989 года ещё считалась табуированной. На место Аксёнова пришёл Михаил Ненашев, который в конце семидесятых был главным редактором газеты «Советская Россия» и пользовался уважением фрондирующей интеллигенции. Ненашев говорит, что «пришёл не подавлять, а в какой-то мере унять телевидение», но это ему уже не удалось. По мнению Ненашева, всеми переменами, которые произошли в конце восьмидесятых, страна обязана именно телевидению: «Получилось так, что коммунистическая партия перестала быть партией

политической. Она стала административным органом и утратила многие свои политические качества. И телевидение во многом заменило партию, прежде всего в её политической работе. Партия не смогла объяснить ни одной из существовавших тогда проблем, и эту роль пришлось брать на себя телевидению».

– Да, мы поднимали темы, которые становились катализаторами общественной мысли. Но мы не думали о разрушении системы. Мы просто хотели, чтобы люди знали, что происходит. Это была неповторимая эпоха публицистической романтики. Эпоха прорывов. А вот с менталитетом сегодняшних молодых людей такой прорыв вряд ли осуществим. Ну не получилось бы сделать такую «революционную» программу. Не попёрло бы... Особенно с ведущими в районе тридцати. Нет. Мы были воспитаны советской системой – альтруистами, не знавшими тему денег. Для меня «Взгляд» был периодом бешеного конвейера в контексте абсолютной бескорыстности. Идиотский наив.

Возглавлял молодёжную редакцию Гостелерадио СССР Эдуард Сагалаев. Потом его сменил Александр Пономарёв. А собственно программой руководил Анатолий Лысенко. Я же, возглавляя отдел, был просто его заместителем. В обойме у нас было трое выпускающих, и каждый из этих редакторов готовил «свой» выпуск. А власть нас действительно не любила, и дискуссии с ней не получалось. Не ходили они к нам, боялись прямого эфира. Один раз всего Горбачёв пришёл в студию. Но не в эфир. Так, «на экскурсию». Произнёс ряд дежурных фраз. «Нужна мера», то да сё. А Сагалаев, который был «экскурсоводом» в тот день, вскоре после горбачёвского визита пошёл на повышение, возглавив информационное вещание.

– «Взгляд» был закрыт в конце 1990-го. И вышел в эфир 23 августа следующего года. Это был спецвыпуск программы, посвящённый августовскому путчу. А через два дня в последнем выпуске «Взгляда» Горбачёв передал в эфир кассету с обращением к советскому народу, сделанным на даче в Форосе, где он находился в изоляции... «Смешно, не правда ли, смешно» (© Высоцкий). Да... Из трёх упомянутых тобой выпускающих самым сильным был Владимир Мукусов?

– Так случилось, что Володя Мукусов сразу после назначения выпускающим редактором отбыл в командировку, в Афганистан. И увидели мы его только через два-три месяца. Хотя впрягся он сразу. Но весь нервный период «закладки фундамента» прошёл без него.

– Как ТВ началось для тебя персонально?

– Ну, на телевидение меня привёл буквально за руку сосед по лестничной клетке Андрей Меньшиков (звезда КВН. – Е. Д.). Вся молодёжная редакция работала в то время на эпопею «Наша биография» к 60-летию Октябрьской революции. За что потом очень многие получили Государственные премии СССР, в том числе те же Эдуард Сагалаев и Толя Лысенко. Но «молодёжка» делала тогда и программу «Адреса молодых», весьма по тем временам прогрессивную, хотя и без призывов «Долой советскую власть!».

А «Взглядом» в 1987 году заниматься мне предложил Сагалаев: мы с ним знакомы были ещё с 1977 года. Тогда, когда я после Агентства печати «Новости» пришёл работать в молодёжную редакцию Центрального телевидения.

– А в АПН-то ты как попал? Это ведь такая организация была, аффилированная с КГБ СССР.

– Меня туда – в редакцию Ближнего Востока и Африки – пристроил приятель моего отца.

– Отец – как и у Саши Любимова – работал в Комитете Глубокого Бурения?

– Мой отец – писатель Леонид Дмитриевич Платов.

– Не знал! Это ведь ярчайший представитель фантастики «ближнего прицела». Помню его диологию «Архипелаг исчезающих островов» и «Страна Семи Трав», в которых описаны экспедиции

Ветлугина на Крайний Север в поисках неведомой земли. И фильм «Секретный фарватер» по его роману помню... А почему ты – Ломакин, а не Платов, отец жив?

– Умер 26 ноября 1979 года. А Платов – литературный псевдоним писателя Ломакина. Но вернёмся к нашим баранам. *Revenons nos moutons* – как говорят французы. Конец семидесятых – брежневский «застой». В АПН делались нелепые материалы, воспевающие советские инициативы. Эти материалы пристраивались в разных зарубежных СМИ. Преимущественно арабских и африканских стран. Иногда и во влиятельных западных газетах, но только в блоке с редакционными материалами, которые сводили на нет весь пропагандистский эффект нашей работы. В АПН просто «высиживали» возможность перевестись в какое-нибудь заграничное бюро агентства.

А Андрей Меньшиков позднее нашёл себя, и я считаю, идеально нашёл, в форме игровых телевизионных программ. То, что у нас делал Листьев в начале 90-х, – это лишь совдеповский вариант полностью слизанной игры («Поле чудес»), такие шоу готовились в то время на американских и европейских студиях. Меньшиков же делал другие игровые передачи, такие, как «Салют, фестиваль!» (в них участвовали Андрей Кнышев, Володя Мукусев и ещё несколько ребят, очень талантливых, способных), – по тем временам это было действительно безумно интересно.

– Но известен ты стал не как соратник Меньшикова, а как журналист, входящий к президентам.

– Может быть, я и вошёл в команду «кремлёвских репортёров», но официально мне об этом никто никогда не говорил. Горбачёв шёл часто на интервью со мной и ещё с несколькими моими телевизионными коллегами. Поэтому я не могу сказать, что я был единственным человеком, который работал с Горбачёвым. Нет, конечно. Ещё несколько человек, которые ездили вместе с ним в поездки за рубеж и по стране, были тоже знакомы ему. Он узнавал их в толпе.

– Однако ты был самым импозантным из них. И было очень неожиданно, что ты, запомнившийся основной массе зрителей как ведущий «Взгляда» (передачи, которая всегда была в оппозиции), стал близок Горбачёву. Запомнился именно Ломакин. Тем более что у тебя красный галстук, такой же, как у Михаила Сергеевича.

– Это не значит, что мы оба с ним закончили Гарвардский университет. Кстати, Ельцин во многом копировал горбачёвскую манеру общения со средствами массовой информации. Одно из главных достижений Горбачёва – его умение работать с прессой. Вот он разговаривал с людьми на улице и, казалось бы, весь занят беседой, но вдруг видел телекамеру и активно и сразу реагировал на неё. Он всегда видел, где она находится. И пытался развернуть своего собеседника лицом на эту камеру. Он очень хорошо чувствовал, где удобно репортёру подойти с микрофоном. В этом была, конечно, какая-то прелесть, потому что не надо было подбегать к начальнику его личной охраны и говорить: «Я бы хотел взять интервью у президента, где это можно сделать?» Он сам это чувствовал. Вероятно, по каким-то движениям. Не потому, что мы кричали: «Михаил Сергеевич, ответьте на вопрос». Он сам подходил к репортёру. Бывало так, что мы стиснуты людьми в толпе и двинуться невозможно. Он сам шёл к нам. При этом он мог великолепно уходить от вопросов, на которые не хотел отвечать. Улыбнётся, начнёт говорить и ровно через пять секунд уходит мыслью совершенно в другую тему. Сделать невозможно ничего, я пробовал пару раз сказать: «Михаил Сергеевич, я очень рад, но мой вопрос относится к другой сфере». – «Да-да, я понимаю, Серёжа». И продолжал говорить то, что хотел. Причём делал это с улыбкой. И «схватить его за руку» было невозможно. И ты был в не очень ловкой ситуации. Получал то, что хотел сказать президент.

Я, например, считаю, что это величайшее достижение. В политике. Уметь уйти от вопроса, который невыгоден. При этом он всегда хорошо реагировал на короткие и резкие вопросы, бьющие иногда ниже пояса. Один из примеров. Когда он был в Канаде и в это время как раз произошло избрание Ельцина, ему

задали вопрос около трапа самолёта: «Поздравите ли вы Ельцина с избранием?» И, если не ошибаюсь, это был вопрос, который не был ему приятен. Но Горбачёв нашёл в себе силы, ответил буквально одной фразой. Смысл примерно такой: если он избран, то он достоин того, чтобы его избрали. Хотя по выражению лица было видно, что это ему не очень приятно.

Думаю, никому из журналистов не приходило в голову упрекать команду Горбачёва в том, что они проводят определённую кампанию в средствах массовой информации по созданию имиджа. Горбачёв создавал свой имидж сам. Он такой, какой есть. Имидж Горбачёва не подкрашивали, не лакировали, не создавали из него некую куклу. Его команда не задавалась этой целью. Это тоже объяснимо, ибо Горбачёв был ослепителен после Брежнева и Черненко. Величайший выход Горбачёва к средствам массовой информации (а значит, к общественному мнению) открыто – это уже был шаг, невероятный для предшественников.

Команда Ельцина использовала этот шаг Горбачёва для того, чтобы сделать следующий шаг. И они решили создать имидж Ельцину. На это были брошены очень большие силы, очень толковые ребята. Полагаю, что это правильно, это западная схема. Главнейшая задача была – поддержать образ Ельцина как самого привлекательного для страны человека. И если кто-то из репортёров (в силу острых, неожиданных вопросов) ставил Ельцина в ситуацию не очень удачно говорящего политика, команда находила выход. Это и со мной было. Не вина Ельцина, что он не сумел ответить на вопросы. А вина репортёра, что репортёр неправильно поставил вопрос. Или неправильно вёл себя с Борисом Николаевичем. Хотя я могу и ошибаться.

– После того, что ты рассказал, мне кажется, что Горбачёв значительно симпатичней, чем Ельцин.

– Мне кажется, что для репортёра не важно, кто из политиков симпатичнее, а кто более интересен для вопросов. Я не могу сравнивать Ельцина и Горбачёва, это было бы нетактично, но с Горбачёвым мне приходилось работать значительно больше. Он тонкий, более европеизированный политик, он вызывает симпатию у беседующего с ним человека. Так мне представлялось всегда. И это подтверждают мои коллеги. У него есть какая-то магическая сила воздействия на собеседника. Я не знаю, как это назвать. Но он может уговорить любого человека согласиться с его позицией, это он умеет делать блестяще. Хотя бы той лавиной слов и мыслей хаотичных, которую он выливает на этого человека. И тот начинает барахтаться, пытаюсь найти главную мысль. Это уже удар. После этого собеседника можно брать просто голыми руками. Он не соображает, что он должен спросить и как он должен себя вести. Но это не происходит насильно, это, вероятно, и есть какое-то психологическое действие Горбачёва. Как-то один раз я стал очень внимательно смотреть за его глазами. Главное впечатление: очень лукавые и глубокие глаза. Главная задача репортёра – ввести собеседника в свою игру, добиться от собеседника ответа на твой вопрос. Это шахматы. А в случае с Горбачёвым ты сталкиваешься с очень сильным игроком. Он принимает твою игру. Он будет играть с тобой, но на каком-то десятом, двенадцатом, пятнадцатом ходу он может переставить фигуры. И ты даже не понимаешь, что играешь уже по его правилам.

– Ты рассказал что следил за его глазами и видел в них лукавство. А что ещё ты можешь сказать, чисто лично, каково было впечатление от бесед?

– Во-первых, это очень доброжелательный человек. Который не желает никому зла. Это абсолютно точно. Мне кажется, психологически в нём не заложена жажда посчитаться с кем-то. Это, видимо, войдёт в историю. Первый персонаж такой – доброжелательный. Даже если брать царей. Уж не говоря о его, Горбачёва, непосредственных предшественниках. Поэтому он и проиграл!

В России, к сожалению, всегда проигрывают мягкие люди. Жёсткий, недобрый к окружающим человек, он, как правило, побеждает. И он заставляет всех подчиняться своей воле. Ибо в этой воле

заложено желание власти. У Горбачёва этого нет. Как мне представлялось, он никогда не стремился подчинить своей воле людей. Он пытался убедить. Он заложник своей собственной идеи. Он провозглашает свою идею, он же и гибнет от неё.

– *Правда ли, что Раиса Максимовна говорила в кулуарах, что «Сергей Ломакин самый красивый мужчина на телевидении»? Ты не слышал об этом?*

– Думаю, что это сплетни. Во-первых, потому, что это не так, а во-вторых, для Раисы Максимовны, мне кажется, всегда был один мужчина – Михаил Сергеевич. Да, было несколько поездок, когда мне приходилось общаться с Раисой Максимовной. К сожалению, репортёру, который работает с Раисой Горбачёвой, это не приносит ни славы, ни авторитета. Скорее наоборот, для него это смерти подобно. И в профессиональных кругах, и в первую очередь в общественном мнении. Ведь общественное мнение у нас в стране таково, что люди могут хорошо воспринимать по телевидению главу государства, но ни в коем случае не его супругу. Парадокс: во многом его успеху за рубежом способствовала Раиса Максимовна. И – противоположно внутри страны.

– *А Наину, жену Ельцина, ты не видел?*

– Мне кажется, это разные женщины. Но думаю, говорить об этом не деликатно. Что касается Раисы Максимовны, то она много времени уделяла изучению протокола. Как себя вести, как стоять, как идти, как подавать руку.

Кремлёвский репортёр Ломакин. Резюме

Я не думаю, что Сергей стал бы кремлёвским журналистом, живи он в эпоху Большого Друга Советских Физкультурников. Я не уверен, что журналист Ломакин кого-то предал и был нечестен со зрителями «Взгляда» и «Времени». Я не стал бы величать его (как многие в начале 90-х) «придворным репортёром режима». Быть преданным – не значит быть предателем. Я не могу умолчать о его репортёрском таланте. Он очевиден хотя бы в силу внешних данных Ломакина. (Быть телегеничным и блондинисто-привлекательным для ведущего ЦТ – уже залог успеха.) Я не рискну, «рассказывая» Ломакина, не заметить: своя позиция и умение грамотно излагать (пусть и не всегда свои) тезисы – это то, чем отнюдь не все члены нашего славного Союза журналистов могут похвастаться. Не все. Даже из тех, кому довелось порепортёрить за стенами Кремля.

«Вы перестреляете друг друга»

Итак, в марте 1990 года трое ведущих легендарной программы «Взгляд» получили депутатские мандаты. Среди них – старший (по возрасту) и самый заслуженный из «взглядовцев», последний романтик советского ТВ Владимир Мукусев. К его титулам можно прибавить: народный депутат РСФСР(1990 – 1993гг.), член Комитета по правам человека Верховного Совета, инженер-конструктор, режиссёр, кандидат политических наук, доцент кафедры кинотележурналистики Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, ведущий научный сотрудник Института искусствознания Министерства культуры РФ, преподаватель Московской Первой национальной школы телевидения Академии госслужбы при Президенте РФ, обладатель телевизионного «Оскара» – Высшей премии Американской телеакадемии «ЭММИ» и автор бестселлера – книги «Разберёмся...».

– Недавно беседовал с Лысым, и его тезис: в 1990 году в парламент можно было выбрать и табуретку, если эта табуретка стояла в студии программы, которую с восторгом и воодушевлением смотрело 200 миллионов зрителей.

– Начальником, а точнее, руководителем программы «Взгляд», её отцом-основателем, в прямом смысле слова крёстным, давшим ей имя, был главный редактор молодежной редакции ЦТ Эдуард Михайлович Сагалаев. Непосредственно подготовкой каждого выпуска занимались по очереди три главных выпускающих – Андрей Шипилов, Станислав Ползиков и Владимир Мукусев. А делался «Взгляд» в отделе, которым руководил Сергей Ломакин. Вот, собственно, и все начальники, которых ты, конечно, помнишь. А ещё «Взгляд» делали три десятка первоклассных корреспондентов, режиссёров, а помогали им в этом прекрасные операторы, музыкальные редакторы, ассистенты, администраторы, то есть всего в нашей команде работали около семидесяти человек.

Но были во «Взгляде» люди, как говорили, «для мебели». Впрочем, «табуретками» их никто не называл. К ним относился и названный тобой «руководитель». Смысл его существования сводился к выписыванию пропусков и вытиранию носов нашим молодым случайным и поначалу крайне неумелым ведущим. Сагалаев объяснял существование в редакции этого «ценного кадра» пожиманием плеч, киванием головой куда-то в потолок, при этом он бледнел, сжимал кулаки, а по скулам его ходили желваки.

Так что насчёт выборов «табуреток» в парламент – всё это от удушающей злобы, зависти и ощущения бессмысленности прожитой жизни. Да и господин Ельцин вряд ли в 93-м расстрелял бы Верховный Совет, состоявший из «табуреток», а в 91-м никто бы не заставил людей защищать ценой своей жизни «табуреточный» парламент. Но это так, к слову...

– Первого марта 2010 года исполнилось 15 лет со дня убийства Влада Листьева. Ты был его наставником и товарищем. Когда ты видел его в последний раз?

– В январе 1991 года. В родной «молодёжке» (Главной редакции программ для молодёжи Центрального телевидения. – Е. Д.) шла разборка, суд, а вернее, судилище образца 37-го года. Организатор и главный судья – инструктор отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ некто Александр Пономарёв, сунутый к нам начальником редакции агонизирующей коммунистической властью. Подсудимые – я и моё интервью журналу «Огонёк». В качестве присяжных несколько десятков моих коллег, с большинством из которых я проехал, пролетел и прошёл не одну тысячу километров по нашей стране, работая более десяти лет бок о бок с ними. Радовался общим победам и переживал общие поражения. Дружил, учился – жил, одним словом. С ними сидят и наши молодые коллеги по «Взгляду», в том числе Влад.

В упомянутом интервью я, возможно, излишне эмоционально рассказал о том, как умирает «Взгляд»,

редакция, журналистика в целом. Умирает, потому что появилась возможность не зарабатывать, а воровать деньги: с помощью заказных сюжетов («джинсы» по-нашему), рекламы гастролей попсы и просто рекламы. Появились даже коммерческие структуры, которые от имени «Взгляда» что-то продавали и покупали, не имея никакого на это права. Суда не получилось. А получилась коллективная трусость и предательство. Большинству это было очевидно, и они старались уйти, убежать, провалиться сквозь землю, лишь бы не встретиться со мной взглядом.

– *Многим смерть Владислава была на руку...*

– «Cui prodest?» («Кому выгодно?») – главный вопрос со времён римского права резонно поставил перед собой и первый расследователь дела Листьева. Помнишь ту истерику на всех телеканалах и в газетах? «Убит Листьев. Прошёл один день. Прокуратура молчит. Листьев убит, два дня, прокуратура молчит. Три дня, четыре дня и так далее». Вся Москва была буквально заклеена плакатами с одним словом: «Влад». К сожалению, общей истерии поддались и трезвомыслящие журналисты. О «преступной» бездеятельности прокуратуры не писал тогда разве что ленивый. Ежедневно с самого верха от следственной группы требовали не работы, а отчётов с результатами. Всё это действительно привело к коллапсу следственной группы. Робкие попытки получить хоть какие-нибудь документы из «Останкино» были практически невозможны. Следователи вызывали тех, кто был связан с Листьевым по работе. А в ответ получали в их телепередачах обвинения в бездействии. Дошло до идиотизма и издевательства. Уваров посылал свои вопросы в «Останкино» в письменном виде курьером. А в качестве ответа получал фотографии Листьева в гробу. Телена начальники откровенно издевались над следствием, чувствуя под кремлёвской «крышей» полную безопасность. Тома дела Листьева ежедневно буквально вспухали от бесконечных рассказов типа «как я дружил с Владиком» людей, желавших помочь следствию, но не знавших фактически ничего. Обо всём этом мне рассказывал сам Борис Уваров во время многочасовой беседы со мной в прокуратуре, спустя примерно три месяца после трагедии. И этот настоящий профессионал – «важняк», за плечами которого такие дела, как «узбекское», гибель теплохода «Нахимов» и сотня других, дал слабинку. Вероятно, впервые в своей жизни он рассказал о самой перспективной, с его точки зрения, версии (о причастности к убийству коллег из ближнего окружения) и о том сопротивлении, с которым встретились следователи, в газетном интервью. Реакция была мгновенной. Уварова отстранили от дела, а само дело было развалено. Продолжить расследование с огромным трудом пытались его коллеги. Максимального результата достиг следователь Пётр Трибой. Но, по его словам, когда он практически вышел на заказчиков убийства, повторилась история с Уваровым.

Кстати, именно Трибой задал мне сакраментальный вопрос: «Скажите, Владимир, как журналист, получавший в 91-м 150 рублей в месяц, смог заработать в 95-м 16 миллионов долларов?» Действительно, Влад к началу 1995 года сосредоточил в своих руках значительные материальные средства компании. Тем, кто Влада устранил, надо было сохранить структуру, убрав оттуда Листьева, и только на убийстве и сосредоточить внимание следствия. Понятно, что это всего лишь мои домыслы, не более того.

– *Ты не говорил об этом по горячим следам. Было же ток-шоу во «взглядовской» студии.*

– О смерти Влада я узнал, находясь в Нижнем Новгороде, из новостей. Это был шок. Полагаю, что он был у всех приглашённых в студию. Но он, этот шок, стал быстро проходить во время того прямого эфира. И вот почему. В нашей четвёртой студии останкинского ТВ, «взглядовской», действительно «взглядовской» студии, собрались человек сто – журналисты, политики, артисты.

«Взглядовцев» было всего трое: Политок, Дима Захаров и я. Понятно, что и вести этот эфир должны были бы мы. И нам самим было что сказать. И вдруг, как нанятый тамада на чужой свадьбе, в студии появился Евгений Киселёв. Он начал отрабатывать некий сценарий, в котором, как выяснилось, места для нас. «взглядовцев», не оказалось. Когда мы это осознали, программа закончилась. Но прошёл и шок. Я стал

смотреть на происходящее совсем другими глазами.

Я понял, что Киселёва скорее всего использовали втёмную. Так появилась первая версия: режиссёры этого «шоу» и режиссёры убийства – если не одни и те же люди, то, безусловно, связаны друг с другом. Косвенно эту версию подтвердил и великий Владимир Ворошилов. После прощания с Владом он сказал мне: «А знаешь, почему убийц никогда не найдут? Потому что их никто не видит, хотя они и стояли ближе всех к гробу».

– Листьев в своё время отказался от депутатской гонки, просто налившись в день «икс». Как и когда ты узнал, что стал народным избранником?

– В три часа ночи мне позвонили из избирательной комиссии и сказали, что хотя подсчёты только предварительные, но отрыв такой огромный, что меня можно поздравить вполне официально. Толкнул жену, сообщая ей новость. Таня сонно отвечает: «Никогда раньше не спала с депутатом». Весь пафос ситуации как бы приспустила. Оделись. Таганский гастронорм едва ли не единственный в стране работал ночью. Купили армянского коньяка, закуски какую-то, приехали в избирком отмечать. Через пару дней все результаты были обнародованы в прессе.

– Супруга Таня Листова – мать тележурналиста Елизаветы Листовой?

– Да. И внучка композитора и пианиста Константина Яковлевича Листова, написавшего дюжину оперетт и песни, среди которых знаменитые «В парке Чаир», «Тачанка», «В землянке» и, как говорят мои студенты, хит всех времён и народов «Севастопольский вальс».

– А племянница твоя замужем за другим музыкантом?

– Да, Александра, дочь моей покойной сестры Светланы, вышла замуж за Константина Кинчева, лидера легендарной «Алисы».

– Я их, кстати, в своё время и познакомил. Мир тесен. Ты почти ничего, между прочим, не пишешь про семью в своей сенсационной книге «Разберёмся...». Какова реакция коллег на твой публицистический труд?

– Политковский на презентации книги в Доме журналиста сказал: «Кто-то же должен был написать – про всё, что мы пережили, – правду. Написал Мукусев. Нормально». Мне было приятно, потому что в устах Политка «нормально» – это высшая похвала. Тираж разлетелся, как горячие пирожки. Так что, может быть, прав был обозреватель «Литературки» Александр Кондратов, сказав о ней, что это тот редкий случай, когда он рекомендует прочитать книгу всем. Он даже сравнил её с исповедью и документом эпохи. Сам же я вижу её очевидные недостатки, главный из которых – многословность, всё-таки почти 600 страниц. В соревновании с Интернетом можно победить не только смыслом, но и компактностью. Но, не скрою, мне приятно, что во всех мне известных вузах страны, где изучают филологию и журналистику, эту книгу рекомендуют как учебник.

– Я помню твой рассказ о том, как февральскими ночами 1990 года люди на чёрных «Волгах» пасли тебя, расклеивавшего предвыборные листовки, и зачищали «взглядовскую» агитацию. Как отношения со спецслужбами складывались у депутата Мукусева?

– Первый съезд народных депутатов специальным решением создал что-то вроде комиссии по расследованию противодействия выборам КГБ. Наша комиссия была фактически первой попыткой поставить работу спецслужб под контроль только-только нарождавшегося тогда гражданского общества. И к чести чекистов надо сказать, они хоть и с трудом, но шли нам навстречу. Они сами говорили, что хотят заниматься своим главным делом – безопасностью страны, а не сгнившего режима. То есть перестроечные процессы шли и в абсолютно закрытом до этого ведомстве. Кстати, именно в то время Лубянка поделилась

с нами и «святая святых» каждой спецслужбы. Именами некоторых информаторов. Меня тогда поразили не фамилии тех, кто писал на меня доносы, а их количество. Сегодня все они при должностях, деньгах, обласканы властью.

Глава 9. ЭРНСТ. ЭПИЗОД ВТОРОЙ (БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКИЕ)

Большое сердце «Маленькой Веры»

В Никитском жили действительно все в одном номере. Сейчас даже трудно представить, что одну, пусть и просторную комнату делило несколько весьма самостоятельных людей, привыкших всё-таки к определённому комфорту. Эрнст был мастером ситуации, он умел администрировать отношения даже в масштабе застолья. Никто не роптал, потому что всем было хорошо.

Рекордным было лето 1989 года. Тогда в отведённый 27-летнему биологу Константин Львовичу Эрнсту номер на втором этаже чудо-пансионата вселилось полдюжины непростых гостей! Андрей Макаревич, Саша Любимов, Наташа Негода + Сергей Толстиков и я.

Правда, тогдашний секс-символ державы Негода, приехавшая в Никитский вместе со своим ухажёром Толстиковым, через пару дней нашла какую-то частную квартирку на горе, между Нижним и Приморским парками. И влюблённая парочка оперативно освободила шикарный балкон, на котором располагалась койка их медового месяца. Условно говоря, медового, поскольку Сергей, как жаловалась нам по пьяной лавочке Наталья, был хронически женат. Впрочем, лет 10 или более после той поездки они прожили душа в душу; не знаю уж, насколько юридически при этом легализовав свои взаимоотношения.

Актриса только что прошла через очередные разборки с непросыхающим балагуром Мишей Ефремовым, с которым бурно и нервно романилась с 1985 года, после его возвращения из армии. Она, кстати, училась в мастерской Ефремова-старшего (Школа-студия МХАТ), что не могло не обсуждаться в богемной среде.

Тогда в киномонде ещё не было моды на мезальянсы: актрисы, быть может, и влюблялись в дедушек-кумиров, но как-то не доходило до огласки или, тем паче, до загса. Михаил, замечу, всего-то на два дня старше Натальи (Толстиков на шесть лет). Негоде в то ялтинское лето было ровно столько же, сколько Юлии Высоцкой на день свадьбы с разменявшим седьмой десяток Андреем Кончаловским.

После драматического развала тандема Ефремов – Негода им сочувствовали: по Сеньке была шапка, как говорится, – оба казались сторонним наблюдателям трогательно непутёвыми затейниками. Сочувствовали, пока Н.Н. не вытащила – с подачи режиссёра Татьяны Лиозновой – лотерейный билет «Маленькой Веры» и триумфально не прогремела на весь мир. Режиссёр Василий Пичул, между прочим, всего на пару лет старше актрисы и взял Наташу, потому что Ирина Апексимова неожиданно от роли Веры отказалась, а Негода очень кстати явилась в тот день на студию Горького за дебютным гонораром и попала на глаза кому надо.

Ефремов, справедливости ради замечу, стал всесоюзной полужездой ещё до срочной службы, в 14 лет сыграв роль бравого мальчика Пети Копейкина в ленте «Когда я стану великаном».

Так что союз у них был сплетнеобразующий. Роман угарный. И существуя тогда светская хроника как жанр, они обеспечили бы хлебом насущным легион папарацци. Перед съёмками «Маленькой Веры» пара скандально разошлась, а во время работы до Ефремова долетали из Мариуполя слухи об интрижке его бывшей пассии с партнёром по фильму красавцем Андреем Соколовым. Хотя, думаю, разговоры были определены сюжетом ленты и скандальной постельной сценой, ставшей в истории советского кино революционной. Свечку никто не держал, сама же Наталья игриво отшучивалась.

Вот. Короче, мы Негоду не грузили расспросами, кто, кого, как и почему.

Сергей Толстиков совершенно неожиданно в киноиндустрию «вернулся» лишь в этом году, типа подвинув Никиту Михалкова на посту исполнительного директора Федерального фонда социально-экономической поддержки отечественной кинематографии. До этого он без шума лишнего рулил в «Альфа-банке» и «Трансмашхолдинге».

Негода, помнится, говорила, что её ухажёр – сын видного ленинградского партийца Василия Толстикова, который был хозяином города до Григория Романова, а затем послом СССР в Нидерландах. Мы как-то во время пьянки в ПРОКе наехали на Сергея с допросом, но он энергично своё родство отрицал, говорил, что родом из Костромы. Нуда ладно, проехали.

Толстиков был таким, ну, совсем небогемным перцем, вполне, по-моему, похожим на бодрого комсомольского функционера, из циничной обоймы которых, собственно, и формировались все наши олигархи. Однако он заслужил определённый респект в тусовке и как бы даже прославился тем, что во время Московского кинофестиваля совершенно конкретно дал в репу журналисту, разместившему в каком-то листке фото его спутницы с инициалами Н. Н. по соседству с изображением М. М. (Мэрилин Монро). Так и было написано, как помню: Н. Н. И М. М., чёрным по белому. Не знаю, право, что в этой публикации было оскорбительным для Негоды.

Не знаю, но догадываюсь. Никаких интернетов тогда, само собой, не было. Жили мы в Советском Союзе, и все информационные потоки генерировали сами, а не ловили их. Это я к тому, что Наташа полуподпольно снялась для облоги культового заокеанского журнала Playboy, получила какую-то немислимую по советским меркам сумму, дала в Штатах полсотни интервью. И не очень рассчитывала, что обо всём этом узнают на родине.

Журнал вышел в мае 1989-го; майки со слоганом «From Russia – with love» были в том году хитом так называемых сопутствующих продаж издания в Штатах. Негода отымела свои 15 минут славы в глобальном масштабе. Это реально была девушка года. Гиперкомпенсация для тихой экс-студентки Школы-студии МХАТ, которая в эротическом смысле была, пожалуй, наименее востребованной на своём курсе. Да и работа в Театре юного зрителя, где она специализировалась на ролях совсем не плейбоевских зайчиков, никаких перспектив радужных ей не рисовала.

Она всех сделала. Всех. Даже тех киношников-ханжей, которые с возгласами «Позор!» покинули Дом кино во время памятной премьеры культовой ленты. Её на самом деле зауважали. Полюбили. Восхищением захлебнулись. Конкретно. Хотя, впрочем, употребить по прямому назначению никто из старых приятелей не стремился всё равно.

Надо понимать всесоюзный размах и триумфальный характер её тогдашней популярности. Даже не знаю, как это прикинуть в нынешней системе координат. Это – при традиционном для СССР дефиците информации о западных звёздах – как сегодняшняя Анастасия Заворотнюк, возведённая в квадрат бюста Анны Семенович. А сейчас про Жигунова шутят, что он, мол, не бывший гардемарин, а «бывший Заворотнюк».

«Советским экраном» Негода официально признана была лучшей актрисой 1988 года. Скандальная «Маленькая Вера» только-только получила Большой специальный приз жюри Международного кинофестиваля в Монреале и премию ФИПРЕССИ в Венеции. Сама актриса собирала жатву призов: Гран-при в Чикаго, титул лучшей актрисы в Женеве, «Ника-1988» и т.п.

Биохимик Костя утверждал, что Негода очень способная актриса и что скандальная слава не даст ей взлететь. Прав оказался.

Кинообразование, вернее диплом ВГИКа, у Константина есть благодаря дружбе с проректором (в 90-е

годы) Аллой Николаевной Золотухиной. Зачислен он был в мастерскую Наумова. Это была та самая мастерская, где учился племянник Параджанова, Хачатуров Георгий, в дальнейшем уже и по паспорту Параджанов. Была в мастерской и внучка Алова Елена Николаева.

Как рассказала мне в приватной беседе одна из сокурсниц: «Мастер в институте не появлялся, а кинознания Эрнста во ВГИКе свелись к общению с Золотухиной. Людей из ВГИКа он брал только по её рекомендации».

Ну а Негода... Она так и осталось Маленькой Верой. И в Голливуде у неё карьера не покатила. Все ставки были сделаны неправильно. То, что Толстиков был экономистом по образованию, его возлюбленной, подозреваю, не помогло.

Она на самом деле фантастическая актриса. Помню, как-то крымским вечером пробросил, листая номер журнала с её ню-фотками; дескать, умеют же там ребята с натурой работать, свет грамотно выставлять и фотошопить людей до неузнаваемости. Без всякой подколки: сказал, отхлебнув глоток приторного местного напитка, то, что думал. Поняв, что её здесь совсем не рассматривают как волшебную гляцевую секс-бомбу, Наташа, меланхолично затушив сигарету, процедила: «Свет, блин... Свет правильный – это, чтоб ты знал, когда изнутри. Смотри!»

И тут же исполнила какое-то немислимое па на стуле. Это было феерическое нечто. Было непонятное. В один искристый миг обернулась совсем другой. Выше стала как будто, сексуальнее, ярче, воздушней. Стала богиней. Она действительно великая лицедейка, потому что может в мгновение ока тотально преображаться. Образ творить. Без всякого грима, без репетиций, сценария и режиссёра. Просто Наташа включала что-то в себе, и метаморфоза случалась невероятная, почти анимационная.

А ещё Негода была единственным в кинобомонде человеком с золотой карточкой American Express. Она водила нас в интуристовскую «Ялту», где за валюту можно было надегустироваться импортного пива, которое отличалась от «Жигулёвского» так же, как студентка-тихоня мхатовской студии от дерзкой секс-богини с обложки майского Playboy, в обрезанной маечке с надписью «Мы за мир», проходившей по линии сосков, и двумя часами на левом запястье, зато без трусиков.

Наталя по-купчески транжирила, просаживая гонорар от «голых» заокеанских съёмок с лёгкостью венского вальса. Не то чтобы денег было очень много – просто казалось, что это лишь начало и дальше всего будет больше. Долларов, обложек, премий, ролей, восторгов. Коротким был шаг от стандартной платы за роль комсомолки Зины в фильме «Завтра была война» до \$\$\$-вознаграждения за съёмку в самом популярном на тот момент журнале мира (за попытку провести экземпляр которого в страну можно было совсем недавно вылететь из партии, лишиться работы и погубить жизнь и карьеру).

Карточку у неё украли какие-то ялтинские мальчишки. Что не очень её огорчило. И не очень обрадовало, когда заветный кусочек пластика ей вернули на следующий же день. То ли пацаны не знали, как воспользоваться диковинным платёжным инструментом, то ли им объяснили, у кого AmEx похищен.

Маленькое приключение

То, что Негода с Толстиковым нашли-таки себе в разгар курортного сезона какое-то левое пристанище на горе, всем оказалось на руку. Потому что Макаревич первые несколько ночей вообще спал внизу, на пляжном лежаке, что было, конечно, очень целебно (убаюкивающий рефрен прибоя + насыщенный черноморским йодом бриз), но и несколько стрёмно.

На смену сонной советской эпохе шли лихие 90-е. Укромный заповедный пляж Никитского ботанического сада потихоньку превращался в место ночных стрелок для здешних бандитов. Покуривая ночами на балконе, мы наблюдали, как там, внизу, неслышно съезжались неброских цветов «девятки», шустрили тёмные фигуры, пусть изредка, но постреливали.

Короче, за Макара мы беспокоились. Так что Костя организовал обитель для легенды нашего рока в каком-то здании на территории сада. Точно не вспомню, что-то вроде общежития для служащих Приморского или Нижнего сада. Там были гипсовые колонны и не было пресловутых «удобств»: душевые располагались на первом этаже, причём прикольно, что в стиле унисекс, то есть не делились на мужские и женские, а функционировали по принципу «кто первый встал, того и тапки».

А с бандитами вышла раз история. Не припомню уже почему, но как-то часа в три ночи мы втроём – Макаревич, Эрнст и я – выходили из остывающей после ресторанного угара «Ялты». И прямо на выходе молодой «боец» демонстрировал свой новенький парабеллум смешливой официантке, с вдохновением курившей косяк. Хозяева города, хозяева момента. Никого не боялись. Макаревич привлёк внимание бандита своей узнаваемой причёской а-ля Джимми Хендрикс. А раздражение, кажется, вызвал всё же Костя. Своим без малого двухметровым ростом, это во-первых. А во-вторых – по нему совершенно не было видно, что он выпимши. Что с учётом времени и места казалось, видимо, просто оскорбительным. Подозреваю, что именно из-за внушительных габаритов и твёрдой походки будущий вождь отечественного ТВ пригрезился обладателю огнестрельной игрушки телохранителем рок-звезды Макаревича, что подействовало на «быка» как алое полотнище матадора.

Откуда-то взялись ещё двое братков. Тоже со стволами. С холодными, ощупывающими глазами. Бритыми затылками, лаконичными чёлками. Затаялся мутный и скользкий базар. Который закончился предложением подвезти нас домой, в заповедную нашу обитель. Ясно, что это было из тех предложений, от которых не принято отказываться.

У них была какая-то не очень новая, но всё же иномарка, что по тогдашним меркам, по-моему, достаточно круто. Так сложилось, что я оказался на штурманском месте и показывал водиле дорогу к тайному пансионату. На заднем сиденье между двумя укуренными «пацанами» стиснули невозмутимо подрёмывающего Макара и Ботаника, который без удержу гарцевал на тонком льду столичного стёба, ведя с вооружёнными отморозками беседу на грани провокации. Хотя, казалось бы, мы все должны были резко протрезветь, поскольку быть застреленными в те годы было значительно проще, чем найти экземпляр журнала Playboy с Негодой. Под занавес старший бритоголовый с заднего сиденья, который всю дорогу благоухал чесноком и тыкал мне в затылок потёртой волюной, спросил у меня домашний адрес, пообещав приехать в Москву «навестить». Я назвал настоящий. Как флегматично заметил Эрнст следующим утром, во время позднего завтрака в нашей солнечной академстоловке, – правильно сделал:

– А если бы ты спиздел, он бы это точно почувствовал...

– ...И нас бы тогда пристрелили, – лукаво жмурясь, добавил Андрей Вадимыч, который даже в столь ранний час умудрялся найти какую-то субстанцию для опохмела.

Это ночное приключение никоим образом не остудило наш пыл: мы по-прежнему совершали ночные вылазки в курортную Ялту, умудряясь при этом не пропускать божественно вкусные завтраки, которые стряпала светлая, коротко стриженная блондинка Таня, про которую бдительный Эрнст превентивно всем вожделяющим объяснял: она замужем.

Маленькая неприятность без больших последствий

Саша Любимов к тому времени уже свалил в Москву. Пролив здесь немало крови.

У него вообще какие-то кровопотери фатальные на протяжении всей жизни. 18 марта 2005 года на 33-м километре Дмитровки «Мерседес-320» Любимова выехал на встречу и врезался в «Ровер» Юрия Завалишина. В результате – вывих пальцев левой стопы, у пассажира – открытый перелом левой голени. Мне Саша рассказывал, как он истекал кровью на заднем сиденье и с профессиональным любопытством репортёра наблюдал одновременно за мёртвой пробкой, по которой «скорая» не прорвётся, и за процессом наполнения тёмной солёной влагой коврика в его ногах, пытаясь вычислить объём резинового корытца и соотнести этот расчёт с тем медицинским фактом, что потеря двух литров крови приводит к летальному исходу. Он всегда относился к травмам по-легионерски. Я никогда не видел его паникующим или истерящим. Победителем рождён, Фортуною взлелеян...

Возвращаясь к мегакровавому инциденту в Никитском. Телефоны в пансионатовских номерах поставили позже, а тогда наличествовал только аппарат на стойке дежурного, внизу. И ещё один в чудо-лифте, на случай если кто-нибудь из академиков там застрянет.

С первого этажа вдоль левой стороны фасада поднималась лестница. Лестничные площадки от жилых этажей отделяли стеклянные стены, в которые врезаны были стеклянные же двери.

И оба этих обстоятельства (телефон + стена) едва не стоили самому харизматичному ведущему «Взгляда» жизни.

Люби (с ударением на «ю»; так его в ту пору звали все приятели) был очень, факт, деятельным. Отправляясь тем летом с нами в Никитский, заставил присягнуть на верность здоровому образу жизни. Который трактовался как неременная утренняя пробежка с последующим плаванием кролем. До завтрака, само собой.

Потом уже было позволено легкомысленно бухать дешёвое разливное вино, ошпаривать себя черноморским ультрафиолетом, окрашивать лёгкие никотином, трескать недожаренные шашлыки на набережной, практиковать незащищённый секс с полоумными студентками и делать множество других летних вещей, категорически полезных для оттачивания кармы. Но до завтрака – полчаса спорта. Хотя бы полчаса.

В первый день Александр Михалычу было единодушно отказано в джокинг-компании с мотивом «вчера же только прилетели, блин». Во второй – на основании тотального обгара конечностей. Ну а на третий... уже по сложившейся традиции.

Любимов рассекал по утреннему саду соло, путая глупых пернатых и полусонных ящериц. За завтраком ворчал, стебался, клеймил нас позором, обвинял в предательстве интересов гласности и перестройки, всячески хотел в Москву и требовал от нас компенсаций в виде посильного участия в программе «Взгляд», что всерьёз тогда никем не было воспринято.

Я совершенно не понимал, зачем надо остервенело бегать ранним утром, когда можно сколь угодно плавать днём. Тем более что вечерами все упивались так же, как в Москве. Только вот вино здешнее было вкуснее и дешевле.

Однажды, когда мы, вернувшись с ужина, болтали, сидя на балконе, и лениво любовались огнями вечерней развратной Ялты, смешивая аромат реликтового можжевельника с ядовитым дымом болгарских сигарет «Опал», дежурный, деликатно постучав в дверь, сообщил:

– Любимова к телефону, Лысенко из Москвы.

Саша, ждавший звонка руководителя «Взгляда», стремительно ломанулся на выход. Слишком быстро. И неправильно. Траекторию не выстроил. Через мгновение раздался ужасающий грохот, немзыкальный звон, стенания и мат. Переглянувшись, мы вскочили, едва не опрокинув столик с южными яствами. Костя распахнул дверь номера. На лестнице, метрах в пяти-шести от нас, покачиваясь, живописно сползал по стене окровавленный Люби: эритроциты хлестали из десятков порезов, разукрасивших двухметровую статью ведущего. Саня просто прошёл сквозь прозрачную стену, порезав, как тогда казалось, все артерии своего могучего организма. Он шарил руками по загорелому корпусу, растерянно пытаясь перекрыть хлещущую кровь, которая превратила его полосатые шорты в алые. Ни у меня, ни у Кости в тот момент не было сомнений, что страна лишилась своего ТВ-кумира: столько красной влаги мы видели только в голливудских боевиках. Липко-красным залито было всё: стена, лестница, площадка. Пара тонких багровых ниточек украсила даже потолок.

Напомню, что тайный пансионат располагался на границе заповедника, в самом глухом закоулке Никитского ботанического сада. Никакая «скорая» не нашла бы этот зашифрованный оазис за полчаса, которые отведены были пострадавшему.

У пристани, метрах в трёхстах от нашего интимного пляжа, оставляет на ночь свой старенький «Москвич-423» какой-то морской человек, которому можно позвонить, он живёт рядом с Верхним садом, – дрожащим голосом сказал офигевший от брутального зрелища дежурный. Он же включил чудо-лифт, доступ к коему вечером был запрещён. Минут через пять-десять мы были на импровизированной парковке, где ночевал серенький латаный – перелатаный универсал. Ждать хозяина с ключами никто не намеревался. Но грамотно вскрывать автомобили – проволокой или линейкой – никто из нас тоже не умел, впрочем. Булыжником рассадил стекло с пассажирской стороны.

Люби, невзирая на серьёзность ситуации, продолжал с невозмутимым видом шутковать:

– Неее, ни фиги, я сюда не сяду, там битое стекло, вдруг порежусь.

Однако нам было не до стёба. Само собой, в кино сто раз видели, как угонщики заводят машины без ключа, но опыта ни у кого из нас не было.

Тем же массивным образцом местной гальки, которым мы разбили стекло, я снёс язычок, блокирующий рулевую систему. Разбираться с цветом проводов в темноте не было возможности; Костя отодрал сразу все провода и собрал их в плотный пучок. Включилось сразу всё: стартёр, зажигание, габариты... даже «дворники», по-моему.

До засыпающей Ялты домчались, как казалось, за пару минут, с почти истерическим надрывом распевая любимую (тогда) Сашей We Will Rock You группы Queen. Кстати, любопытный эпизод с этой песней был у команды Кнышева: в одном из выпусков «Весёлых ребят» они сделали стёб-адаптацию хита с припевом: «Вывел, вывел пятна!» (этакий гимн некоей химчистки). Но кое-кто решил, что речь о знаменитом пятне на челе генсека Горбачёва. Телевизионщики ждали репрессий, поскольку трактовка припева у конспирологов была однозначна. Но обошлось. Вот.

Переполох в приёмном отделении был знатный. Накладывать три дюжины швов сбежался десяток медиков: всем сёстрам хотелось потрогать живого ведущего мегапрограммы. Программы, работать над очередным выпуском которой он улетел на следующий день.

Вопрос с компенсацией за экстренное надругательство над заслуженным «Москвичом» Костя как-то сам разруливал. С владельцем залитого кровью автомобиля ни я, ни Любимов так и не познакомились.

Глава 10. ЛИСТЬЕВ. ЭПИЗОД ПЯТЫЙ

Некролог от Мукусева

Вопрос о Владе входит в обязательную программу. И Владимир вновь рассказывает о январском дне 1991 года, когда он последний раз видел коллегу живьём:

– Я уже рассказывал о разборке в родной «молодёжке», когда обсуждали моё интервью журналу «Огонёк», в котором я поведал, как умирает «Взгляд». Умирает, потому что там стали делать деньги. После собрания я вывел Листьева в коридор и сказал: «Влад, предлагаю забыть обо всём и поехать со мной в Новосибирск, начать делать новый «Взгляд», с нуля». Как смог, сказал ему о своих идеях, о том, что хочу создать независимую телекомпанию, потому что «ВИД» тогда уже находился под тотальным контролем властей.

На что он, достав из кармана (впервые мною увиденную) нераспечатанную пачку стодолларовых купюр, риторически спросил: «Ты хочешь, чтобы я вот это променял на Сибирь?» При этом он глядел на меня поверх очков так, что, хотя мы были примерно одного роста, мне казалось, будто он смотрит сверху вниз, как на не очень умного, совсем больного человека, который не понимает элементарных вещей.

Я уже знал, что учредительные документы созданной нами компании нелегально переписаны, и я не только перестал быть одним из её хозяев, но фамилии моей нет в списке акционеров. Я сказал: «Знаешь, Влад, если так пойдёт дело, вы рано или поздно перестреляете друг друга». И в следующий раз я увидел Листьева лежащим в гробу. Причём именно в тех очках. Какая-то шкодливая рука надела ему эти очки. Мог ли я тогда увезти его в Новосибирск? Не думаю. Но точно знаю, что я не имел права произносить фразу, ставшую пророческой.

* * *

Владимир, подозреваю, был и остался неисправимым пламенным романтиком, обречённым на правдолюбие. Не желающим идти на компромиссы. А значит, не желающим идти в ногу со временем. И приговорённым к тому, чтобы спотыкаться вновь и вновь. Или, как сам он говорит, наступать на те же грабли. Ну да ладно.

В одном из арт-проектов упоительный Дима Быков ещё в 1997 году заметил: «Листьев, Любимов, Политковский, Захаров – все имели опыт сосуществования с системой, могли как угодно над ней трунить, но виртуозно умели её использовать. И потому «Взгляд» выжил: он делался не прекраснодушными романтиками, не оголтелыми борцами, не демагогами, а нормальными циничными профессионалами, у которых вместо политических убеждений был профессиональный кодекс. Как ни рискованно это звучит, но люди, сделавшие «Взгляд», имели установку на выживание при любых режимах; им достался более благоприятный – что ж, они реализовались полнее, но романтики в их действиях было значительно меньше, чем здравого расчёта».

Не соглашусь. Все они были рафинированными романтиками, если брать за точку отсчёта, допустим, Тину Канделаки или Андрея Караулова. Для Листьева деньги были лишь мерилем успеха, типа «бабло побеждает зло».

Дмитрий Захаров в одном из своих немногочисленных интервью говорил:

– «Взгляд» был «скоропортящимся продуктом» и, на мой взгляд, был хорош только в то время, время

информационного дефицита. Наши стремления состояли из значительной доли наивности, ощущения первооткрывательства и уверенности в том, что делаешь благое дело. Это было 70 процентов эйфории и всего 30 – здравого смысла. У всех нас присутствовал этакий идиотический идеализм, что мы можем переустроить этот мир. Наверное, главное, что мы сделали, – принесли на телевидение свободу высказывания. Конечно, немалую роль в этом сыграл наш предыдущий опыт – все мы пришли во «Взгляд» из контрпропаганды. Я работал на вещании в США, Любимов – в Дании. Поэтому, конечно, невозможно сравнивать опыт, полученный советскими дикторами, и ту подготовку, которую мы прошли в системе контрпропаганды.

Сергей Ломакин признался:

– Ну, прагматиками мы не были; конечно, были избалованы популярностью и даже порой умели её конвертировать в деньги. Это да. После эфира на выходные уезжали на «чёсы» по провинции, откуда меньше чем полторы тысячи рублей не привозили – в пять раз больше, чем можно было заработать за месяц напряжённой телевизионной работы. Обычно ездили двое ведущих и кто-нибудь из популярных артистов – Фима Смолин, Миша Задорнов. Народ ломился толпами. Стадионы собирали, что не стремились особенно афишировать, – это был всё-таки так называемый нетрудовой доход. Тем более в начале 1990 года «Взгляд» был чемпионом рейтинга... Из нас всех только Сашка Любимов понимал главное: ТВ – это не просто площадка, но и инструмент воздействия – в том числе и на власть. И именно он стал инициатором создания компании «ВИД». При этом более практичные, прагматичные люди, такие, как Ирена Лесневская и Володя Ананич, создали свои каналы, а Саша и прочие просто зарабатывали деньги, «куя железо», вместо того чтобы инвестировать в будущее. Влад тоже сделал ставку на державный Первый канал. Зачем, мол, с лайнера перебираться на какую-то баржу.

Товарищ Хайд и доктора

Влад не был жадным ни до денег, ни до славы. Закрытым был, чужим – при всей своей репутации рубахи-парня. Его воспринимали хмельным, разудалым гусаром. В меру циничным и безмерно обаятельным. Беспечным & удачливым. На самом деле у него всё было тяжёлым: роды, детство, служба, брак, спорт. И далее до остановки по адресу Новокузнецкая, 30, где два выстрела из «Скорпиона» чешского производства калибра 7, 65 мм поставили жёсткое двоеточие.

Он жадным не был. Но считал, что вправе брать в долг и не отдавать. Общий, глобальный недуг звёзд. А Влад, конечно, был мегазвездой. До славы не жадной.

Глава 11. ПРОЕКТ ЭПИЗОД ЧЕТВЁРТЫЙ

Письмо Мукусева президенту Медведеву

Война Владимира Мукусева

Памятник был открыт. Присутствовавшие на открытии с изумлением обнаружили, что тексты на русском и хорватском языках не вполне идентичны. По-русски: «На этом месте 1 сентября 1991 года при исполнении своего профессионального долга трагически погибли русские журналисты Гостелерадио СССР Виктор Ногин и Геннадий Куринной. Вечная память». Но в хорватской версии расставлены акценты: «Здесь 1 сентября 1991 года, в первые месяцы Отечественной войны, члены сербских военизированных подразделений злодейски убили русских журналистов».

Я об этом нюансе узнал, лишь читая комментарии к своему тексту, опубликованному в «Комсомольской правде» после открытия. Там же, кстати, отметил и Юрий Бычков: «Спасибо за память и памятник. Видимо, я был среди последних соотечественников, видевших Виктора и Геннадия в живых. Мы дружили. Я работал первым секретарём посольства. 1 сентября мы все привели своих детей на торжественную линейку в нашу школу в Белграде. Потом дети пошли на первый урок, а Виктор и Геннадий заторопились отъезжать в Хорватию. Я предложил немного задержаться, отметить День знаний. «В другой раз», – сказали ребята. Но другого раза не было. Замечательные люди, прекрасные профессионалы. Вечная им память».

Вопрос – ответ

Владимир Мукусов – друг Виктора Ногина и коллега по работе – все эти годы продолжал своё личное расследование: несколько раз выезжал в Хорватию частным образом. Я попросил его ответить на несколько вопросов.

– Володя в 1993 году ты – как депутат Верховного Совета – инициировал создание специальной парламентской комиссии по делу Куринного-Ногина. Кто, кроме тебя, возглавлявшего команду, туда входил?

– Из депутатов в комиссию входил заместитель председателя Комитета Верховного Совета по правам человека Николай Аржанников. В моём распоряжении были все технические службы этого комитета, так как я тоже работал там на постоянной основе.

– Как сербские юристы реагировали на твою работу на Балканах? Как относились к Милану Мартичу, которого позднее Международный суд в Гааге приговорил к 35 годам заключения?

– После того как Милан Мартич при личной встрече дал мне сутки, чтобы я убирался со своими ищейками из Сербской Краины, а иначе нас будут искать дольше, чем тех, кого мы ищем, я поехал в город Глину к окружному прокурору. Я рассказал ему об угрозах Мартича и попросил его о помощи. Единственное, что он смог сделать, – это показать уголовное дело, возбуждённое военной прокуратурой ЮНА в сентябре 1991 года. Ознакомившись с ним, мы убедились в его предвзятости и небрежности. После чего прокурор выписал постановление о возбуждении нового уголовного дела о пропаже журналистов и предоставил мне право официально участвовать в расследовании, что предопределило его успех. Что касается сербских милиционеров, они делали всё, чтобы помешать работе.

– В каком составе комиссия ВС выезжала в Белград?

– В мою комиссию входили два полковника ПГУ и представитель Генпрокуратуры. В Белграде к нам подключились работники посольства.

– Были контакты с югославскими коллегами-парламентариями?

– Местная Скупщина старалась блокировать нашу работу.

– Ты присутствовал на раскопках предполагаемого места захоронения своих друзей?

– Естественно. Ведь я их и организовал.

– Ты помнишь, как Борис Ельцин обнародовал указ № 1400 о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета России? Какова была реакция?

– Свою реакцию не помню. А вот наш посол в Белграде не без удовольствия рассказал мне историю о том, что в начале пятидесятых годов, когда у них гостил маршал Жуков, пришло сообщение о снятии его с поста министра обороны. «Так вот мы, – сказал посол, – его даже не задерживали. Он сам всё понял и уехал». Разговор этот состоялся на крыльце посольства. Внутрь меня не пустили.

– Наши журналистские организации помогали тебе в твоей работе по расследованию гибели журналистов?

– Нет.

– Действительно ли представитель «Известий» заявил во время церемонии открытия памятника, что ставить его рано?

– Нет. Хотя он и поступил как негодяй. Надеюсь, не по своей воле. На открытии были десятки

журналистов из разных стран мира. Семьи погибших представлял сын Геннадия, тридцатидвухлетний Иван Куринной. Были рабочие, бесплатно полгода делавшие и установившие памятник. Было просто много честных и порядочных людей, в том числе бывших военных, которые искренне соболезновали нашему горю, гибели наших журналистов. Я это к тому, что за публичное оскорбление памяти Ногина и Куринного можно было запросто получить по морде от любого из присутствовавших на открытии. И представитель «Известий» это прекрасно понимал. Поэтому свой пасквиль он опубликовал заранее. Жаль. Ведь это та самая газета, которая в 93-м не побоялась, в отличие от всех остальных российских СМИ, опубликовать результаты расследования комиссии Верховного Совета. Неужели сегодня от тех «Известий» осталось одно название?

– Почему Ивана Куринного не заметили на открытии?

– Он там был, но категорически отказался выступать. Я встречал его в аэропорту, и он сказал, что мою книгу «Разберёмся...» не читал. То есть ничего не знает о результатах почти двадцатилетнего расследования. Хорватская сторона хотела закрыть памятник перед церемонией нашим триколором, чтобы после передать его семье Куринных на вечное хранение. Иван от этого тоже отказался. Впрочем, это его дело. Главное – удалось с помощью Союза журналистов всё-таки организовать его поездку на открытие памятника. Вопрос в другом. Почему никто из родственников погибших даже не попытался за всё это время встретиться со мной и узнать, что же действительно произошло с их родными и близкими 20 лет назад. Для меня это так и осталось загадкой.

– Что на открытии делали байкеры? Просто тусовались?

– Это не просто байкеры. Это члены Международного клуба ветеранов войн и вооружённых конфликтов. Он объединяет несколько сот человек из разных стран. Каждый год в отпуске они собираются вместе и объезжают десятки военных памятников в Европе. В том числе и нашим солдатам, павшим в Великой Отечественной. Зажигают памятные свечи и возлагают цветы. В этом году только в Хорватии они объехали семь таких памятников и под конец зажгли свечи в память о наших погибших журналистах. Пообещали делать это ежегодно. Сколько стран они представляют – не знаю. Но я видел мотоциклы с номерами из Австрии, Словении, Боснии и Герцеговины, Венгрии, Чехии, Германии. Российских байкеров среди них не было.

– Не связываешь ли ты арест сербского генерала Ратко Младича, обвиняемого в военных преступлениях, с открытием памятника советским репортёрам? Не использовали память о наших погибших коллегах в очередной информационной войне?

– Между этими событиями временная связь, безусловно, случайна. Но не случайна, а закономерна, на мой взгляд, связь сущностная. И сдавшийся Гаагскому трибуналу президент бывшей самопровозглашённой республики Сербска Краина Милан Мартич, и Ратко Младич, который вскоре предстанет перед тем же судом, – военные преступники. Первого уже осудили на 35 лет. Второму срок ещё не назначен. Мартич признался в своей причастности к убийству наших журналистов. Признания Младича ещё впереди. Да, их разделяет время, но навсегда соединила преступная война – убийства, пытки, геноцид. То есть преступления, за которыми обязательно последует наказание. А что до информационных войн – то вот вам свежий пример. В то время, когда мы открывали памятник в Хорватии, в Гааге осудили за военные преступления нескольких хорватских генералов. В Загребе националисты организовали несколько акций протеста. Но хорватские власти проявили твёрдость – открыто и чётко обозначив свою позицию: все военные преступления должны быть расследованы, а виновные в них, независимо от национальной принадлежности, должны понести заслуженное наказание. Мы и впредь, заявили в Загребе, будем сотрудничать с Гаагским трибуналом. Точно такую же позицию заняло нынешнее руководство Сербии. И миру стало очевидно, что обе стороны, когда-то открыто враждовавшие друг с другом, хотят мира на

Балканах. Поэтому они выбрали очень трудный, долгий, но единственно возможный путь вхождения в семью цивилизованных европейских стран. Смысл их действий, в переводе на понятный нам язык, – «вор должен сидеть в тюрьме», а тем более военный преступник. В российских СМИ об осуждённых хорватских преступниках – ни слова. Зато о задержании Младича и в связи с этим акциях протеста в Сербии материалов – хоть отбавляй. Да ещё и с очевидным сочувствием к Младичу. Вот уж воистину, с кем вы, мастера? То есть мы, с помощью подчинённых власти СМИ, продолжаем натравливать бывших врагов друг на друга. Яркий пример тому – провокационная статья в «Известиях» о якобы скандале на открытии памятника. Правда, никакого скандала не было. Но на войне как на войне.

– Проиграла ли Россия информационную войну на Балканах?

– Чтобы дать полноценный ответ на этот глобальный вопрос, мне недостаёт информации. Поэтому буду говорить только то, что известно доподлинно. После возвращения из Югославии в 1993 году в высоких кабинетах мне говорили – ты установил, что убийцы сербы, а сербы наши братья. Забудь о своём расследовании. Его результаты могут помешать нашей политике на Балканах. Прошло 18 лет. И за это время, как мне кажется, всей этой историей отказа от продолжения расследования нанесён тяжелейший удар по репутации нашей страны и государства. Особенно ярко это проявилось в беспрецедентном давлении сотрудников Посольства РФ в Загребе на всех тех, кто участвовал в подготовке открытия памятника. Случись подобное в пору моего депутатства, организовавший это посол занимал бы свой пост ровно столько, сколько бы мне понадобилось времени, чтобы добраться до своего кабинета в Верховном Совете. На многочисленных пресс-конференциях в Хорватии первым мне задавался один и тот же вопрос: почему на открытии памятника погибшим русским журналистам не было ни одного официального представителя России? Мне приходилось припоминать всё то, что я узнал, учась в дипломатической академии, чтоб как-то защитить подмоченную репутацию своей страны. И когда я стоял под нашим государственным флагом на открытии памятника и зазвучал Гимн России, мне было за державу, нет, не обидно, мне было горько и стыдно.

– В период перестройки многие политики умело манипулировали журналистами, используя романтизм молодых и всеобщую ненависть к Кремлю как инструменты достижения своих целей. Я тогда этого не понимал и не чувствовал, а ты? Ты занимаешься со студентами, будущими репортёрами: среди них есть светлые, наивные (чтобы не сказать «глупые» и «беспечные») романтики или нынешние молодые люди всё же прагматичнее и трезвее?

– А я не только не понимал. Я даже не предполагал, что такое манипулирование мною возможно в принципе. Ведь я был не один. Рядом команда классных журналистов – Политковский, Щекочихин, Боровик. И почти всегда рядом автор и «крёстный отец» «Взгляда» – Эдуард Сагалаев. Не цензор, а блестящий редактор. Не начальник, а строгий советчик. Не манипулятор, а настоящий профессионал – журналист и защитник. Друг, одним словом.

К сожалению, после закрытия «Взгляда» всё это куда-то ушло. Но манипулировать собой я не давал, ни тогда, ни сейчас.

А что до занятий со студентами, так ведь сначала я общаюсь с их родителями. Я долго и терпеливо объясняю им, что если буду учить их детей тому, что умею сам, то они скорее всего станут профессионалами. Но при этом им будет закрыта дорога в большую журналистику. А вернее, на большие телеканалы. Ведь я буду их учить не просто технологии профессии, а попытаюсь их сделать гражданами своей страны. А это сегодня – «не формат».

За восемь лет преподавания в разных вузах я выпустил больше сотни специалистов. Все они были разными. По-разному сложились и их судьбы. Но ни за одного из них мне не пришлось краснеть. Пока, во всяком случае.

- 17 мая 2011 года ты отпраздновал 60-летний юбилей... Не видел торжественных сюжетов по ТВ: это твоя позиция или просто коллеги не решились славить вечного бунтаря и теледиссидента? Или я просто что-то пропустил? Кто и как тебя поздравил из экс-соратников?

– Вечный бунтарь – это что-то типа «вечной иглы для примуса». От которой, как известно, отказался даже «вечнозелёный» российский персонаж Остап Бендер. Так что, извини, эти сомнительные лавры «бунтаря» и «диссидента» меня никогда не прельщали. Я просто всю жизнь пытался честно и профессионально делать свою работу. Не более того.

Я даже рад, что сегодняшние телемагнаты, а когда-то мои ученики, подчинённые и коллеги, считавшие обязательным поздравлять меня с любой датой, мой юбилей проигнорировали. Моя фамилия в «стоп-листах» всех больших каналов и радиостанций. А ведь составляют все эти списки и объявляют запрет на профессию именно они, как ты пишешь, «экс-соратники», а ссылаются при этом на своих хозяев, загадочно тыкая пальцем куда-то в потолок. Жалко мне и тех, и других. На что тратят время?! У гроба ведь карманов нет.

– Задавал этот же вопрос Политковскому. Светлана Сорокина сетовала в своём дневнике, что её, стоявшую у истоков Российского ТВ (она вела первый выпуск «Вестей»), не пригласили на майские торжества 2011 года в честь 20-летия канала. На самом деле и первого шефа ВГТРК, твоего бывшего начальника (по «Взгляду») Анатолия Лысенко не сочли нужным позвать. Это просто небрежность организаторов или попытка переписать историю?

– Мы живём в стране «с непредсказуемым прошлым». Так что историю телевидения, как всю нашу историю, ещё долго будут не писать, а переписывать в угоду власти. Никакого начальника Лысенко у меня не было. Он руководил во «Взгляде» тремя нашими молодыми ведущими и десятком корреспондентов и администраторов.

Светлана Сорокина действительно стояла у истоков Российского телевидения. Хотя по мне, так она ничего лучшего, чем «600 секунд», не сделала. Впрочем, это дело вкуса.

Но есть непреложный факт. За год или сколько там существовал «Пятый канал» в его прежнем виде, в своей «Программе передач» Светлана умудрилась обойтись без Владимира Мукусева, рассказывая не только о молодёжной редакции ЦТ, которой я отдал 14 лет, но даже вспоминая «Взгляд». Так что не нужно удивляться, что Сорокину «кинули» её бывшие коллеги по РТР. Ей бы не сетовать надо, а задуматься, почему так случилось. Ибо, как сказал поэт: «Ничто на земле не проходит бесследно...»

– Собираешься ли ты выпускать очередную книгу?

– Я почти двадцать лет расследовал трагическую историю гибели наших журналистов. Потому что считал своим долгом найти и вернуть на Родину моего друга и его оператора. Живыми или мёртвыми. А если не получится, то вернуть их добрые и незаслуженно забытые имена. Ведь именно Виктор Ногин и Геннадий Куриной открывают тот скорбный список погибших журналистов, в котором уже более двухсот фамилий.

При этом я думал прежде всего об их детях. Но странное поведение Ивана Куриного в Хорватии на открытии памятника заставило меня серьёзно задуматься. Сотни людей – разведчики, дипломаты, журналисты, просто люди в разных странах, – иногда с риском для жизни, пытались распутать это дело. Очень и не очень серьёзные государственные и негосударственные организации способствовали или мешали поиску истины. И всё-таки нам всем удалось её установить.

Да, мы не нашли захоронения и все эти годы именно об этом просили тех, от кого это зависело. А зачем? Если это не нужно даже родным и близким, то кому это надо вообще? Мне кажется, я знаю кому. Например, мне. Лично мне. И не только потому, что нас с Виктором Ногиним связала молодость, война,

Афганистан, настоящая мужская дружба. И я в долгу не только перед ним, но и перед его памятью. А ещё это нужно всем нам. Журналистам и не журналистам, людям, которые не хотят чувствовать себя винтиками, придатками государства, его слугами и наложницами. Нужно тем, для кого слова «память», «честь», «долг», «достоинство», «порядочность» – не пустой звук. И если уж я решусь написать книгу обо всей этой истории, то совсем не для того, чтобы в очередной раз вспомнить эту трагедию. Книжка будет о другом. О том, что остаётся после нас и стоит ли ради этого тратить жизнь или даже терять её, как это произошло с Виктором Ногинным и Геннадием Куринным.

Гранаты для хорватов

Когда я в 1995 году принимал решение о публикации в «Новом Взгляде» реплики Эдуарда Лимонова «Лимонка в хорватов», я не руководствовался своими представлениями о балканском конфликте, но лишь чувством справедливости. И то, что против газеты и автора возбудили тогда, при Ельцине, уголовное дело, было закономерно. Впрочем, текст был, право, жёсткий: «Народы, говорят нам, не могут быть плохими. Чечены, твердят нам, – прекрасный и храбрый народ, но вот не могут нам отменить их коварство, разбойничий нрав и жестокость. Хорваты (или кроаты) прославились своей леденящей кровью, исключительной в XX веке жестокостью во время Второй мировой войны. Распиленные младенцы, расколотые искусно черепа, особый кривой нож, называемый «серборез», пристегивавшийся к запястью, около полутора миллионов сербов, замученных в лагере Ясеновац и других лагерях смерти, – вот «подвиги» этого небольшого народа. В документальной книге итальянского журналиста Курцио Малапарте «Капут» есть эпизод, в котором глава хорватского государства Анте Павелич показывает автору корзинку, доверху наполненную... глазами, вырванными у сербов. Только этому исключительно изуверскому народу Гитлер охотно предоставлял право быть германизированным. Единственному среди славянских народов. Хорваты воевали против России и, по свидетельству очевидцев, отличились у нас чудовищными зверствами. Украинские крестьяне предпочитали немецкую оккупацию хорватской. Немцы – расстреливали, хорваты – медленно, изощрённо убивали. Двойное влияние Турции и Германии сформировало в этом народе особое изуверство. В VII веке пришедшие из Карпат хорваты образовали своё государство. В 1102 году они попали под регентскую власть Венгрии... В 1941 году было образовано независимое хорватское государство смерти. Воинствующие католики, хорваты убивали во имя религии и, очевидно, просто из удовольствия, потому что не могли иначе».

Так что же я имею в виду, говоря о «справедливости» в контексте подобных манифестов писателя Савенко? А вот что. Мощнейшая агитпроповская машина Голливуда и US-медийки сформировали у всего мирового потребителя свою картину: сербы = прирождённые террористы, этикие natural born killers, а те, с кем они сражались, суть жертвы. И не важно, что эти «жертвы» специализировались на истреблении сербских детей, чтобы продавать выпотрошенные органы малышей в медицинские учреждения Запада. Сербам слово не давали. И не дают. Там. Поэтому мы слово им давать обязаны. Сербов истребляли, а главная их историческая вина в том, что они позиционировали нас как братьев своих. За это их били и нагибали.

А наше государство упражнялось в предательстве. Но Владимир Мукусев, бесспорно, прав: есть и обратная сторона. Именно потому, что сербские ополченцы (а не хорватские) расстреляли советских журналистов, имена их были забыты. Ещё одно предательство. Справедливо будет назвать убийц убийцами. Всех. Сербских, хорватских, русских, чеченских. И заокеанских. Убийца Билли Клинтон отдавал приказ о бомбёжке мирных городов Сербии. Убийца Джордж Буш привёл солдат в Афганистан, чтобы превратить эту страну в мегаплантацию, где стряпают героин для сибирских школьников. Убийца Барак Обама захватывает нефтяные ресурсы Северной Африки, не заморачиваясь смертью младенцев (и речь не только об убитых внуках полковника Каддафи).

А долг журналистов всего мира – рассказывать об убийцах. Этот долг выполняли Куринной и Ногин – сотрудники Центрального телевидения СССР. Страны, которой через четыре месяца после их гибели – не стало. И которая их забыла. Будем помнить мы. Не забывая о стране.

Глава 12. ЭРНСТ. ЭПИЗОД ТРЕТИЙ (БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКИЕ)

Большой заход

Там же, в Никитском саду, я познакомил Эрнста с его тёзкой Кинчевым.

Костю Панфилова, лидера питерской рок-команды «Алиса», я знал через тусовку Миши Королёва, в которой были супруги– наркоманы, жившие в одном доме с будущей рок-звездой, в знаменитом 25-этажном здании рядом с гостиницей «Космос».

Костя Панфилов-Кинчев, про которого фанаты из грозной «Армии Алисы» желают ведать, что он родился на какой-нибудь питерской помойке между котельной Виктора Цоя и сакраментальной кафешкой «Сайгон», на самом деле – единственный ребёнок в семье уважаемого столичного профессора.

Начинал рокер с исполнения бардовской лирики, не без элементов тонкого стёба. Стихи писал нежные, музыку плавную. Всё очень неплохо, но абсолютно мимо кассы своей демонической красоты. Гитарист ленинградского бит-квартета «Секрет» Андрей Заблудовский (Забл) надоумил Константин Евгенича сменить имидж и перебраться в рок-столицу СССР, где под патронажем генерала КГБ Олега Калугина не без успеха функционировал знаменитый рок-клуб.

Не вспомню, что в Крыму делали тем летом Кинчев со своей женой Сашей. Скорее всего «Алиса» гастролировала: всё же курортный сезон = время чёсов. Как бы то ни было, я пригласил их погостить в чудо-пансионате.

Естественно, парочка остановилась в нашем номере. И, опять же естественно, ночью Кинчев дал концерт на балконе. И кто однажды слышал это, «тот не забудет никогда». Во всяком случае, разбуженные гитарой академики на следующее утро, за традиционным завтраком выговаривали Эрнсту строго, с опаской косясь на мрачного с похмелья, растатуированного «Доктора Кинчева» с его ослепительной спутницей.

Тогда же, за диетическим завтраком, родилась идея снять клип на одну из песен «Алисы». Клип «Аэробика» стал первой киноработой биолога Эрнста. И показана эта работа была в самой популярной программе страны.

Там вышла история. Костя вложился багажом всех своих знаний и снял фактически мини-кино минут на семь. С длинным монохромным заходом, где Кинчев (его персонаж) просыпается в квартире, плюёт в разбитое зеркало в ванной и так далее. А потом, после всей этой надрывной и офигительно точной по тогдашней конъюнктуре синематографической красоты под обработанную нарезку совхроники + проходки музыканта по какому-то подвальному коридору, идёт собственно песня. О премьере шедевра была проинформирована вся рок-общественность.

И вот сижу я перед эфиром, изучаю вёрстку. Вижу: три минуты отведены под «музыкальный номер». Эээ... спрашиваю режиссёра, what's up? Богатырский Ваня Демидов, лениво втягивая в себя сизую дозу никотина, отвечает, что, мол, поставил метку по первому аккорду и приказал видеоинженерам отрезать. То есть кастрировать премьерную «нетленку». Фигасе, думаю. А Костя-то в курсе? – интересуюсь. Угу, они там с Любимовым в монтажной были, отвечает Ваня, щурясь (от дыма ядовитого, наверное).

На самом деле Иваныч был прав на сто процентов. Мы после эфира обсуждали эту историю и все

отсолидировались: во «Взгляде» клипы поддерживают сюжеты. Ну, допустим, средняя репортажная зарисовка, и сразу, в стык, без отбивки: «Скованные одной цепью» вокалом Бутусова = сразу выстраивается ударный революционный контекст, который конъюнктурщик Навальный не наваяет и дюжиной ЖЖ-постов.

Но думаю, Эрнст, которого политика интересовала меньше, чем кинематограф, не обрадовался.

Большой прорыв

Мы с Люби хотели привлечь Эрнста к работе над «Взглядом», поскольку о том, что свежая кровь нужна, уже говорили в открытую начальники – Эдуард Сагалаев и Анатолий Лысенко. Поэтому, собственно, и расширялась тогда линейка ведущих. Любимов пригласил на соведение меня. Серёжа Ломакин, формально возглавлявший «взглядовский» отдел «молодёжки», сел в эфир сам, а позже привлёк для соведения и моего коллегу по «Совершенно секретно» Артёма Боровика. Кстати, зимой 2010 года Лысый совершенно ошеломил меня, рассказав, что на позицию ведущего молодёжного супершоу рассматривался неподобный КВН-человек Александр Масляков. И он даже провёл один из выпусков «Взгляда», чего я, признаюсь, не помнил.

Короче, Костя готов был попробовать себя в амплу телевизионного режиссёра, и никто из нас не сомневался, что у него получится. Однако в «молодёжке» практиковалась суровая дедовщина. Все сидевшие тогда за пультами прошли бескомпромиссную ТВ-школу. Андрей Разбаш и Ваня Демидов поднимались по-честному, с нижних ступеней, с позиции осветителя. Просто привести ещё одного мальчика-мажора и тупо сказать: «Вот он пусть попробует» – не мог даже властный Любимов, шарм которого Лысенко, бесспорно, ценил, нутром телевизионным понимая, что Саша – в известной степени человек для «Взгляда» незаменимый (если допустить, что незаменимые в принципе бывают).

И тут сложилась хитрая комбинация.

В 1988 году Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР была основана некая как бы государственная контора под названием «Всесоюзное производственно-творческое объединение «Видеофильм». И, как часто тогда случалось, поползли слухи, что похищена немалая доля из выделенных на приобретение оборудования двадцати миллионов долларов (по тем временам весьма значительная сумма). А возглавил «Видеофильм» Олег Уралов, хороший знакомый Эрнста-старшего.

У «Взгляда» же, который к тому времени превратился в реальный бастион «четвёртой власти», складывались непростые взаимоотношения со всеми прочими властями. И если на начальном этапе, как рассказывал мне Анатолий Малкин, проект мог похвастаться литературным финансированием, то уже через несколько недель после дебютного эфира у программы начались кое-какие трудности. Между прочим, Лысенко утверждает, что именно из-за этих сугубо меркантильных соображений тандем Малкин-Прошутинская остыл к своему детищу, не угадав революционный потенциал будущего чемпиона отечественного эфира.

Короче, там не хватало всего. Монтажные смены давали в самое неудобное ночное время, выпросить камеру на выезд часто было проблемой. А у «Видеофильма» аппаратные, «свет» и операторские прибабасы были классом выше. Техника свежезакупленная. Камеры и кассеты «Betacam SP». На излёте 80-х такие в «Останкино» были только в Дирекции информационного вещания, где делали державную программу «Время». «Молодёжка» работала на стареньких «Betacam».

Тогда и родилась идея. Костя договорился с Ураловым: «Видеофильм» отдаёт свои аппаратные под монтаж передачи и плюс в нашем распоряжении две новеньких камеры для командировки в Ленинград. И тогда режиссёром осеннего выпуска, который по утверждённому графику должны были вести мы с Любимовым, автоматом становился Эрнст. Под патронажем Вани Демидова, естественно. «Гвардия» не могла возразить против эксперимента: «Betacam SP» был козырем, который не покрывался традиционной ТВ-дедовщиной. А концерн «Видеофильм» тем самым прислонялся к безусловно культовому проекту.

Так и получил Костя свой шанс. Не обошлось без накладок: был запорот звук при записи моей беседы с Александром Невзоровым. Но в целом «первый блин» по Костиной рецептуре оказался не просто

сдобным, но и гурмански изысканным. Молодой биолог продемонстрировал 170-миллионной аудитории советской программы № 1, что про «картинку» он знает не только в теории: его увлечение кинематографом было конвертировано в бесспорно профессиональную ТВ-работу.

Глава 13. ЛИСТЬЕВ. ЭПИЗОД ШЕСТОЙ

Тёмные меты на висках Влада

До пяти лет на висках мальчика просматривались тёмные меты от акушерских щипцов. Из роддома Николай Иванович и Зоя Васильевна Листьевы привезли новорождённого в тесный чердак грязного барака, в котором не было даже так называемых удобств.

Отец покончил с собой в возрасте 42 лет, приняв упаковку дихлорэтана. Влад и сам прошёл через попытку суицида (вскрыл вены, и спасла его крёстная Надежда Ивановна). В анамнезе у него к тому времени было душераздирающих сюжетов – на «мыльную оперу».

Рваная жизнь (на зарплату копировальщицы в 80 руб.) с матерью-алкоголичкой и отчимом-наркоманом, который был всего-то на десять лет старше пасынка.

Брак со стоящей на учёте в ПНД Еленой Есиной, смерть их только что рождённого сына и беременность дочерью Валерией, которую Листьев так впоследствии и не признал. Не признал, уйдя из семьи, которая к тому же существовала на оклад тёщи-товароведа.

Гражданский брак со студенткой филфака МГУ Татьяной, сын от которой в трёхмесячном возрасте ослеп и оглох; мальчик умер шесть лет спустя; по злой иронии судьбы – в тот самый момент, когда Влад делал сюжет для «Взгляда» из детской больницы.

Ну и прочие ходы судьбы недоброй, совсем уж не для мемуаров.

Поэтому то, что он пил, и пил зверски, – никого не удивляло.

Летом 2011 года встречался с писателем Дмитрием Лихановым, которого знаю лет с пяти. Поскольку заведение, где мы встретились, принадлежит бывшему сокурснику Димы, слово за слово пришли к разговору о Листе, который вместе с ними грыз гранит науки на отделении международной журналистики университета, его однокурсницами были Елена Карпова и Ирина Петровская. По воспоминаниям Лиханова, Влад, как и все рабфаковцы, держался несколько особняком. Как и положено студенту, заводил мимолётные интрижки и регулярно бухал, что неудивительно.

Я в свою очередь рассказал Диме, как однажды Листьев удивил всю «молодёжку», дико подставив коллег, – он в назначенный час попросту не явился в студию. А эфир был прямой, как шпиль Останкинской башни. И реакция – со свистом, словно падение с той высоты. Анатолий Лысенко – при всей вкрадчивой своей мягкости – рассвирепел не на шутку, поскольку неявка на выпуск была перебором по любым понятиям. Это было даже круче, чем эпизод одного из первых выпусков, когда приехавший из Японии Владимир Яковлевич Цветов презентовал ребятам какую-то чудо-банку саморазогревающегося саке и Влад выдул её прямо в эфире, на какое-то время просто выпав в осадок. Задача операторов была – не брать общий план, чтобы зрители не увидели склонённую на руки голову ведущего.

Короче, Ломакин рассказал, что Лысый попросил его быть партнёром в ультимативном разговоре с Листом. Либо «завязка», либо вон. Они наехали на Листьева тандемом, но оба рассказывали мне: не очень верили, что Влад сдюжит. Он и не сдюжил бы. Если бы не Альбина.

Cherchez la femme

Принято считать, что именно реставратор станковой живописи Альбина Назимова сделала Влада телевизионщиком № 1. Не могу не признать, в ней чувствуется сила. Есть магия. И, спора нет, девушка она непростая. Хотя тот же Ломакин рассказывал мне, что, увидев её впервые, был несколько озадачен. Влад взял 25-летнюю художницу с собой на один из чёсов, куда они поехали, прихватив в компанию Ефима Смолина.

Кстати, про чёсы Александр Любимов рассказывал Олегу Кашину:

– Буквально чёс – я, Листьев, Захаров, Лысенко выступали с концертами: на разогреве какая-нибудь малоизвестная рок-группа, которая соглашалась выступать за небольшой гонорар, потом – мы. И за это получали деньги.

Так вот, возвращаясь к Серёжиным впечатлениям. Та их гастрольная поездка случилась в самом начале романа, и у Листа – это помнят все – просто снесло башню. Сергей говорит, что они с приятелем-сатириком активно обсуждали бурную любовь-морковь:

– Ну никак не могли понять, что он в ней нашёл. Это Влад-то! Миллион девчонок с мокрыми трусами вокруг ходило.

Словом, Листьев вновь выступил в своём репертуаре: удивил. Пить он действительно стал значительно меньше. И Альбине, очевидно, многим обязан. Как у них там было дальше и откуда взялась злополучная медсестра-любовница – знать не знаю. Но помню, когда «видовская» тусовка узнала о связи листьевской вдовы с Андреем Разбашом. Это случилось на семейном торжестве четы Демидовых, Ивана и Елены. Вечеринка проходила в модном тогда заведении на той же Новокузнецкой. Альбина и Андрей ушли из ресторана вместе. И гости этот факт не без растерянности лёгкой обсудили.

Надо понимать, что на том этапе Андрей был самым авторитетным в компании челом. Одним из самых уважаемых в «Останкино» вообще. Никогда не мог воткнуть – почему. Природа этого респекта осталась за границей моего разума. Его сольные проекты были провальными. По-любому, низкорейтинговыми. Его же персональный рейтинг был достаточно высоким до неожиданной для всех друзей связи с вдовой Листьева Альбиной: какое-то время Андрей был нерукоподаваемым в совете директоров компании «ВИД». Согласно легенде, за Разбаша Альбина вышла в качестве подарка на его очередной день рождения: они в этот день расписались и справляли одновременно д/р мужа и очередную годовщину (для обоих это был третий брак). Кстати, на бракосочетание в ЗАГС «молодые» так и не ходили: выписали регистратора к себе домой, и приглашённые гости наблюдали процедуру воссоединения сердец + пальцев, расположившись в украшенной букетами гостиной.

Иван Демидов стал человеком, который прекратил негласный бойкот, принявшись гласно и регулярно гостить в квартире Разбаша на Патриарших, рядом со школой № 20, где когда-то учился Андрей. Потом «молодые» переехали на super-дачу, в знаменитый круглый дом, построенный компанией (в смысле, на «ВИДовское» бабло) по проекту самой Назимовой (дистраивали архитектурное чудо уже после расстрела Влада).

Альбина вспоминала, что у них (с Андреем) была традиция делать подарки в три этапа: 1) накануне праздника – взаимные предподарки; 2) в день торжества, естественно, – ключевой презент (не обязательно самый ценный), 3) а на следующий день («чтобы не было ощущения, что праздник уже кончился») – после-подарок. Он дарил ей украшения. Она ему – т.н. железки (фотоаппараты, технику, машину «Ягуар-Даймлер»... не путать с раритетным «Ягуаром МК II» 1966 года, который Разбаш купил сам).

Бытует мнение, что они своего совместно усыновлённого ребёнка (родившегося, как и Иван Иванович, 23 числа) назвали Ваней именно в честь Демидова. И умер Андрей 23 июля, в день рождения Ивана Демидова, единственного из «взглядовцев», который знал Назимову задолго до того, как Елена Карпова привела Листа в её мастерскую.

Влад был от неё просто без памяти. Заставил коммерческого директора Горожанкина организовать Альбине охрану, автоматчиков от Рушайло. В те годы «лички» ни у кого не было, кроме банкиров и кремлёвских. Но суженая говорила Листьеву, что ей что-то (или кто-то) угрожает, типа могут похитить и/или завалить. Листьев как-то купил Альке (так зовут её друзья) целую лавку цветочную, опустошил полки вчистую. Такой вот жест. Букеты – так магазинами! Когда вечером Влад по дороге в другой магазин – хлебобулочных изделий – обнаружил, что в цветочном обновили ассортимент, то наехал на директора. В результате был разорён и склад-запасник. Назимова всю неделю раздаривала благоухающие растения охапками.

Возвращаясь к вечеринке на Новокузнецкой.

Все были застигнуты врасплох. Даже наблюдательнейший и мудрейший ТВ-босс Александр Пономарёв, про которого Влад, сам, кстати, бывший вузовский комсорг, говорил: «Мне кажется, что у Саши в паспорте, в графе «Место рождения», написано «ЦК ВЛКСМ».

То есть способность удивлять – это то общее, что было у Влада с Альбиной.

Но более всего он удивил самовыдвижением на последнюю для себя должность. Знаю со слов Киры Прошутинской, которая, кстати, вместе со своим супругом Анатолием Малкиным и придумала в своё время «Взгляд». Когда обсуждалось, кому, собственно, предстоит возглавить ОРТ, Кира Александровна, полемизируя с претендовавшей на этот пост Иреной Лесневской, заметила, что почему бы, мол, не Листьев. «А ты что, разве хочешь? Ты и так звезда!» – удивилась Ирена Стефановна, державшая Влада (как, впрочем, и многие) за безалаберного шоумена. «Хочу!» – ответил тот. И присутствовавший на встрече Разбаш понял: так тому и быть.

Кира Прошутинская вспоминала:

– В разговоре потенциальных совладельцев ОРТ мы с Малкиным представляли нашу компанию (ATV. – Е. Д.), Андрей Разбаш с Владом Листьевым, естественно, – «ВИД», ну а Ирена Лесневская – своё РЕН ТВ. Нам показалось, что эти двое (Андрей с Иреной) заранее обо всём договорились, расписав, кто какой пост займёт. Про Малкина я сознательно не спрашивала, чтобы не подумали, что лоббирую своего мужа, но зато поинтересовалась у присутствующих насчёт Влада. На риторический, как ей казалось, вопрос Лесневской Влад ответил неожиданно. Я сидела рядом и видела, как у Влада загуляли желваки: непросто ему было. Несколько секунд он просто молчал, потом выдал: «Да, Ирена, мне это нужно!» В комнате повисла тишина. Всем стало неловко, что вынудили человека открыто сказать, чего он хочет... В конце концов телевидение успешно акционировало без нашей помощи и участия, но Влад добился поставленной задачи, возглавил канал.

Мне Андрей Разбаш говорил, что Борис Березовский, чувствительно относящийся к сакраментальному «еврейскому вопросу», сделал тогда выбор в пользу Листьева, руководствуясь именно этническим фактором: других представителей «титულიй нации» в той обойме не было. Так или иначе, тот день стал для героя роковым. В большей степени роковым, чем женщина Альбина. Хотя с тем, что она роковая, не поспоришь. Относительно недавно вышла замуж четвёртый раз. Похоронив двух мужей (вторым стал Андрей Разбаш).

Неприкосновенная душа (1992)

Последнее интервью с Владом я опубликовал (в марте 1992 года, за три года до убийства) в еженедельнике «Взгляд» (позднее – «Новый Взгляд»), газете, которую он формально соучредил и в которой я, с подачи Ивана Демидова, главным редактором трудился.

Комната в телецентре, где располагалась группа Листьева, напоминала тогда воинский штаб: полно народу, непрерывно звонит телефон. Во время одного из перекуров Влад взял трубку, и разговор шёл в очень тёплых тонах, так что все подумали, что он разговаривал с женой. Рассмеявшись, Влад разрушил эту иллюзию, пояснив, что говорил со звукорежиссёром передачи.

– К вопросу о команде, которая делает общее дело.

– *Что такое популярность?*

– Популярность? Ничего. Уже когда мы работали во «Взгляде», я понял, что это в какой-то степени неизбежно для каждого человека, который делает популярную программу.

Приятный атрибут, к которому достаточно быстро привыкаешь, если у тебя есть мозги. Потому что ты прекрасно понимаешь, что популярность идёт параллельно с тем делом, которое, ты делаешь. Как только ты начинаешь спекулировать на своей популярности, дело от этого страдает, а потом разваливается и популярность. Примеров тому масса. Поэтому нужно делать дело, постоянно двигаться вперёд и поменьше внимания обращать на популярность. Она будет, если будет дело хорошим.

– *А другая её сторона?*

– Сейчас я в общественном транспорте не езжу (кстати, не потому, что у меня есть машина, у меня её нет). А раньше, когда ездил... Люди разные по своей культуре, по такту. Подходили на улице с разными вопросами, иногда приставали, иногда хватали буквально за грудки. Нужно настраиваться на съёмку, на работу. А когда, например, путь от дома до работы, занимавший раньше час, превращается в 3 – 4 часа... Я же не могу просто послать человека, сказав: «Старик, извини, у меня во!.. дел без тебя». И стою, выслушиваю. Кому-то помогал, кому-то нет. Невозможно же всем помочь. Это было очень трудно и изматывало психологически.

– *Создавая «Поле чудес», делали по западному аналогу или «изобретали велосипед»?*

– Нет, мы не «изобретали велосипед», естественно, и это видно по самой программе. Создавал не я, а творческая группа. Вообще, на телевидении говорить «я» невозможно, мне кажется. Может быть, только с экрана, выражая своё собственное мнение. А когда делаешь какую-то передачу, это делает команда, и это самый важный элемент на телевидении для любой программы, потому что как только разваливается команда, разваливается и передача. Примеров тому много. Володя Молчанов. Команда развалилась по разным причинам, и программы уже нет той, которую все любили. Команда развалилась, и нет того «Взгляда», который был. Ну и так далее. Потому что на телевидении человек, который ведёт программу, – только видимая часть айсберга. А невидимая, самая главная часть, – та команда, которая её делает. Это нормальный коллективный труд.

Я, когда ездил по Европе, видел несколько программ подобного типа. И потом – у нас же есть классический вариант русской «балды», в которую студенты играли, или «виселицы» – детской игры, когда на асфальте чертили первую букву, последнюю, прочерки и потом, если не угадывал, – «вешали» человека. Но мы гуманная программа, никого в студии не вешаем... слава богу... Мы синтезировали несколько элементов из разных программ, и вот получилась такая передача. Адаптировали её к советскому зрителю, потому что нельзя западные аналоги брать в чистом виде, делать кальку и переносить на наше

телевидение. Всё равно будут смотреть: «Это не наше, это как у них». Не приживается...

– В чём секрет успеха этой игры? В тяге наших людей к знаниям, к шоу подобного рода, в желании передать с экрана привет дальним родственникам или ещё в чём-то?

– Естественно, мы долго думали над тем, как сделать передачу, чтобы её смотрели. Во-первых, самый притягательный элемент – это кажущаяся простота. Даже первый текст, который предварял программу, был такой, что она доступна всем – от школьника до академика. Это действительно так. Любой человек, когда появляется задание, волей-неволей начинает прикидывать свои варианты ответа. А уже когда открываются буквы...

Сидя дома, ты раскрепощён, ты ни за что не отвечаешь – и отгадываешь быстрее. И вот это чувство самоуверждения, которое охватывает всю страну по пятницам с 8 до 9 вечера, – это колоссальное ощущение, я энергетически его чувствую. Другое дело, когда люди появляются на игре, и вот тут вступают в роль совершенно другие психологические законы. Во-первых, масса отвлекающих факторов. Это и публика, это и барабан, который крутится, и люди смотрят, как замороженные, на верчение барабана, на очки, забывая о табло. А потом, когда поднимают глаза, остаётся очень мало времени, чтобы назвать букву...

Можно, конечно, сказать: «Да они идиоты, это видно всем». Отнюдь нет! Потому что в таком же состоянии на игре окажется любой человек. Ещё раз подчеркну: психологическая атмосфера во время записи программы совсем другая, нежели когда ты сидишь дома. И, в принципе, мне всё равно, кто будет играть: девять академиков, девять профессоров, девять докторов наук – результат будет аналогичный, всё зависит только от степени трудности задания.

Я всех участников игры очень люблю – это изначально. И я отдавал и отдаю себе отчёт в том, что, в принципе, успех игры зависит от них на 90 процентов – как они раскрепостятся, как будут себя вести, как будут улыбаться: глаза, жесты, мимика... Это всё в комплексе играет на конечный результат. И потом, юмор имеет две крайности. Одна крайность – ну, не оскорбить, а поддеть человека, иногда с желанием унижить в какой-то степени (это такой достаточно распространённый вид юмора у нас). А с другой стороны – юмор, который заставляет человека реагировать в положительном отношении и мобилизовать себя, чтобы ответить. Вот это очень важно.

Естественно, какой-то сарказм был, потому что бывали ситуации, когда человек явно сам напрашивался. Я никогда не старался никого обидеть, даже подспудно не ставил себе такой задачи. А с юмором... С юмором веселее жить. Я ко всему в этой стране отношусь с юмором.

– Хоть и трудно оценивать себя со стороны, но можно всё же сравнить себя или Якубовича с западными ведущими?

– Нет, там всё совершенно другое: другой юмор, другой менталитет общества. Нельзя проводить никаких параллелей. Там проще фабула игры. Нужно назвать какие-то элементарнейшие вещи, и он получает, по нашим меркам, суперприз. Нужно было адаптировать западную программу к нашей, потому что наш телезритель тоньше, умнее, как это ни парадоксально. Русская вековая культура всё равно довлеет, как её ни вытравливай из сознания людей. Всё равно какие-то корни остались. И хоть кому-то кажутся эти задания простыми, они всё равно идут от этих корней и рассчитаны на какие-то минимальные ростки этой культуры в людях, приезжающих на передачу. А это обыкновенные люди, там нет каких-то супервыдающихся личностей.

– Бытует мнение, что когда объявлялся конкурс, то на заднем плане создан был миф о своей незаменимости. Настолько несравнимы были все молодые претенденты...

– Естественно, задней мысли такой у меня не было. Потом, когда стали показываться кандидаты на роль ведущего «Поля чудес», такая мысль возникла у многих. Здесь произошла парадоксальная, а может

быть и закономерная, вещь. Когда человек смотрит на профессиональную, а значит, легко выполняемую работу, ему кажется: я сделаю то же самое, элементарно. И при собеседовании всё было отлично: язык подвешен, реакция нормальная. Но когда человек брал микрофон, выходил в свет и начиналась игра – куда всё девалось...

Конечно, многое приходит с опытом, но вот это изначально: это легко, я это сделаю – губило всех. А вообще я этим ребятам благодарен, их вины здесь нет. Мы искренне хотели найти ведущего, я с каждым из них разговаривал, предостерегал, чтобы ни в коем случае не повторяли меня. И Лёню предостерегал, чтоб он не смотрел мои программы. А сейчас мы с ним придумали несколько элементов, которые будут свойственны только ему, и если эти вещи сделает кто-то другой, это будет просто дико. Постепенно мы начнём их вводить, и, я думаю, зрители довольно быстро привыкнут.

– Листьев продолжает оставаться президентом программы?

– Это Лёня придумал такой титул. Я совершенно обалдел, когда услышал в программе... Говорю: «Лёня, какой президент?! У тебя крыша поехала. Ты брось свои конкурсы красоты...» Да, как ведущий я ушёл, но руковожу программой, продолжаем работать вместе с Лёней, с Наташей Чистяковой, которая призы выносит. Я заинтересован в успехе этой программы и сделаю всё, чтобы при Лёне она была не менее популярна.

– Новая программа «Тема» – совершенно другого плана...

– Я далёк от того, чтобы с чем-то сравнивать, но мы хотим сделать разговорную программу типа «Донахью-шоу» с сюжетами на ту или иную тему. Уже само название позволяет затрагивать абсолютно любые вопросы. Не будем трогать только политику, хотя косвенно любая тема будет выходить на какие-то политические аспекты. Мы не будем конкурировать ни с одной из информационных программ, и темы у нас будут морально-этические, скандальные, любопытные и т.д.

– Влад, такой стандартный, но, считаю, довольно важный вопрос: много ли друзей?

– Друзей много быть не может. Есть несколько человек, которые остались от старой, дотелевизионной жизни. Когда человек становится известным, у него «друзей» по разному поводу появляется достаточно много. Но есть настоящие друзья (во всяком случае, как мне сейчас кажется), которые появились уже в этот период и которым я по-настоящему благодарен.

А товарищей – по работе, по совместному проведению времени – достаточно много. Я очень люблю красивых, умных людей с чувством юмора. И мне трудно общаться с теми, у которых этого чувства нет. Передо мной как будто стена сразу возникает... А вообще времени на общение практически не остаётся.

Читаю вечером, ночью. Когда в машине перемещаюсь – или читаю, или просматриваю бумаги.

– Про женитьбу...

– Да, я женился в третий раз. 31 декабря 1991 года в 17 часов 30 минут мы расписались. Моя жена – реставратор станковой живописи, работает в Музее искусств народов Востока. Зовут её Альбина.

Мы знакомы с моей нынешней женой три года, и за это время у нас было всё, что только можно придумать в личных отношениях, как с моей стороны, так и с её. Будем считать, что мы прошли огонь, воду и медные трубы. И я должен сказать, что это очень хорошая школа жизни. Поэтому это был достаточно сознательный шаг с обеих сторон. И я думаю, что это последний брак и с её стороны, и с моей.

Я должен сказать, что у меня есть двое детей от предыдущих браков. Я безумно люблю своего сына Сашку и в то же время сознаю, что я не очень хороший отец и воспитатель, потому что крайне редко с ним вижусь. Но сейчас он уже подросток, во втором классе, и наши отношения будут складываться по-другому. Хочу заключить с ним контракт, чтобы он работал, мы с ним уже договорились.

– *Контракт? Во втором классе?*

– Да, летом он будет работать на студии – подметать пол, убирать, научу его работать на компьютере.

– *Как бы трудовое воспитание?*

– Что значит «трудовое воспитание»? Нормальная работа. Это мы придумали название тому процессу, который идёт во всём мире. Человек выходит в очень жёсткий мир, где ему нужно будет бороться, нужно будет выживать, тем более если он заведёт семью. «Спасибо», наши женщины вырастили уже достаточное количество инфантильных мальчиков, о которых заботятся всю жизнь и которые до 40 – 50 лет остаются мальчиками.

– *Первая тема новой одноимённой программы была посвящена тому, что при разводе в большинстве случаев дети остаются с матерью. Выбор темы продиктован личным не очень приятным опытом?*

– Нет, я бы не сказал. Я выбираю темы не только потому, что лично мне это интересно (конечно, отчасти и поэтому тоже), но в основном потому, что это должно быть интересно большинству телезрителей. Когда снималась эта первая программа, мне всё, практически всё напомнило начало «Поля чудес». Всё то же самое: неготовая студия, «сырые» зрители. Поэтому я даже не удивился, когда звуковой пульт привезли за 10 минут до начала съёмки, хотя он был заказан за две недели. Так что на этом телевидении всё остаётся по-прежнему. И всё нужно менять.

Глава 14. ЭРНСТ. ЭПИЗОД ЧЕТВЁРТЫЙ (БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКИЕ)

Большие сомнения

Читал на каких-то компромат-сайтах, что любимое словечко Эрнста – «кровник». Что он злопамятен и мстителен. Может быть, может быть. Непонятно только тогда, почему по сию пору выходит газета «МК» и живёт-здоровствует журналистка Элина Николаева. Хотя, с учётом влияния Эрнста, должны по логике вендетты быть стёртыми с лица земли.

Я никогда не видел Константин Львовича столь подавленным, как 22 октября 1999 года, на следующей день после выхода статьи «Константин Эрнст – облако в штанах».

Той осенью, после десятилетнего перерыва, мы пересекались регулярно. Трижды в неделю Борис Березовский собирал медиа-штаб в пенальном кабинете Бадри Патаркацишвили на втором этаже здания ИТАР-ТАСС. Костя крайне редко пропускал эти утренние сходки, и тогда его замещала Кошка (Татьяна Кошкарёва), руководившая Дирекцией информационных программ ОРТ на пару с Рустамом Нарзикуловым. Другими постоянными участниками бодрящих «мозговых штурмов» были главред «Новых известий» Игорь Голембиовский (в его отсутствие – владелец газеты Олег Митволь), глава ТВ-6 Александр Пономарёв, шеф «Коммерсанта» Леонид Милославский (которого позднее на этих сходках сменил главред-хитрован Васяня – Андрей Васильев) и, конечно же, Демьян Кудрявцев. Главные редакторы «Огонька» и «Независимой», которые тоже принадлежали Борис Абрамычу, появлялись крайне редко, поскольку не вписывались в тренд. Я вынужден был посещать эти тусовки, поскольку планировалось перевести команду Голембиовского на «Российскую газету», а мне предстояло перепрофилировать «Новые известия» в боевой листок светского жанра (мы с Димой Быковым даже, разминки ради, запустили хулиганское еженедельное приложение к газете – «Московская комсомолка»). Несколько раз присутствовал Сергей Доренко. Спустя много лет именно в этом кабинете узрел Сашу Невзорова. Пару раз заходила красавица Наталья Геворкян, забиравшаяся с ногами в кресло рядом с Борей и вещавшая что-то абсолютно нелепое и до стыдобы банальное про «порядочных людей». Однажды пересёкся там с поэтом земли русской Андреем Орловым – Орлушей. И возможно, не все там были поклонниками талантов Эрнста. Но статью прочитали все. И на Костю смотрели с любопытством. Березовский с присущей ему ироничностью пробросил Косте:

– А я не знал, что ты у нас «голубой».

Все прыснули. Костя, имевший гусарскую репутацию ловеласа и мутивший тайные романы с юными певичками, взбледнул лицом, но тему форсировать не стал.

Тогда шла война. Информационная. *A la guerre comme a la guerre*. Решался вопрос, кому на Руси будет жить хорошо. К власти мог прийти тандем Лужков-Примаков. Поэтому Борис Березовский подключил весь свой медиаресурс, чтобы не допустить отката назад. Война. Но даже для тогдашнего накала страстей, даже как ответ на антилужковские эскапады Сергея Доренко тональность той заметки в «МК» была за гранью добра и зла. Цитировать не решусь.

Очевидно, что способная и напористая Элина Николаева без всякого репортёрского вдохновения выполняла «волю партии и правительства». Получилось так себе. С одной стороны, на Эрнста в тексте накатили за то, что, дескать, неисправимый бабник. Тут же, парой абзацев выше, обзывали «голубым» на

основании дружбы с Примадонной и растолковывали изумлённому читателю, что культовый кинокритик перестроечной эпохи Сергей Шолохов получил эфир на Первом через койку. «В коридорах ОРТ видели, как Эрнст расцеловывался с очень большими членами нетрадиционной ориентации из правительства». Какой-то бред. Таким же навороченным стилем писали в НКВД признания под пытками сломленные большевики: мол, да, не только работал на иранскую разведку, но и планировал прорыть тоннель от Ленинграда до Нью-Йорка через земное ядро, напрямую. Чтобы у людей со здравым смыслом хватило ресурса «догнать», что исполнено из-под палки. Я же говорю. Война. Пленных не брали, сдавали своих.

И Элину Николаеву на телевидение я привёл буквально за руку. Познакомил с Андреем Разбашом; они пытались замутировать какую-нибудь богемную передачу в рамках компании «ВИД». Эрнста она знала лично, очень даже им интересовалась и через меня пробивала – как можно бы с «матадором» познакомиться поближе, в койку его уронить.

Я ей сразу сказал, что она не вписывается в Костин типаж.

А он у него, по моим наблюдением, был такой.

Ему нравились девушки, внешность которых в двух словах можно было описать как «антипод матери».

Костина мама не любила, кстати, его товарищей. Во всяком случае, я помню, что здоровалась она всегда подчёркнуто сухо.

Интересная, дородная блондинка в теле с тяжёлым взглядом.

Маленькая деталь

Как-то я брал с собой Эрнста и Любимова в гости к Юлиану Семёнову, в его крымскую усадьбу на горе, в Мухаладке. Помимо прочего, писатель рассказал об убийстве Семёна Цвигуна, который был женат на сестре генсека Брежнева.

На обратном пути Константин рассказал, что из-за книги этого генерала у него испорчены отношения с матерью. У них в классе все зачитывались шедевром, одним из соавторов которого был контрразведчик Цвигун. Книжка переходила из рук в руки как почётное красное знамя ударника комтруда. Давали её всего на один день строго: хочешь – ночь не спи, но следующим днём верни на первом же уроке. Костя не вернул. Его избили в физкультурном зале. Серьёзно избили, решив, что ловкач решил зажать раритет. Потом мальчик узнал, что книгу взяла его мама, «на почитать». В тот же день потеряла, забыв в автобусе. Сыну ни слова при этом не сказала. Такая история.

Возвращаясь к типажу. Косте не нравились самоуверенные, рослые, спортивные, грудастые шатенки вроде Элины Николаевой. Его всегда привлекали миниатюрные брюнетки. С горящими живыми оливами вместо холодных серых очей. В эту категорию, по мне, вписывается и мать дочери – Александры Константиновны Эрнст, театровед Анна Селюнас, которая после родов (1995) работала у «видовского» директора Саши Горожанкина главредом журнала «МузОБОЗ». Такой же субтильной брюнеткой была и «Маленькая» Макаревич. Та, которая познакомила меня с перспективным биохимиком из Ленинграда.

Глава 15. ПРОЕКТ. ЭПИЗОД ПЯТЫЙ. ЗАПРЕТ «ВЗГЛЯДА» (1991 год)

Заграница нам поможет?

Лысенко вспоминал: «Каждый выпуск сопровождался двумя – тремя часами истерик в кабинете зам. председателя Гостелерадио Петра Николаевича Решетова и швырянием бумаг с криками «Запрещайте передачу!» – «Нет, запрещать не буду, сокращайте». – «Сокращать не буду». Это вообще отдельная история: передача ведь шла два раза: утром для Камчатки и Восточной Сибири – её смотрело начальство и требовало вырезать какие-нибудь самые острые репортажи, по несколько часов шла дикая война по поводу сокращений. У нас была очень хитрая технология: в каждой передаче для Камчатки были заранее заготовленные «собачки». Вот так Коровин на каждой картине рисовал собачку. А зачем «собачка»? Чтобы, если кому-то что-то не нравилось, убрать её, а остальное не трогать, наоборот, вставить вместо «собачки» то, что нужно. Но ещё всегда на столе стоял телефон – это была связь со мной. Как только неудачно что-то говорили или мелькала опасная фраза, я нажимал на кнопку, и телефон начинал моргать. Камера немедленно отодвигалась в сторону, ребята брали трубку, и я говорил: скажи то-то и то-то, и острые моменты отыгрывались».

Проект всё-таки закрыли, хотя, казалось бы, должен был выработаться иммунитет к запретам: насколько помню, почти из каждого выпуска вырезали какой-нибудь сюжет (напомню шутку: лучшее во «Взгляде», как в говядине, – вырезка). Помню, что в 1988 году Сагалаев запретил выдавать в эфир интервью Киры Прошутинской с Владимиром Васильевым, который зачитал открытое письмо Григоровичу. Таким примеров – дюжины.

Дмитрий Захаров вспоминал: «Зимой 1990 года, когда в последнюю предновогоднюю пятницу накануне выхода в эфир очередного «Взгляда» в студии появились несколько человек в штатском и арестовали весь смонтированный для передачи видеоматериал, я написал в «Огонёк» статью «Под надзором». Речь шла о том, что старая партноменклатурная гвардия начала наступление на демократическую прессу, в частности на нашу передачу. Это был крик души, был момент, когда от действий телечиновников у «взглядовцев» просто опустились руки. Статья появилась как раз вовремя: в редакции газет и журналов приходили мешки писем, все спрашивали: «Где «Взгляд»?». Люди тогда очень активно реагировали не только на выход, но и на невыход передачи. Чиновники дали обратный ход: спустя неделю «Взгляд» опять был в эфире».

Но! 26 декабря 1990 года руководство Гостелерадио СССР запретило выход в эфир новогоднего выпуска легендарной программы «Взгляд».

Сперва накат носил негласный характер. Мотивирован был тем, что в студию пригласили министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе, выступившего накануне с невнятной, но пламенной речью, предвещавшей скорое наступление некой диктатуры. Чьей? Почему? Когда? Никто ничего не понял, но все желали знать, отчего «в знак протеста против надвигающейся диктатуры» близкий соратник тогдашнего президента державы Михаила Горбачёва – Горби вдруг подал в отставку и покинул ряды компартии.

Последовавший за этим невыход в предновогоднюю пятницу (28 января 1990 года) культовой передачи и вовсе потряс общественность. Этим вечером Игорь Кириллов, который был модератором всего блока программ телекомпании «ВИД», нокаутировал «взглядовских» фанатов сдержанным сообщением.

Ведущий по-домашнему тепло сказал: «Взгляда» сегодня не будет. И пояснил: по политическим, мол, мотивам.

Всё это, по-моему, смахивало на грамотно сработанный вход в новый уже сюрреализм. Мне всегда нравился ветеран нашего ТВ. Но особенно в контексте «молодёжки». Это во-первых. А во-вторых, всё, что произносится шикарным кирилловским тембром, ассоциировалось (не только у меня, предполагаю) с чем-то официально непререкаемым. Как гранит Мавзолея. Как первая страница «Правды». Как танковый ход по пражским мостам 68-го года. То есть так, а не иначе. И поэтому, когда модератор «ВИДа» говорит, что сегодня будет то-то и то-то, я знаю – будет. А когда говорит – нет...

Ровно через две недели (11 января 1991 года) в так называемый «последней студии» Кириллов без тени иронии красиво пройдёт на счёт погоды:

– Оттепель закончилась. Наступают крещенские морозы.

И наезд камеры на «шапку» «МК»: «ВЗГЛЯД – ЗАКРЫТ!» Не надо быть сверхпроницательным, чтобы расшифровать кирилловскую реплику. Там, «где блещут за иконой ножи, где в грязи обручилась с весенним дождём стужа», – слово «оттепель» не просто ностальгическое понятие; это уже всё больше смахивало на пущенную по кругу невесту.

Первый зампред Гостелерадио СССР П. Решетов, который вскоре подпишет распоряжение о едва ли не полном разгроме программы, по поводу 28 декабря 1990 года заметил:

– Решение это было общим. Мы – руководители ЦТ – не могли отказаться от своих позиций. Они – авторы «Взгляда» – от своих.

Председатель высказался менее определённо:

– Мы говорили с Любимовым и о деликатности ситуации, и о том, что вряд ли сам Шеварднадзе придёт в телестудию. И меня удивляет, что этот, в общем-то, спокойный разговор теперь столь странно препарируется.

На следующий день председатель Гостелерадио СССР Леонид Кравченко вынужден был выступить в прайм-тайм по Первому каналу с детальными объяснялками. В своём монологе от 29 декабря он рассказывал возбуждённым зрителям о «неготовности программы, о нежелательности обсуждения темы отставки министра иностранных дел в связи со сложностью политической ситуации в стране» и так далее. В заключение дал гарантии, что передача в следующем, 1991 году обязательно будет стоять в сетке.

* * *

Позднее на страницах «Нового Взгляда» Леонид Петрович Кравченко вспоминал:

– А вы знаете, почему вообще появилась эта передача? Однажды член Политбюро Александр Яковлев пригласил меня и рассказал, что КГБ прекращает глушить западные радиоголоса и в связи с этим надо бы придумать, чем увлечь нашу молодёжь, которая слушает эти программы рано утром и поздно вечером. Так появились «90 минут», которые позднее переименовали в «Утро». По пятничным вечерам стал выходить «Взгляд», «До и после полуночи». На радио – «Молодёжный канал», «Панорама маяка». Эти программы сразу вызвали споры, сначала по поводу музыки. Лигачёв настаивал на том, что надо избавиться от рок-музыки в эфире и заменить её народной или классической. Моя же позиция заключалась в том, что молодёжь мы от радиоголосов не отвлечём, если рано утром пустим хор Пятницкого. Три раза этот вопрос рассматривался на самом высоком уровне, и, как вы знаете, и рок-музыка, и «Взгляд» остались.

Позже в драматической истории со «Взглядом» сыграло свою роль недовольство Горбачёва, которое тот испытывал по отношению к программе, направленной прямо против него (тем более что её вели

народные депутаты России). Горбачёв сам не мог потребовать закрыть «Взгляд», но от людей, чьи должности были чуть пониже, поступали совершенно определённые указания. Мне приходилось самому разговаривать с ними, успокаивать, объяснять, что мы живём в условиях многопартийной системы... Но это почти не помогало и, кроме того, всегда оставалось за кадром. Мне очень горько, что я стал тем человеком, с именем которого стало принято связывать историю с закрытием «Взгляда». И это вдвойне горько потому, что именно при мне передача создавалась. Никто из ведущих «Взгляда» об этом никогда не забывал. Я участвовал в просмотре различных программ, их обсуждении. Мои редкие вмешательства сводились к тому, что я мог как-то изменить монтажный лист, поменять порядок сюжетов. Конкретными же выпусками занимался главный редактор программы «Время» Ольвар Какучая и, конечно, тот куратор от руководства, который был назначен. Последний месяц моей работы на ТВ таким куратором был Григорий Шевелёв, который сам в прошлом руководил редакцией информационных программ. Ему я передавал все идущие на меня звонки, вплоть до президентских, и он действовал сообразно пожеланиям руководства. Телефоны буквально были раскалены, и я часто оказывался в роли буфера между недовольными начальниками и коллективом, которым руководил. По-моему, основной бедой телевидения были и остаются «вертушки». Существует первая правительственная связь, вторая, прямой (односторонний) телефон с президентом. Не всегда разделяя взгляды президента, я вынужден был выполнять его волю. Теперь понимаю, что мне чаще следовало иметь более самостоятельную позицию. Но о моих сомнениях знали только в семье. Жена Галина работала тогда в «Известиях». Я всегда доверял ей, рассказывал о своей работе. Она не раз советовала мне бежать куда глаза глядят. И жена была права: пришло время, когда дело приняло по-настоящему серьёзный оборот, – в феврале прошлого года я оказался под постоянной охраной КГБ... Это была не жизнь, а кошмар. Офицер ГБ встречал меня у входной двери и вёл затем к машине, в которой сидел шофёр-комитетчик. Меня даже сочли возможным «на всякий случай» познакомить со способами моего устранения. Особенно погано я себя чувствовал в дни августовского путча. В голову лезли всякие дурные мысли: я так и не привык к своему положению пленника.

И мне часто вспоминают то «Лебединое озеро». Но ведь оно было объявлено в программе задолго до 19 августа. То, что мы не сломали программу, не вина, а заслуга. Иначе на телевидение устремились бы различные политические деятели с заявлениями в поддержку ГКЧП. Желающих было не счесть...

* * *

Итак, канун нового, 1991 года. В своём необычном (не менее от этого сенсационном) телевизионном выступлении Кравченко подчеркнул, что запрета на имя Шеварднадзе не существует. Он оказался, пожалуй, прав. Тема была лишь предлогом. Для отставки «Взгляда». Станным всё-таки образом совпали отставки. Забавно распорядилась легкомысленная старушка Фортуна. Ведь некогда именно по инициативе Шеварднадзе, невзирая на ропот тогдашнего руководства ЦТ, «взглядовскую» бригаду отправили в его, министра, африканское турне.

И там журналисты увидели подлинное закулисье большой политики. Как, например, лидер свежеиспечённой страны, оттянувшись на размашистом банкете, просто проспал программное свидание с министрами ведущих держав. Как позднее сами министры устраивали тайное ночное рандеву во временной резиденции Эдуарда Амвросиевича, обсуждая дипломатическое ЧП. Как блистательно работает охрана из «девятки». Выросшие из кустов чекисты деликатно тормознули режиссёра Ваню Демидова и стоявшего «на атаке» Любимова:

– Мы-то вас знаем, но ведь ребята Бейкера могут, не разобравшись, и прихлопнуть.

И вот 2 января, в положенное послеобеденное время, заместитель председателя Гостелерадио СССР Григорий Шевелёв получил от куратора «Взгляда» Анатолия Лысенко вёрстку нового выпуска,

дублирующую местами предыдущую заготовку. Около шести вечера Шевелёв переговорил по телефону с тогдашним главредом «молодёжки» Александром Пономарёвым, и последний виртуозно уговорил начальника дать выпуску «зелёный свет».

При этом Шевелёв был информирован: гостями студии будут двое помощников Шеварднадзе. На следующий день, примерно в час ночи, зампред пробил отбой:

– Я всю ночь думал и понял: я принял скоропалительное решение.

Владислав Листьев комментировал этот поворот на 180 градусов спокойнее, чем можно (зная его) ожидать:

– Мы снова попали в ситуацию, когда творчество на 80 процентов состоит из пробивания материала. Противостоящая сила остаётся неведомой.

Напомню, накануне выхода программы в эфир редакторы в дежурном порядке подтвердили приход во «взглядовскую» студию «политобогревателя» Бовина (коммент по теме «Уходящий комми») и генерала Родионова (коммент по теме «Военная реформа»). И, договариваясь с гостями, сотрудники «молодёжки» ещё не подозревали, что Шевелёв к тому моменту уже оповестил обоих Александров (Пономарёва и Любимова) о том, что эфира вновь не будет!

Насколько помню, Шевелёв впоследствии заверял, что ни Леонид Кравченко, ни пасущий «Останкино» зав. сектором телевидения и радиовещания ЦК КПСС Айгар Мисан на него не давили, он просто сам, дескать, всю ночь обдумывал ситуацию и решил-таки, что со своим «зелёным светом» поторопился. Видно, ему, как и многим телебоссам, было неясно, каков истинный расклад в верхах, чем закончатся кремлёвские тёрки и куда на самом деле дует ветер.

Менее чем через неделю ведущие придут к выводу: атака на программу, возможно, санкционирована Горбачёвым. Помню, во время одного из эфиров к столу ведущих подошёл Лысенко и, лукаво посмеиваясь в усы, рассказал стоящему рядом выпускающему Андрею Шипилову:

– Мне... пожаловался, что его «гаишники» на десятку штрафнули. Ругался. Всё, говорил, из-за твоих, мол, борцов с привилегиями. Обзывал мальчиков ельцинскими гадёнышами.

Начальник большой привык к тому, что его чёрный членовоз никто не смеет останавливать. Он привык дышать по-хозяйски грязным воздухом Москвы. И ненавидеть «журналюг» (У Градский) привык за три года существования «Взгляда». Но не подозревал, что останется в системе координат всё тех же привилегий. Просто в новой России никто не будет обращать внимания на газетные публикации и ТВ-сюжеты. И «мигалок» пресловутых станет больше.

Таким образом, 4 января 1991 года программа «Взгляд» снова не вышла в эфир. Напомню: ТВ тогда было предельно политизированным, развлекухой не баловало, а самые яркие звёзды Центрального телевидения были параллельно и действующими политиками: ведущие «Взгляда» Александр Любимов, Владимир Мукусев и Александр Политковский с весны 1990 года всю депутатствовали в Верховном Совете РСФСР. Забавно, что Любимов, возмущённый в тот Новый год действиями цензоров, публично пригрозил такой депутатской опцией, как «обращение за поддержкой к правительствам иностранных государств», что воспринималось тогда совершенно нормально – ну куда ещё бежать за справедливостью? Конечно, к «цивилизованным» народам...

Политковский собирался протестовать по-другому – готовил политическую голодовку и/или нелегальный прорыв в эфир. Последнее, замечу, не было столь уж нереальным в контексте царивших в ту пору настроений в «Останкино» – выпускающий Андрей Разбаш вполне готов был такой демарш осуществить технологически. В кулуарах стали поговаривать о целесообразности разделения эфира на

«президентский» (прогорбачёвский) и «российский» (проельцинский), то есть назрела тема конфронтации взглядов.

Однако, поскольку на 8 января было намечено возобновление работы Съезда народных депутатов СССР, все были уверены, что в пятницу (11 января) «Взгляд» таки отэфирят. С сюжетом о Шеви (Эдуарде Шеварднадзе) или без оно. Ещё раз: в тот день «МК» вышел с помянутой «шапкой»: «ВЗГЛЯД» ЗАКРЫТ! КТО СЛЕДУЮЩИЙ?» Публикация появилась с моей подачи.

Репортёрское везение – оказаться вовремя там, где вершится настоящее. Волею, как принято изящно выражаться, случая вечером 9 января 1991 года я, повторю, был в кабинете Александра Любимова. Делал вид, что сосредоточенно читаю вёрстку программы (которая планировалась к выходу послезавтра) и не прислушиваюсь. Не прислушиваюсь и не слышу будничных, как бы отрепетированных разборок. Мне казалось, что у меня получается. Нет, конечно, я не рассчитывал, что меня не заметят вовсе...

Тогдашний руководитель молодёжной редакции ЦТ СССР Александр Пономарёв, принёсший злополучную бумагу, закончив переговоры с хозяином кабинета, уже в дверях бросил мне своим стандартно-утомлённым тоном:

– Додолев, моё имя нигде упоминаться не должно. Этого я тебе не прощу, – и прошёлся по моему лицу прицелом прищуренных глаз.

У Саши очень изысканное чувство юмора, и я не всегда врубался: шутит он или «в виду имеет».

– Эта фраза, между прочим, классное начало для материала, – вяло отшутился я, думая одновременно: надо ли мне как-то прощаться с человеком, который не поздоровался, и второе – как всё-таки начать заметки? А то, что я об этом рано или поздно напишу, мне было ясно.

Концепция нового телевизионного командира Кравченко – не надо политических программ, зритель устал от серьёзных проблем, ему хочется расслабиться. Стало быть, и компании «ВИД» надо заниматься развлекаловкой? Пусть себе Листьев, мол, резвится с «Поле чудес». Но... 4 января 1991 года вместо «Взгляда» был показан странноватый фильм. Под грозным названием «Лицо экстремизма». Не надо быть суперпрофессионалом, чтобы предположить – фильм этот делался скорее всего не на ЦТ (например, озвучка проложена без интершума, то есть дикторский текст не пересекается со звуками исходного материала, тоже, кстати, весьма грязноватого, то ли списанного с чужих экранов, то ли попросту любительского). «Лицо экстремизма» – кусочек отчаянно политизированный. Не со всяким выпуском «Взгляда» по этой самой политизированности эту ленту рискнёшь сравнить. Единственное, что могу допустить, – на ТВ (как и в стране, впрочем) левая рука не всегда ведает, что правая творит. С этим путаница. Где – лево, кто – справа. Не сразу различишь, чьи уши откуда торчат. Кто за что отвечает.

Утром ведущий ТСН Юрий Ростов залепил в прямом эфире на Дальний Восток:

– И вообще: сегодня и «Взгляд» не выйдет.

Перед этим он был накалён до предела. Его заставили читать указ о Рождестве. Целиком. Он пытался возражать, объясняя, что в программе новостей нужно просто сказать, что, мол, 7 января впервые будет праздничным днём. За всю историю советской власти. Но его, повторяю, вынудили зачитать документ. Ростов, извинившись за путаность изложения и по-деловому объяснив, что он – не диктор, сказал – искренне так – и про «Взгляд».

На майском (1991 года) фестивале «Совершенно секретно» в Доме кино я взял несколько интервью для «Взгляда из подполья». Директору Российского ТВ А. Г. Лысенко и президентскому советнику А. Н. Яковлеву задал один и тот же вопрос:

– Действительно ли Горбачёв использует Леонида Кравченко для расправы со «Взглядом»?

Оба ответили уклончиво. Хотя если свести их (достаточно компетентные, полагаю) ответы к общему знаменателю, то следует вывод: вряд ли у руководителя развивающейся державы руки доходят и до конкретных журналистов. Как бы там ни было... Если разгром «Взгляда» вдохновил сам М. С. Горбачёв, то нелепо винить бархат портьер в успехе режиссёрского замысла. И спрашивать с гардеробщиков лишь потому, что театр начинается с вешалки. Если же президент здесь ни при чём и кто-то в очередной раз ходит с краплёного туза, то заметки, которые я планировал опубликовать, должны были послужить своего рода пособием по оптике. В том смысле, что у страха глаза велики. Одобрял лидер страны гонения на самую её, страны, популярную передачу или нет? Цепь пора было рвать. А в том, что попытка расправиться со «Взглядом» – лишь звено в цепи, я не сомневался. Кольцо.

Следующим после «Взгляда» кольцом повисла на нашей общей совести Литва. Кстати, на ТВ события эти оборачиваются внутренними разборками. Отстраняются от эфира те, кто отназывается читать официальную лагу. Тройку популярных ведущих ТСН Гурнов – Ростов – Миткова «ушли» с президентского телевидения позднее. По мнению автора «Телескопа» Дмитрия Крылова (высказанному, замечу, в частной беседе на пляже сочинской «Жемчужины»), наши ТВ-звёзды становятся досадными жертвами собственной беспечности и пренебрежения солидарностью. «Взгляд» не помогал своим коллегам, когда на них наезжало начальство, ТСН же не решалось рискнуть своей славой, вступившись за «мальчиков» из «ВИДа». Постепенно само название опальной передачи табуировалось на кравченковском ТВ. «Добрый вечер, Москва!», готовя передачу о конкурсе «Мисс Пресса СССР», застенчиво представила «Мисс «Взгляд» Яну Чернуху как «Мисс Центральное телевидение». Похоже, что авторы фильма о журналистском конкурсе решили выглядеть более крутыми цензорами, чем сам Кравченко, подобно средневековым инквизиторам, пытавшимся слыть большими католиками, нежели папа римский.

Начало 1991 года выдалось для «Взгляда» (и других) нелёгким. К сожалению, по уже наметившейся инерции поредели ряды ведущих. Ушёл в кабельное ТВ Владимир Мукусев, «хлопнув дверью» в «Огоньке». Покинул «ВИД» Дмитрий Захаров, ушедший вместе со своими, бесспорно интересными, «Ведями». И прихватил одного из талантливейших режиссёров, Игоря Иванова. «А сплочённость рядов есть свидетельство дружбы или страха сделать свой собственный шаг?»

Современной молодёжи трудно представить себе тогдашнее влияние на политическую жизнь отечества журналистов вообще и «Взгляда» в частности. Им не прочувствовать размаха того ТВ-феномена, не представлявшего из себя с профессиональной точки зрения ничего особенного, но тем не менее вцементированного в набухшие рекордами страницы Книги Гиннесса. «Взгляд» был настоящей легендой. Ему не было равных. И нет. И не будет. Ни по рейтингу, ни по результативности, ни по пафосу. Для могущественнейшей державы мира пятничные вечера были мерилом свободы. Хотя, повторюсь, ничего такого, что поразило бы зрителя нынешнего, в проекте не было.

Конец зимы – начало лета

Год номер 1991, как и предвещали мрачные гороскопы, выдался для «Взгляда» тяжёлым. Умело оперируя вечным тезисом «Разделяй и властвуй», командиры нашей жизни сумели рассеять самодовольные «взглядовские» ряды. Весной (1991 года. – *Ред.*) «Взгляд» ушёл в подполье; Любимов и Политковский организовали штаб в гостинице «Ярославская». О выпусках «Взгляда» на сибирских просторах другие ребята узнали, лишь прочитав заметку в «Известиях». Третий «взглядовский» депутат, Мукусев, отснял несколько выпусков самостоятельно и коллег об этом не проинформировал. Это к вопросу о сплочённости рядов.

Накануне рижского эфира (май) Любимову рассекли голову в местном ресторане. Бутылкой. Зато, что из «Взгляда». Сотрясение мозга, разбитый левый глаз и глубокие царапины на правой щеке не помешали ему появиться на латышском экране. Но беда не ходит одна. В студии начался пожар. Наглотавшись пластикового дыма, Политковский воззвал к пожарникам: если, мол, вы нас видите, приезжайте поскорее, потому что хотелось бы ещё кое-что показать, сказать кое о чём. Добавлю, что в начале мая Любимов попал в ДТП. В странное, на мой взгляд. Такой год. Срываются переговоры с западными партнёрами. Подводят отечественные. В райпрокуратуре, согласившись с тем, что надо возбуждать уголовное дело, передали материалы в прокуратуру Москвы: Кравченко фигура не районного масштаба. Горпрокуратура с шефом ЦТ связываться не пожелала. «Взгляд» всё-таки свой иск дождал, и вельможного оппонента опальных журналистов вызвали на допросы. В Прокуратуру СССР. Ждать, что справедливость восторжествует в стране беззакония, гордящейся потугами построить правовое государство? Смешно... Им никогда не придётся отвечать за содеянное. Ворон ворону... «Золотая рота», браво пропивавшая державу, чувствует себя за дачными заборами куда увереннее тех, чью кровь они привычно пили. Развалил целую отрасль, заработал репутацию подлеца? За это – персональная пенсия, машина, «кремлёвка», супердача, упакованная прохладным сосняком, и надёжная охрана. Если бы охранники следили затем, чтобы подопечный не вернулся в своё кресло, – полбеда. Нет, их охраняют от озверевших преступников, которых они выращивали поколениями. Их сыновей не избивают, их дочерей не насилуют в лифтах, их матерей не оскорбляют уличные молодчики, их отцы имеют право на ношение оружия.

1989 год (репетиция)

Не первый раз власти закрывали проект. Когда в конце 1989 года «Взгляд» не вышел в эфир, много шума было из-за заметки в «МК» под названием «Взгляд» арестован». На самом деле арестованы были рулоны (видеоматериалы). «Арестовывать» – стандартный телевизионный сленг. Применительно к лентам, а не к людям, конечно. Есть и ещё один жаргонный глагол – «убивать». Это значит размагничивать рулон, уничтожая всю информацию. Если в 1990 году так называемый мастер (лента, с которой идут в эфир предварительно записанные сюжеты, разбиваемые фрагментами живой студии) попытались всего лишь навсего арестовать, то последний, предновогодний рулон был убит. Как выяснилось – вместе с программой.

По поводу «Взгляда» конца 89-го ходили нелепые слухи, что он-де был снят из-за некоего интервью Галины Леонидовны Брежневой, в котором она якобы рассказывала про свои ювелирные взаимоотношения с Раисой Максимовной Горбачёвой. Я утверждаю: Брежнева никогда не давала интервью «Взгляду». У меня была лишь договорённость со знаменитой дочерью многозвёздного генсека о беседе. Я, увы, так с ней и не встретился, поскольку она всё время откладывала момент нашего randevu из-за неясности расклада с её дачей в Одинцовском районе. Потом же, когда легендарная дочь выиграла процесс и чурбановская дача осталась за ней, было уже поздно. И я в очередной раз выпал за рамки передачи из-за своей недисциплинированности в студии. Перед дальневосточным эфиром наклеил себе «листьяевские» усы. Отодрал их в первые же экранные мгновения, заметив что-то насчёт мании величия. Естественно, на московский эфир после шумных разборок, вместе с усами, чуть не был выкинут... Но это – другая история.

1990 год – ... (сентиментальное)

Постепенно, не сразу (в этом сезоне именно) «Взгляд» стали поджимать основательно. Не посужето, а целыми выпусками. Напомню: в 1989-м, прежде чем скандально грохнуть предновогодний выпуск, сняли воскресный «Взгляд» (да-да, и такие воскресения были; увы, на ТВ всё быстро забывается). В этот раз всё развивалось по схожей схеме. 21 декабря зрители большей части по-сибирски необъятных наших территорий передачу не увидели. После того как А. Политковский (впервые, кстати, и блестяще отыгравший «Взгляд» сольно) поздравил дальневосточных тюленей и рыбаков с юбилеем Гдляна (Тельману Хореновичу накануне, 20-го, исполнилось ровно пятьдесят), передача была с плавностью дантиста вырвана со всех «Орбит». На Европу советско-финский выпуск программы-лидера вышел без эксцессов. Но репетиция запрета прошла.

Запрет на эфир 11 января грянул во вторник. Такого никогда раньше не было. Это, по-моему, доказывает, что он (запрет) был запланирован. Обычно запрещали накануне, после отсмотра помянутых «мастеров». Вот что я знаю. Знаю с документальной достоверностью, хотя понятно: это не всё. Пожалуй, стоит пояснить, отчего этот текст выполнен в раздражающем отечественного читателя ключе: всё обо мне и немного о «Взгляде». Во-первых, главное, не оставить прочитавшего равнодушным, а вызвать ненависть всё равно что побудить любовь – эмоции одинаково режущи. В этой стране любят вполголоса, зато ненавидеть умеют по-коммунальному изобретательно и по-митинговому масштабно. Школа десятилетий.

Покойный Башлачёв: простим всех тех, кто пел не так, но тех, кто молчал, давайте не будем прощать. Я, повторюсь, люблю эту программу. Хотя много было моментов нервных. Помню, как один из «взглядовских» редакторов однажды сказал нам с А. Боровиком неверное время «орбитовского» выхода. И мы мирно беседовали с руководителем «Взгляда» А. Лысенко в просторном коридоре, напротив знаменитой студии АСБ-4, в то время, когда до нашего появления на дальневосточных экранах оставались резвые секунды. До сих пор для меня колокольные звуки взглядовской «шапки» пульсирующе ассоциируются с неровным стуком сердца. Я помню, как оно, моё сердце, раскачивалось, когда я суетливо стаскивал с себя мятую рубашку и, матерясь, спешно напяливал «взглядовскую» майку с надписью «Перестройка». А Боровик, уже сидя рядом, дрожащими руками заученно пристёгивал к традиционной униформе (он успел надеть её раньше) студийный мини – микрофон...

Через рваное мгновение мы должны были здороваться со зрителями, и сверху, умноженный усилителями, нёсся крик режиссёра Татьяны Дмитриковой:

– Додолев, ты же голый!

Я рухнул в кресло, видя свой бросок на студийном мониторе. Почти в эфире.

Конкуренция + завидки

Планировался переход «ВИДа» в Российское телевидение. И эти планы не возбуждали благожелательный энтузиазм тех, кто уже там работал. Один из них сказал: «Они же нас быстро подвинут. Не фига приходить на готовое. За что боролись, на то и напоролись. Стоило прогнуться перед коммуняками, чтобы потом ткнуться мордой во всё это дерьмо, которое они представляют как политическое гонение? Они уже ушли туда, откуда не возвращаются». (Палец вверх.) Имеется в виду «звёздная» болезнь, мешающая ведущим трезво оценивать расклад.

Даже Митковой отказали в приёме на работу. Имею в виду информационный департамент РосТВ. Она пошла работать в другую редакцию телевидения Попцова – Лысенко. Потому, что в информации уже работал её экс-соратник по ТСН Гурнов. Тот самый, которого она однажды сдала в эфире (те, кто видел тот скандальный выпуск, поймут, о чём я, тем, кто не видел, – объяснить всё равно не сумею). «Он пришёл к нам раньше». Аргумент, конечно. Аргумент. То, о чём говорил Д. Крылов. Невозможно личные амбиции подчинить высшим целям. Невозможно. И, по-моему, не нужно. Во всяком случае, одно успокаивает. Мудрый Лысенко, когда я пытался наехать на него с вопросом о репортёрской солидарности, заметил: у всякой передачи есть её звёздный час. Взлёт и падение. «И часто падением становится взлёт». Вдруг в том, что «Взгляд» сшибли, а не дали мирно уткнуться в испачканную слюнями подушку, есть какая-то неведомая пока истина. Какая-то правда.

...Я люблю эти 70 – 90 минут экрана. Я буду любить. Что бы ни произошло. И кто бы из «Взгляда» ни ушёл. Александр Политковский настаивал:

– «Взгляд» стал первой жертвой смены горбачёвского курса.

Его взгляды так и не совпали со взглядами самой популярной передачи. Во время памятного многими несанкционированного (попросту взятого нахрапом) интервью Горбачёв обещал Любимову, что придёт в гости к «Взгляду», когда это мистическое совмещение грянет. Саша напомнил президенту о его обещании, когда Михаил Сергеевич летом 1990 года был в «Останкино». Задеревенела неловкая пауза. Чтобы её разрядить, кто-то из руководства пробросил:

– Михал Сергеич, «Взгляд» – популярная программа, у неё очень высокий рейтинг.

Горбачёв тогда громко отшутился:

– Вот когда у меня будет такой же высокий рейтинг, – улыбнулся он, – тогда и приду.

Все с пониманием нарисовали улыбки на ожидающих лицах. Подумалось, что это уже не произойдёт. Никогда. Я про рейтинг. Я, ещё раз напомню, по воле случая находился в кабинете 12-31 (руководство «Взгляда»), когда хмурым вечером 10 января принесли распоряжение первого зампреда Гостелерадио Решетова о фактической, пусть и завуалированной, ликвидации программы.

«Взгляд» & перестройка

А ведь с этой передачи для многих и началась перестройка. Началась уже не как по-маниловски беспечный проект, обсуждаемый на некой пицундской даче под бутылочку классного сухого винца из совминовских погребков, а как государственная политика. Кульминацией этого начала стал знаменитый Апрельский пленум 85-го. А закончилась перестройка, по моему разумению, задолго до августа 91-го, в девяностом. Конечно, политологи могут иметь своё, более квалифицированное мнение. Но я отчего-то не люблю их, политологов. Не уважаю. И не верю. Лично для меня перестройка, повторюсь, началась, когда я, не будучи членом ВЛКСМ и не имея ни единого дня комстажа, смог устроиться в штат газеты МК и МГК ВЛКСМ «Московский комсомолец» (с тех пор чту Павла Гусева как редактора отважного и не управляемого властями).

Финал горбачёвских подвижек я тоже меряю по персональным меркам, по меркам своей журналистской карьеры. Здесь считаю необходимым добавить, что журналюг я не люблю ещё суровей, чем политологов, но песня сейчас не о том... Итак, по мне, закрытие популярной в ту пору программы «Взгляд», с которой я сотрудничал, стало знаком, обозначившим выход Михал Сергеича на финишную прямую...

В передаче «Взгляд», которую зрители должны были увидеть в пятницу, 11 января 1990 года, планировалось пять комментов. По одному на каждый год перестройки (так и хочется сказать: пятилетки). Закадровый текст, произнесённый бодрым голосом Александра Любимова, должен был идти как бы поверх гигантских – во весь экран – цифр (1985, ...), в которых проскакивали вполне определённые картинки. То лицо Лигачёва, то профиль Ельцина. То идущие по притихшей улице Горького размалёванные танки. Портреты перестройки...

Конечно, в том табуированном выпуске отвязался режиссёр Иван Демидов: связками для комментариев «Итогов» были снятые им зарисовки: в лесу (на самом деле рядом с телецентром) сидят Люби, Влад и Дима, в тюремных робах, на снегу у костра, и вспоминают «на зоне» о своих «взглядовских» временах!

Я процитирую отредактированные тексты тех запрещённых комментариев в порядке их появления в программе, которая так и не вышла в эфир.»1985-й. Наш первый праздничный год. Год новых ожиданий. 24 февраля Черненко голосует на выборах в Верховный Совет РСФСР и местные Советы. Его уставшее от жизни тело с трудом вносят в фокус телекамеры. После многочисленных похорон за два предыдущих года классическая музыка вместо радиопрограммы «Опять 25» раньше, чем западные радиостанции, доносит весть об очередной смерти в Кремле. Стремительная смена в высшем эшелоне пробудила во всех нас дух настоящего оптимизма. И даже первый перестроечный указ «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения» ложится на радостную атмосферу ожиданий. На фоне политических рокировок народ стоит в очередях за спиртным, на фильм Абуладзе «Покаяние». Никто не кается и не будет, но созерцание приносит не меньшее удовлетворение и веру в нового лидера, которого уважают Запад и Восток. 85-й год – год великих ожиданий. ГОД ГОРБАЧЁВА».

«1986-й. Первые противоречия перестройки. Идёт борьба с нетрудовыми доходами и развивается индивидуально-трудовая деятельность. XXVII съезд компартии разразился разрешённым свободомыслием. Последний шаг в борьбе с пьянством был традиционным – повысили цены, в том же августе принято историческое постановление о прекращении работ по переброске рек. Тонет «Адмирал Нахимов», первые полки выходят из Афганистана. Мы с удивлением замечаем, что жизнь меняется. Не нужно учить наизусть бессмертные строки вождей, можно не вступать в политические организации. Это, пожалуй, самый спокойный год. Если не вспоминать Чернобыль. Апрельский взрыв на Украине, цену

которого мы ещё не познали, стал страшным символом 86-го. Мы уже смелы, мы говорим об этом, но мы бессильны перед трагедией. ГОД ЧЕРНОБЫЛЯ».

«1987-й. Гласность в баталиях 86-го, и в прессе начинается стремительная гонка на опережение. Всё это сопровождается невиданным доселе читательским бумом. Выходят в свет первые «неформалы». Страна озабочена проблемами рокеров. Городу Устинов возвращается название Ижевск. Мы смотрим «Легко ли быть молодым» и представляем, что этот фильм и соразмеряет масштаб нашей трагедии. Истинные размеры мы узнаем позже. Красную площадь прозвали «Шереметьево-3»: Матиас Руст вызывает кадровые перестановки в Министерстве обороны. Из официальных речей исчезают лозунги перестройки. Забыто ускорение, утихают споры о госприёмке. Косметических мер стало явно недостаточно. 29 декабря новое руководство наносит первый предупредительный удар по конгломерату министерств – упразднён Госкомнефтепродукт. Ещё один год ожиданий, мы торопим время, требуем быстрых перемен и не замечаем, что в механизме уже произошло торможение. Первый кризис власти разражается в октябре на Пленуме ЦК. Борис Ельцин уходит. Это событие переросло рамки формальных чествований 70-летия революции и, безусловно, было самым значительным на третий год перестройки. ГОД ЕЛЬЦИНА».

«1988-й. Предстоит партийная конференция. Неожиданно выясняется, что делегатов можно выбрать. Это первые выборы, пока в рамках партии. На самой конференции жёсткой критике подвергается академик Абалкин – будущий шеф Госкомиссии по реформе. Забытое слово «дискуссия» обретает своё истинное значение, люди перестают принимать слова на веру. Полным ходом идёт реабилитация политических деятелей, репрессированных и запрещённых писателей. Закон о госпредприятии даёт свободу трудовым коллективам. Но они уже чувствуют на себе мягкие жёсткие объятия аппарата. После выхода закона о кооперации из-под снега вылезают первые кооперативные подснежники. Пресса ликует, рынок ждёт насыщения, но не дожждётся. К концу года предстоит кооперативное похолодание. Имя Гдляна становится известным всей стране. На скамью подсудимых садятся всё новые и новые функционеры. Названа и одиозная четвёрка делегатов XIX партконференции. Судят Чурбанова. Страна следит за развитием Карабахского кризиса. Зарубежное слово «инфляция» становится понятным до боли. Первая забастовка в магазине «Мелодия». Пока это воспринимается как анекдот. Выиграна борьба за безлимитную подписку. В Армении землетрясение. В этот год происходит консолидация правых сил общества. Борьба за миражи социализма начинается статьёй в «Советской России»: Нина Андреева не может поступаться принципами. Первые бои правые выигрывают, и это придаёт сил их лидеру Егору Лигачёву, который становится рупором целого политического направления и символом года. ГОД ЛИГАЧЁВА».

«1989-й. Резко обозначились правые и левые. Пока в литературной среде. Печатают уже и Солженицына. Страна выбирает депутатов на Первый съезд Советов. Борьба, трагедии и победы предвыборной кампании рожают надежды на улучшение. Трансляцию съезда смотрят все с утра до ночи. Падает производительность труда. Мы взглянули на себя, на своих представителей в Кремле и поняли, какие мы разные. Национальный взрыв возникает незаметно, но стремительно. Апрельская трагедия в Тбилиси. Но есть и радости – выведены все войска из Афганистана. Центр общественного внимания перемещается в экономическую область. Бастуют шахтёры. Страна напряжена как никогда. Ещё один синдром – экстрасенсы. События в Восточной Европе заставляют нас задуматься. Так мы не можем, но как мы хотим? Второй съезд. Люди устали. Они запутались и не верят. Они не хотят говорить о политике, они не хотят спорить о будущем. Ещё одна надежда – предстоящие выборы в местные и республиканские Советы. Предвестницей тяжёлых потрясений становится смерть Андрея Сахарова. Великий гуманист ушёл из жизни, оставив нас у порога 90-х в тяжёлых раздумьях. 89-й стал ГОДОМ САХАРОВА».

* * *

Сенсации тогда были еженедельными: например, Серёжа Ломакин выдал в эфир инфу о железнодорожной катастрофе; «били в набат» чиновники Министерства путей сообщения: «Кто разрешил?» Сейчас странно и смешно. Но именно «Взгляд», опередив коллег из державного «Времени», поведал соотечественникам о революциях в Румынии и Чехословакии.

Да, я был хунвейбином перестройки, я временами искренне верил тем, кому прокладывал дорогу наверх, к казне. И ни о чём не жалею, хотя моя собственная наивность меня уже не умиляет. Спустя некоторое время вернулся в эфир «Взгляд». Спустя... Спустя разборки у Белого дома и нервы августовские. Спустя... Зимой, после жаркого Августа, спустили в Кремле алый стяг большевистский. Но всё это уже совсем другая история. Другая эра. А то, что началось тогда, как-то тихонько, шаг за шагом, съезд за съездом, растворилось. Армия, которая навела изжогу на Тбилиси и Вильнюс, завязла в Грозном. Репортёры, бывшие рыцарями перестройки, теперь стали разменной монетой. Всё печально, но закономерно. И по-другому уже не будет.

Вопрос – ответ (4х4)

Прочитал в «Комсомолке» материал Александра Любимова о нео-«Взгляде»: «В современном прочтении «Взгляд» мог бы быть программой, которая в некотором смысле анархистская по отношению к современным ценностям – к коммерциализации, к безудержному потреблению, которым охвачена сегодня Россия. Будет ли это популярно, не знаю, потому что вкусить всё это ещё нужно, ещё не прошёл тот порог, когда будет создана новая культура, более сдержанная, более скромная. Сегодня каждый человек, если ему удалось купить «Рено Логан», уже чувствует себя олигархом в своём маленьком окружении. Ему это важно. Это нужно понимать. Что касается политической журналистики, очень трудно журналистам сегодня поспевать за тем, что делает правительство. Особенно когда нет ни одной оппозиционной силы, которая могла бы представить такую программу, которая бы удовлетворила хоть кого-то. И в этом есть специфика момента. Что сегодня нет ни одной силы в обществе, которая реально может что-либо противопоставить тому, что делает правительство. Что-то покричать по поводу того, что «Путин – фашист!», они могут. Или в какой-нибудь газете публиковать статьи, которые совершенно не соответствуют действительности, тоже могут. А реально противопоставить политическим и экономическим реформам всерьёз какую-то программу... сегодня такой политической силы, на мой взгляд, нет. Очень трудно журналисту в такой ситуации. Журналист же не сам по себе политик, который двигает политику, он, скорее, освещает. Он берёт что-то из той среды, в которой сам обитает».

Так возможна ли революционная по духу & форме передача, сметающая державную систему, в современной России? Двадцать лет спустя после закрытия проекта опросил некоторых к тому причастных.

Возможен ли сейчас ТВ-проект, аналогичный «Взгляду» по рейтингу и влиятельности?

Сергей Ломакин:

– Думаю, что нет. И скорее потому, что власть никогда не допустит появления на ТВ такого мощного, критически настроенного к сегодняшнему режиму инструмента. Ведь всё же «Взгляд» выполнял функцию разрушителя тогдашней власти. Даже Горбачёв не до конца понял, какого джинна выпустили из бутылки.

Анатолий Малкин:

– Новый «Взгляд» возможен, но без помощи государства, фондов, депутатов и прочих олигархов – на свободном производстве спутникового цифрового ТВ, при условии абсолютной смелости, неподцензурности, свободы информации, неангажированности и интерактивности. Если сразу не прихлопнут, найдутся небольшие деньги на оплату спутника и будут люди, согласные на работу за идею, то года через три это будет ТВ, которое будут всегда смотреть первым. А старый «Взгляд», его жизнь и судьба – яркое свидетельство того, как развивалась наша страна, общество и, главное, люди. Возможности ТВ были использованы по полной программе почти всеми, кто был при власти в чрезвычайно влиятельной, мощной по своим возможностям структуре, – вспомните судьбы и Влада, и Саши, и Вани (Демидова. – Е. Д.), и Толи Лысенко, и Эдика Сагалаева, да и других, из второго-десятого эшелонов, «делателей» программы.

Через некоторое количество лет, когда жизнь устаканилась и деньги определили новый порядок вещей, «делатели» успешно эмигрировали в жизнь, а «Взгляд» закончился.

Владимир Мукусев:

– Возможен, если Кремль всерьёз озаботится возвращением настоящей, серьёзной журналистики на телеэкран. Если это вдруг, в чём я лично сомневаюсь, случится, то нужно будет создавать не просто новую передачу, а принципиально новую медиаструктуру с соответствующим финансированием, современным техническим оснащением, а главное, подчинённую непосредственно президенту страны. Условный «Взгляд-2» должен будет стать постоянно действующим телемостом с двухсторонним движением между властью и обществом. Ядро проекта – тщательно подобранный коллектив журналистов-профессионалов, не запятнавших себя сотрудничеством с нынешним телевидением, не связанных с властными и подвластными структурами корпоративно-кредитными отношениями и «подпиской о добровольном сотрудничестве с органами».

Новая программа – это еженедельный двухчасовой прямой эфир на частоте Первого канала, состоящий в основном из материалов журналистских расследований, с обязательным участием первых лиц государства и возможностью подключения чиновника любого уровня, любого региона для ответа по существу.

Суть проекта – не «обсуждение проблем», а «разбор полётов» и главное – публичное принятие решений, в том числе кадровых.

Александр Политковский:

– Конечно, возможен. Накоплено за последние 10 – 15 лет огромное количество дерьма, которое расхлёбывать потомкам. От коррупции, которую именуют бизнесом, до убийств-подарков: человеческие жертвоприношения в благодарность за право воровать и жить без наказания. Приоритеты совсем никудышные: убитый, к примеру, за рубежом Герой России и Герой – чучундрик, пустивший газ на Дубровке. Чем круче, провал – тем больше награда! И так дальше... до бесконечности.

Есть ли что-то общее у «Взгляда» с «Прожекторпэрисхилтон»?

Сергей Ломакин:

– Конечно, нет. Эта программа, без сомнения, яркая, острая, юмористическая. Но это не острая политическая сатира, хотя бы такая, какая была в советские годы в программе «КВН». Там надо было читать между строк. Поэтому она была так популярна. А в «Прожекторпэрисхилтон» высмеивается всё, а объекты шуток – в основном люди из шоу-бизнеса. А это власти не опасно. Поэтому программа будет существовать всегда. Талантливая, остроумная, но не социальная и не политическая.

Анатолий Малкин:

– Кроме свободы поведения в эфире – ничего общего. Ребята из «Пэрис» хороши, но шутят в рамках редакторских, зная, что всё опасное для власти и канала вырежут, поэтому смело играют в слова. Но может быть, ты и прав – на сегодня это единственно возможная форма «взглядовщины» на большом канале, без публицистики и позиции. В условиях «ржущего» ТВ, вероятно, такой только «клоник» и будет существовать.

Владимир Мукусев:

– Внешне, безусловно, есть: студия – квартира, стол, за которым ведущие обсуждают что-то новостийно-проблемное. Есть гости и музыка. Далее общее кончается и начинаются отличия. Нет сюжетов,

то есть смысловой основы «Взгляда». Нет прямого эфира, а значит, есть «стоп-листы» на темы и персоналии. Ведущие откровенно и талантливо смеются над происходящим в стране. Ведущие «Взгляда» не просто соперечивали, но и заставляли власть решать проблемы конкретных людей. Главное же отличие в том, что авторов «Прожектора» власть любит и смеётся вместе с ними, а нас власть побаивалась, но уважала и поэтому терпела.

Александр Политковский:

– «Прожектор» – это онанизм в общественном сортире. Демонстрация авторами того, что: «мы-то можем потереть в дорожном кабаке об «Игре в бисер», а сейчас – побудлячим перед публикой за бабло...»

Дмитрий Захаров как-то заметил: «Проект появился в нужное время и в нужном месте; не думаю, что сейчас такая передача кому-то нужна. У каждой эпохи – свои жанры». Ему вторит Александр Любимов: «Сегодня такая программа, как «Взгляд», слава богу, уже неактуальна. Сейчас нужна программа и даже, возможно, целый телеканал, который бы формировал идеологию среднего класса. Увы, сегодня в политике нет силы, которая формирует мысли. Есть слабо звучащий голос невероятно талантливого человека Владислава Суркова. Да и сам Путин производит яркое впечатление. А всё остальное – хилая вялость». Так есть или нет потребность в реинкарнации «Взгляда»?

Сергей Ломакин:

– Есть потребность в возрождении «умного» телевидения, «острого» телевидения. Я по-прежнему считаю, что телевидение может существенно помочь руководителям страны, вскрывая язвы общества, рассказывая о чиновниках-преступниках, тем самым направляя вектор народного гнева в нужном, позитивном для власти и общества направлении. Сегодня власть, не понимая этого, рискует получить неуправляемый социальный взрыв, который сметёт и правых и виноватых. Что, по сути, доказывают последние митинги молодёжи в Москве, Питере и Ростове-на-Дону. И боюсь, что это только начало.

Анатолий Малкин:

-Такой канал, как Первый, возможно, решился бы «ремейкировать» программу, но результат будет, как и у всех сегодняшних копий старых форматов советского ТВ.

Вообще без принципов можно или чудиков плодить, или ржать над всем, что движется, или на льду плясать, изображая суперфигуристов; для реинкарнации программ, подобных «Взгляду» или «Пресс-клубу», нужна революционная ситуация – иначе никак.

Сейчас вот много всяких ТВ с красивыми названиями, а не одно, как раньше, Центральное, – а результат деятельности похожий. Так что вопрос в том, какой ты сам – такова и твоя страна.

Владимир Мукусев:

-Нет.

Александр Политковский:

– Реинкарнация не возможна, а необходима. Усилиями шпаны, что любит себя называть элитой или олигархами, страна скатилась к азиатчине с латиноамериканским пафосом. Сюда люди, которые себя

называют русскими, едут работать вахтовым методом. Вся ссыливая «еблита» деньги держит только за рубежами России. Десятая часть населения прекрасной и огромной страны сосредоточена вокруг одного города. Можно продолжать до бесконечности...

О чём ты жалеешь? что было сделано неправильно 20 лет назад?

Сергей Ломакин:

– 20 лет назад нас во «Взгляде» тоже немного зашкаливало в нашем праведном стремлении изменить страну к лучшему. Беда была лишь в том, что мы толком и не знали, а что лучшее для страны и народа. Но мы были молоды, а молодёжный максимализм всегда в чём-то не прав. Но если бы можно было повторить то время, я не стал бы что-то менять. Я снова прожил бы это время, так как оно было лучшими годами моей профессиональной жизни.

Владимир Мукусев:

– В 1990 году, узнав о том, что переписаны и подделаны уставные документы «ВИДа», я не смог переступить через гордыню и брезгливость к своим бывшим коллегам, сделавшим это, а фактически предавшим наше общее дело. Сил и возможностей было достаточно, чтобы раздавить в зародыше этот «гадюшник». Я мог увезти Листьева с собой в Новосибирск создавать новое российское телевидение. Я уехал один. А значит, в трагедии 1 марта 1995 года есть и моя вина.

Александр Политковский:

– 20 лет назад всё было логично и правдиво. Важно понять, что возникновение наших врагов – наша заслуга.

Как бы резюме

Таковы взгляды экс-«взглядовцев» образца 2011 года. У меня, конечно, есть и своё мнение. Но я им слишком дорожу, чтобы делиться... Однако есть вещи очевидные. Меняется время, герои меняются. Это не есть плохо, не есть хорошо. Закономерно есть. Зима пришла – холодно. Придёт весна – потекут ручьи. А летом жарко будет.

Историк Тимофей Шевяков назвал «взглядовских» ведущих битлами нашей эпохи. А в 2010 году вспоминали битла Джона Леннона, застреленного 30 лет назад. И ведь славно, что ему довелось умереть сорокалетним... Как и Владимиру Высоцкому... «Жить быстро, умереть молодым...» Наверное, правильно и хорошо, что в 1991 году власти запретили «Взгляд». Он тоже «умер» молодым. Яблоко срывать надо до падения на землю. Всему своё время. Время собирать камни, время бриллианты коллекционировать...

Летом 2010 года я предложил Николаю Ускову, делавшему спецвыпуск GQ (по «девяностым»), беседу с Александром Политковским. И редактор модного журнала спросил:

– А кто это такой?

И я, право, изумился. Неужели все страсти перестроечные превратились в нафталин даже для тех, кто это своими глазами видел? Неужели столько воды, пива и крови утекло? Неужели даже сорокалетние не помнят знаменитую кепку репортёра № 1? Ведь для меня Политковский однозначно персонифицирует проект «Взгляд» и «честную» журналистику эпохи перестройки.

Популярность журналистов, и особенно ведущих «Взгляда», была огромной. В «Огоньке» (1997 г.) были опубликованы воспоминания Политка: *«Помню, готовил материал о разгуле в Тольятти вьетнамской мафии (во «Взгляд» пришла телеграмма от мамы изнасилованной девочки). Привезённый сюжет из-за страха вбить клин в советско-вьетнамские отношения в эфир не пустили. Продолжая добиваться правосудия, мама с дочкой приехали в Москву, и я решил сделать досъёмку. По красивому замыслу последние слова в интервью с женщинами должны были быть сказаны уже с подножки уходящего в Тольятти поезда. Зная, что до отхода поезда остаётся две минуты, начал задавать свои вопросы... Проходит минут десять – а поезд почему-то всё не отправляется. После уже третьего круга вопросов и ответов мы спросили у проходящего мимо железнодорожника: мол, поезд-то почему стоит? «А, – говорит, – машинист сказал, что пока Политковский не закончит своё интервью, я с места не тронусь...»*

Это совсем не гламурного замеса была популярность. Не та слава, что твиттером множится.

А ведь ещё в «нулевых» украинский телекритик Наталья Влащенко заметила: «На телевидении есть свои «честные пацаны». Настоящим первооткрывателем в этом направлении был ленинградец Александр Невзоров, который регулярно в течение 600 секунд нагружал страну своей честностью. А если ему казалось, что в стране недогруз по этой части, мог и самострел в лесочке организовать: пусть население понимает, «что с людьми делает» искреннее стремление к бескомпромиссности. Потом на его место пришли другие «пацаны» (но тоже очень хорошие): пристально посмотрел в глаза стране Сергей Доренко. Всех этих людей с точки зрения телевидения объединяло одно: их не очень интересовало КАК, поскольку кардинальным вопросом современности было ЧТО. Это одна чаша весов... Кто не помнит «честных» Политковского и Мукусева в одной упряжке с фразерствующими (и тщательно замазывающими грех буржуазности и эстетства) Дмитрием Захаровым, Александром Любимовым и Евгением Додолевым во всенародно любимом «Взгляде»? Потом говорили, что нужды времени исчерпали формат. Отчасти это так. Но всё же катализатором этих форматных судорог послужил тот факт, что «в одну телегу впрячь не можно» железного коня и вольную птичку колибри».

Да, в «нулевые» «взглядовцы» ещё были мерилом. А теперь вопрос «Кто не помнит?» перестал, похоже, звучать риторически. Но он и не звучит трагически. Потому что всё новое – хорошо забытое старое. Умрут одни, родятся другие, и «повторится всё как встарь». Снова придут молодые со старым грузом проблем, и опять будут пытаться донести до людей каждый «свою» правду, бессмысленно тратя силы, здоровье и жизнь на покорение холодного Олимпа славы. «Дети минут» всегда упускают из виду, что есть ещё олимп памяти, покорить который гораздо труднее, чем добиться сиюминутного успеха.

В интервью той же Наталье Влащенко уязвлённый Леонид Кравченко через семь лет после расстрела Листа сказал: «Что касается «взглядовцев», то они довольно скоро поняли, что эфир – это отличный и очень быстрый способ зарабатывать деньги. Я попытался вводить в коллектив других людей, но они их отторгали. Стоило мне уйти в ТАСС на год, как они создали телекомпанию «ВИД» и очень быстро пересели на «Мерседесы». Влад Листьев создавая ряд программ, пытаюсь навязать «Останкино» новую программную сетку и, по сути, овладеть государственной телекомпанией. И наступил момент, трагичный для Влада, когда он объявил на полгода «мораторий» на рекламу. Что было дальше – вы знаете. Позднее выяснилось, что Листьев увёл пять миллиардов рублей рекламных денег... Ребята, увлечённые бизнесовым проектом, зашли слишком далеко. То же самое было всегда с Эдиком Сагалаевым, ведущим «12-го этажа». Все его новые проекты всегда напоминали бизнес-предприятия, но не творческий проект. Поэтому он и развалил редакцию информации, что с гораздо большим интересом и удовольствием занимался бизнесом, а не творческим менеджментом. А для чего сейчас Любимов создал «Союз электронной прессы»? Поверьте, не для того, чтобы защищать права журналистов. Хотя на кремлёвских тусовках он убеждает всех в обратном».

Следите: у него бритва в рукаве! Ну, я же говорю: правда – у каждого своя. И всякий судит по себе. «И не изменится времени ход» (© Макаревич). На самом деле только Разбашу на юбилей был куплен «мерс» (это была первая иномарка в компании), но угнан был на следующий же день. Смерть Листа отрезвила ребят и заставила переосмыслить очень многое. Потом они вспомнили, как их исподволь «наказывали»: у директора компании Горожанкина вообще трижды угоняли тачки. Напомню, страховых не было тогда... Ребят пасли. «Если ты пьёшь с ворами, опасайся за свой кошелёк» (© «Нау»). Ну да ладно.

Что касается Листьева, то у него была Volvo, а позднее Mazda.

Вообще, из ведущих «Взгляда» первым обзавёлся автомобилем Любимов: это были краденые-пререкраденные «Жигули» с липовыми документами, «шестёрка», кажется, по колёсам которой однажды ночью стреляли гаишники, когда мы с Александр Михалычем мчались с дачи Макаревича и, заслушавшись Фредди Меркури (которого Люби называл Федей Ртутным), проигнорировали приказ остановиться.

Глава 16. ПРОЕКТ. ЭПИЗОД ШЕСТОЙ

«Ощущение свободы»

Алексей Вишня, прочитав в 2005 году моё интервью «Медведю» (точнее, – Игорю Свиначенко – Свину), опубликовал в своём (polittechno) впечатления, озаглавив их «Ощущение свободы».

Polittechno, March 4th, 2005:

«Я хорошо помню, как всё начиналось, – для меня тоже всё это было романтикой – всё по карточкам, но мы верили, что вот-вот всё будет классно. У меня были свои (очень низменные на самом деле) счёты с советской властью – я мечтал о загранице с яслей, увидав красочные открытки с видами Ниагарского водопада и архитектуры Америки начала 60-х. У меня был стереоскоп и множество всевозможных стереодиафильмов, которые я вертел до самого отрочества, – я просто болел заграницей. Однажды я заболел ангиной, и мне приснился казусный сон-кошмар – я оказался на Бродвее на один час в обеденный перерыв. Об этом я рассказал своему папе, когда он зашёл поставить мне градусник. Он проверил рукой мой лоб, посмотрел на меня с жалостью и укоризной: «О чём ты думаешь, сынок?» Впоследствии, когда я стал чуть старше, папа прямо мне пообещал, что ни при каких обстоятельствах мне, его сыну, выехать из страны невозможно, потому что не выпустят никогда. Это было связано с его работой, и такой расклад мне казался унижительно несправедливым – я готов был отдать всё, чтобы сломать этот замок.

Программа «Взгляд» приближала торжество моей победы над папой, который тоже смотрел телевизор и охуевал. Он вообще как-то сразу всё понял и притих. Политические беседы он поддерживал со мной лишь в дремучем лесу да в бане. Его очень всё это тревожило, он работал в Смольном, кадровик, он видел людей насквозь, и явно не всё ему там нравилось, однако работал он в основном с людьми, а не с номенклатурой, – начальство ценило в нём благообразный интерфейс, коим он дипломатично выступал посредником между властью и народом. И между тем он обожал Сашу Невзорова и никогда не пропускал «600 секунд», благо шла она сразу после программы «Время».

Золотое время телевидения без рекламы – первую в жизни рекламу я увидел в программах «Взгляд» и «Матадор» Эрнста. (Ничего лучше «Матадора», в этом жанре, я так до сих пор и не увидел.) Я тоже страшно любил «600 секунд», но все мои друзья, как один, ненавидели Невзорова конкретно за то, за что потом боготворили его эпигонов. Они объясняли мне, какое он говно, но Саше нравилась моя музыка, а друзьям моим – нет, поэтому их доводы были для меня неважностью. Во «Взгляде» папе нравились все парни, но особенно почему-то Владимир Мукусев – он то ли самый старший был из них, либо самый красный. Мне они нравились просто все! Однажды Лёня Ланда с Месхи пригласили нас на weekend в Киев – за жизнь поговорить да проверить тряпки. Сняли нам «люкс» на Майдане, сами заселили такой же, этажом выше – встретили, покормили, и сразу в номер – «Взгляд» смотреть. Безумие – глаз было не оторвать! Первая негативная информация на первой кнопке, она пугала и вместе с тем дарила надежду.

Курёхин вывез меня за границу в Югославию, Венгрию, Нидерланды и Западный Берлин в 89-м. «Силён, брат», – сказал мне папа, когда я показал ему синий мидовский паспорт. Как сейчас помню анкету, которую заполнял, – её проверяли три недели, прежде чем дали добро на выезд. Мало-помалу детские грёзы находили своё воплощение, я уже не знал, о чём мечтать кроме денег, которые дешевели с каждым днём, а заработать их было всё труднее и труднее. Затем пришёл Ельцин, и папа вообще поник головой. Из «Взгляда» ушёл Мукусев, к власти пришёл Собчак и переименовал город. Папа заболел раком, а маму разбил инсульт. Они просто охуевали.

Где-то на гастролях мне повстречался Мукусев, мы познакомились. За столиком в ресторане я выразил восхищение его работой. Но Владимир пожелал мне осторожно зажигать гирлянды – не всё так хорошо, как мне казалось, – вот был его message. Спустя буквально дни ко мне за интервью приехал Никита Евган из «ВИДа» – он фанател от Любимова и страшно напрягся, когда я имел неосторожность засветить свою «связь» и знакомство с Мукусевым, – Никита как будто спрятался в ракушку. «Как перестройка повлияла на твоё творчество? – спросил Евган перед камерой. – Дала ли она тебе ощущение свободы?» Я посмеялся в ответ. «Какая свобода... – думал я, – какая перестройка...» Мои родители, изверившись, умирают, а я за три часа в студии трачу сумму, сравнимую с папиной пенсией.

Я не всосал тогда самого главного, что «привёз» Никита из Москвы, – я живу «ощущением». И сегодня я нашёл вот этот материал. Женя Додолев своим интервью замкнул кольцо. Интересно, что нам покажут сегодня, чтобы вызвать ощущение, что всё заебись? Zaputina.ru? Лично для меня в какой-то мере сейчас 1988 год. Жить мне сегодня куда полегче, но в моей социальной группе далеко не всё шоколадно. У меня есть знакомые музыканты, которых знают и любят буквально в каждом городе, они прописаны в энциклопедиях, записали до фига альбомов и, имея множество фанатов по всей стране, перебиваются с хлеба на воду, потому что их архивы изданы за бесценно в времена Ельцина, а по сути – украдены мейджорами, и сегодня эти люди в середине жизни оказались выброшены на поребрик, потому что единственным радио, на котором они могли бы звучать, руководил человек, который взял на себя право решать, кто имеет право на рок, а кто должен умереть от голода.

«Проблемы выживания не являются насущными для большинства населения», – бравурно танцуют на zaputina.ru, сегодня для них куда первостепеннее проблема парковки. Для меня закончился «Взгляд» в тот момент, когда Листьев стал вести «Поле чудес», а с Любимовым стал вести передачу Бодров. Нас привлекали к экранам, просто рассказывая правду о том, как мы живём, перемежая горячие сюжеты клипами Цоя, рекламой водки, финансовых пирамид и «ИНКОМБАНКА». Так что больше вы нас не наебёте».

Среди комментов на этот пост Вишни отмечу пару.

ap428, 2005-03-03 11:36 pm:

«По этим же соображениям я теперь наше телевидение не смотрю. А те годы очень хорошо помню. Смотрел запоем трансляции со Съезда народных депутатов, «Взгляд», «Авторское телевидение» с его «Политклубом». Теперь порой стыдно признаваться, но я верил, что всё у нас получится, искренне верил. А в сюжете, посвящённом десятилетию убийства Листьева, смотрел на отъевшиеся физиономии Эрнста, Угольников, Любимова и смеялся над собой. Парни себе карьеру в ящике делали, а я, дурак, на них глазел и иллюзии свои питал. Самое поганое во всём этом то, что я теперь никогда никому не поверю. Государство может меня только принудить силой что-нибудь делать во благо неведомых мне интересов. Пропганда может отдыхать».

Labyrinth, 2005-03-04 11:58 pm:

«Да, лучше бы Невзоров изначально с лошадьми возился – эк у него это красиво выходит!.. Году эдак в 89-м журнал «Столица» заказал мне интервью с Невзоровым – как раз тогда у него конфликт был с депутатами Ленсовета и он стал делать свой «паноптикум». Так вот, сидим мы напротив друг друга, он что-то так красиво говорит, говорит, я слушаю, очарованный, а потом – бац! – как пелена с глаз спала: он что-то важное говорит, а сам из-под ворота (как бы случайно) достаёт цепь с громадным серебряным крестом... «Красуется перед журналюгой, самолюбованием занимается», – понял я, и как-то мне дальше всё неинтересно стало, формалистично. А насчёт «Взгляда»... В 1988 году я помогал им делать передачку про неформалов, у меня тогда много друзей хиппарей было. Ну, и я тогда спросил у Любимова, типа, как вы на ТВ оказались. И он мне честно признался: «по оргнабору, раньше, дескать, мы все в московском горкоме

партии, в молодёжном отделе числились». После таких признаний эта передача мне по-другому стала видаться.

И вообще, восторгаться перестройкой и гласностью можно было, только не владея реальной информацией. Как, впрочем, и сейчас. «От многие знания – многие печали», «пессимист – это информированный оптимист». К сожалению, это обо мне, Додолеве и многих других журналистах. Поэтому у нашей братии столько цинизма – иначе крыша съезжает (как у медиков)».

Формула искренности

В одном из интервью Мукусев приговорил: «Увы, «Взгляд» начал гнить изнутри и умер собственной бесславной смертью. Популярность стали конвертировать в деньги. Я об этом до последнего не знал и пребывал в уверенности, что «Взгляд» по-прежнему святее папы римского. Он ведь на протяжении четырёх лет был абсолютно честной передачей! Но в конце его существования на нём начали зарабатывать – в том числе и моим именем. У меня за спиной приобретались материальные ценности, открывались двери в нужные кабинеты, проводились переговоры. Честную передачу превратили в коммерческую структуру. Иначе как предательством я это назвать не могу».

Но ведь было не так вначале. Совсем не так. Делалось всё на коленке, непрофессионально, но с душой. И люди это чувствовали! Как-то во время «кинотаврических» застолий я поинтересовался у Андрея Державина, как, мол, эти «Руки вверх» с тремя аккордами и примитивными текстами собирают такую аудиторию. Он ответил: «Они искренние!» Что и есть залог успеха.

В «молодёжке» почти все геройствовали от души. Возможно, кто-то уже тогда чувствовал, что успех можно будет конвертировать в деньги и статус, но кто-то был поглупей, как я, который ощущал себя таким революционером.

Помню, как мы с Сашей Любимовым везли из Питера в Москву запись интервью Нины Андреевой и Александра Невзорова. Нина Андреева была политической оппозицией, а материал был по тем временам очень стрёмным. И мы долго придумывали в аэропорту, как спрятать бетакамовские кассеты под куртки так, чтобы питерские чекисты, которые нас пасли, не нашли их при обыске и не отобрали. Кстати, режиссёром в том вояже был не кто иной, как Костя Эрнст. Летом 2011 года в интервью «Афише» Константин Львович напомнил, что мы с ним в той разгильдяйской командировке выдавали себя за русских журналистов лондонской ВВС: принципиальная большевичка Нина Александровна не согласилась бы беседовать с «врагами» из «молодёжки» Гостелерадио СССР, а нас, псевдобританцев, она накормила отменными лакомствами своего приготовления. А Любимов ждал нас в одиночестве, неспешно опустошая мини-бар номера «Октябрьской».

Из той же поездки мы привезли хулиганское интервью с ведущим «600 секунд». Вся страна уже слышала, что есть на областном ленинградском ТВ такой боец Невзоров, но узрели Александр Глебыча только в нашем ударном выпуске.

Сейчас всё это вспоминать смешно. И стыдно. У меня пунцовеют щёки: чувствую себя таким лохом и наивным придурком! Ведь я искренне считал, что совершаю подвиг. Как там у Гребенщикова: «У нас нет надежды, но этот путь – наш».

Но, несмотря ни на что, я ностальгирую по тем временам, по тому адреналину. Никакие расширители сознания не были нужны – казалось, что оно и так раздвинуто до широты горизонта...

Многим из «взглядовцев» я очень признателен. Например, тому же Саше Любимову я обязан тем, что он пригласил меня во «Взгляд» на соведение в тяжёлый для меня момент, когда после решения специально созданного при Союзе журналистов Совета по этике мне был объявлен запрет на профессию. Озвученный не где-нибудь, а в державной программе «Время». Меня сразу перестали печатать, я исчез из эфиров. И начальство однозначно давало понять Саше, что приглашать меня – не очень хорошая идея. Но он поставил ультиматум: или я работаю с Додолевым, или не работаю вообще. Это редкий поступок, тем более по тем суровым временам... Я вообще ценю людей, которые из профессиональной репортёрской солидарности могли поставить на карту свою карьеру.

Например, когда редактору «МК» Павлу Гусеву после одной моей публикации в середине 80-х сказали, что журналиста с фамилией Додолев не должно быть в его газете, он отважно забил на это распоряжение. После разборок в горкоме комсомола мы возвращались вместе в редакцию, я был уверен, что моя история с «МК» закончилась, и спросил Пал Николаича, когда мне, мол, забирать свою трудовую книжку. Он ответил: «Ничего страшного. Будешь публиковаться под псевдонимом».

Гусев тогда отчаянно рисковал. Если бы стало известно, что он не выполнил постановление МК ВЛКСМ, у него были бы крупные неприятности. Он вполне мог пост главреда потерять. Но у него были понятия... ну или инстинкт собственника: мои журналисты – это мои крепостные, пороть их могу только я.

Именно Гусев фактически определил мой журналистский путь. Если бы не он, я, возможно, стал бы заниматься чем-то другим. Может, более приятным и прибыльным, но это был бы уже не мой путь...

Серая зависть

К вопросу об утраченной искренности. Первую премию имени Листьева в 2010 году получил Леонид Парфёнов. Говорят, зависть бывает двух форматов: белая & чёрная. Завидую ли я Парфёнову? Хотел бы я получить премию имени Листьева (статуэтку + миллион) и при этом ритмично объяснить вручившим, что все они = ничтожества, обслуживающие кровавый режим? И да, и нет. Миллион хотел бы, угу, вот не Перельман я ни разу. Но вот сомневаюсь, что отважился бы на этот подвиг. Подвиг зачитывания обличительного текста перед аудиторией, всё прекрасно понимающей.

За двадцать лет до скандального вручения, в декабре 1990-го, тогдашний глава Гостелерадио СССР запретил легендарную программу «Взгляд». Пристрелил ещё тёплую. И это лучшее, что советский медиаменеджер Леонид Кравченко сделал для медиаиндустрии. Умирать нужно в срок, без пластических операций, очистительных клизм и аппаратов искусственного дыхания.

После расстрела Джона Леннона на вопрос «Что нужно для воссоединения квартета The Beatles?» отвечали:

-Три пули. Всего три пули, детка.

Когда ушёл из жизни Джордж Харрисон, ответ, естественно, модифицировали: «Две пули».

Что нужно – в контексте расстрела Влада Листьева – для возобновления проекта «Взгляд»? Веерная очередь из Калашникова, которая уложила бы добрую половину присутствовавших на церемонии парфёнизации нашего ТВ. Я спросил экс-коллегу, сидевшего в том зале:

– А правда ли, что Парфёнов опоздал на мероприятие?

И ТВ-мэтр в ответ ухмыльнулся:

– Ну как тебе сказать... По-моему, ооочень вовремя. Как всегда, вовремя.

А ведь я помню «взглядовские» баталии: все были тааааакиими романтиками. А стали тааааакиими циниками. Пройдя огонь и воду, испытание медными трубами не выдержали. Гласность заменили на огласку, и все дела.

Но завидую ли я? Риторический вопрос. Всё дело в проекции. Завистливому кажется, что все остальные завидуют успеху. Просто последний трактуется по-разному.

Зато когда академика телеакадемии Л. Г. Парфёнова на полном серьёзе сравнивают с диссидентом-академиком А. Д. Сахаровым, я завидую тем, кто в интернетах не блуждает и подобные экзерсисы не наблюдает. Это как в пассаже профессора Преображенского – «советские газеты натошак читать». Когда реформировали (а, ну да, забыл – положено писать «громили» или «разгоняли») киселёвское НТВ в 2001 году, коллеги Парфёнова всерьёз сравнивали себя с моряками утонувшей за год до этого подлодки «Курск».

Они реально сходят там с ума, «потому что им нечего больше хотеть» (БГ): Останкинская башня радиоактивит их ядовитыми излучениями. Тот факт, что фуагра придётся заменить куриным паштетом и с французских вин перейти на чилийские, равнозначен мучительной гибели в торпедированной субмарине.

Тогда все, кто мог, обменялись мнениями по поводу выступления Леонида Парфёнова. Амплитуда мнений впечатляющая: согласно одним, Парфёнов = совесть нации, другие же считают его опытным интриганом, который на волне медведевских чаяний антизастоя надеется уловить толстую рыбку в мутной воде – то есть получить какой-нибудь канал или руководящую должность; ведь унижительно в его неюном возрасте быть рядовым ведущим одного из многочисленных телешоу (далеко не самого рейтингового к

тому же), после того как он уже вполне заслуженно прослыл телегением, порулил в качестве генпродюсера каналом НТВ и поредактировал в качестве главреда еженедельник «Русский Newsweek».

Все существующие объяснения его обличительной речи, произнесённой в адрес коллег, пересекаются лишь по одному параметру – в его демарше ищут смысл. Кто-то считает, что Парфёнов не мог скрывать от коллег свои чувства по отношению к унижительной роли, которая отведена честной журналистике в нашем несовершенном государстве, не мог мириться с цензурой, постоянным давлением и гнетущей несвободой. Смысл выступления, таким образом, заключался в расстановке точек над всякими «і».

Другие предположили, что коли речь телезвезды была сбивчива, а текст зачитан по бумажке, что никак не коррелирует с криком души (и, право, трудно смоделировать эмоциональный всплеск, заранее отмеренный/отрезанный), значит, смысл произошедшего заключался в том, что Леониду кто-то сделал предложение, от которого нельзя отказаться. А внутренние метания его чуткой души сказались на манере поведения.

Обе версии герою в целом льстят. Ибо он предстаёт перед публикой либо отважным идеалистом, рискующим карьерой ради справедливости, либо опытным подковёрным игроком, с мятущейся порой душой (ведь если бы он был полным негодяем и сознательно подставлял коллег под неприятности, то руки не дрожали бы).

Но никто из высказавшихся не предположил, что акция Парфёнова абсолютно бессмысленна. Что у телеведущего просто съехала крыша и он не подумал вовсе о том, какие могут быть последствия. А ведь именно эта мысль читалась на лицах присутствовавших. Виделись в глазах топ-телевизионщиков и сочувствие, и лёгкая растерянность. Досада и понимание, что демарш придётся расхлёбывать, что называется, «всем миром».

Я помню многих. Довелось работать не столько С ними, сколько НА них. Эдуард Сагалаев, который возглавлял перестроечный ТВ-авангард. Режиссёр «Взгляда» Иван Демидов, креатививший уникальные жанры. Анатолий Лысенко и Александр Пономарёв, которых в «молодёжке» называли зонтиками, по которым стекает кремлёвское говно: они не только определяли стратегию реформ нашего ТВ, но и героически принимали на себя удары сверху, прикрывая ведущих и редакторов и расплачиваясь за это порой сердечными приступами. Не будь их всех, не было бы, собственно, и премии имени Листьева, поскольку и Влада – как блистательного новатора и безупречного символа – не было бы. Нечего было бы Парфёнову вручать.

Почти в унисон с Парфёновым президент Медведев финишировал в своём традиционном ежегодном послании (2010) с теми же революционными тезисами, что и чуткий к вельможным движениям телевизионщик Леонид. В стране, мол, застой, нужна перестройка 2.0.

В 2001 году Леонид Геннадич, грамотно сдав своих однополчан из пресловутого УЖК (Уникального журналистского коллектива) НТВ, возглавил этот канал в качестве генпродюсера.

Даже бессмысленные поступки недалёких людей, у которых могут случаться критические дни (независимо от пола и возраста), неизменно обрастают порой весьма остроумными толкованиями. И Парфёнов давал пищу для подобных размышлений не раз – достаточно вспомнить историю его прихода в эфир к Дмитрию Диброву в разгар исторического конфликта на НТВ.

Но ведь не все люди рождаются с мозгом! Многие и без него прекрасно живут, совершают идиотские поступки и бессмысленные действия, которые потом компенсируются чужим идиотизмом, а коллективный разум, пусть и по кривой, но вывозит. И в каждой профессиональной среде есть свои юродивые. Просто медийных лучше видно ввиду специфики СМИ.

«Взглядовцы» о Леониде Парфёнове

Мой вопрос: может ли Леонид Парфёнов сделать какой-нибудь проект общественно-политической направленности, созвучный «Взгляду»? Каким ты помнишь его по «молодёжке»?

Сергей Ломакин:

– Честно сказать, я не высокого мнения о Парфёнове. Я рискую быть немодным, но я не склонен преувеличивать роль Парфёнова на российском телевидении. Всё, что сделал Парфёнов, – это талантливо перенесённые западные программы на российское телевидение. Об оригинальном креативе Парфёнова я не могу ничего сказать. Что же касается возможности сделать проект, созвучный «Взгляду», то, думаю, это не про Парфёнова. Парфёнов всегда был далёк от политики, и все его проекты никакого отношения к общественно-политической направленности не имели. Он скорее основатель американского направления на нашем телевидении, такого, как инфотейтмент: «Мы информируем – вы развлекаетесь». А «Взгляд» исповедовал другой принцип – «Мы информируем – вы думаете».

Анатолий Малкин:

– Нет, не может и не будет.

Парфёнов всегда был очень талантливым телевизионным персонажем, но при этом был трусоватым и приспособленцем.

Владимир Мукусев:

– Может. Но Парфёнов власти не нужен. Ей нужен новый Клим Самгин. Думаю, что сегодня разработан и осуществляется не очередная «телепустышка» ведущего Парфёнова, а серьёзный проект «Парфёнов». Причём задуман он там же, где когда-то придумали ЛДПР и «Эхо Москвы», Медиасоюз и Общественную палату. Презентацию этого проекта – вручение премии Листьева Парфёнову – власть заранее предварила громкой пиар-акцией – «убийцы Листьева признались». Не было СМИ, которое не клюнуло на эту «новость». В итоге интерес к этой страшной, но, к сожалению, забываемой трагедии снова возрос. И история с премией Листьева, учреждённой почему-то только через 15 лет после убийства, вызвала интерес, а не вопросы. А суть проекта проста. Используя страсть Парфёнова быть на первом плане, сделать его главной фигурой на телеэкране, а фоном к нему – резонансные, действительно значимые события в общественной жизни России. И началось. Парфёнов на фоне Листьева, Парфёнов на фоне Кашина, Парфёнов на фоне Ходорковского и т.д. Главное, заткнуть рот тем, кто говорит об отсутствии гласности и свободы СМИ. Вон, дескать, чего человек говорит и при этом работает на Первом канале. И никто его не трогает.

Но, думаю, всё это своеобразная дымовая завеса, которая скрывает главное. Вспомним, что в 1995 году, за год до президентских выборов, Березовский, создавая ОРТ, предложил Листьеву стать его главой. Делал он это не только для того, чтобы с помощью настоящей, а не дутой телезвезды модернизировать бывшее ЦТ, но и решить сверхзадачу: новый телеканал должен был заставить страну «проголосовать сердцем» за президента Ельцина. Убийство Листьева помешало, но не остановило Березовского. Быстро нашлись безымянные тогда «подберёзовики», которые для достижения поставленной цели цинично использовали даже сам факт убийства. Для предвыборной истерии мёртвый Листьев был даже полезнее Листьева живого. Сегодня, за год до выборов, задача перед властью стоит прежняя – сохранить свой

режим. Конечно, можно написать любые цифры и объявить любые результаты голосования. Но надо хотя бы перед Западом соблюсти какие-то приличия – дескать, у нас, в России, тоже демократия, блин. И вот тут-то и сработает проект «Парфёнов». «Говорил, что у нас телевидение плохое, – пожалуйста, делай хорошее». Конечно, канала ему никто не даст. Власть понимает, что Парфёнов – это Листьев «в таблетках»: ни его большого таланта журналиста и телеведущего, организатора телепроизводства, ни его огромной популярности и действительно заслуженной народной любви у Парфёнова нет и в помине. Но что-то предвыборное, типа «голосуй сердцем», во главе чего будет стоять раскрученный к тому времени Парфёнов, появится наверняка...

А ведь можно было хотя бы сыграть в порядочность. Например, отдать листьевский миллион в фонд помощи семьям погибших журналистов. Создав этот фонд и возглавив его. На сегодня их более двухсот – журналистов, убитых в «демократической» России только за то, что они были журналистами, а не представителями другой древнейшей профессии. Но это мы потеряли коллег – семьи потеряли кормильцев. Как живут эти семьи сегодня, особенно в провинции, нетрудно догадаться. Ни учредители премии, ни Парфёнов о них не вспомнили. Они думали «о домике в Жаворонках с коровой да с кабанчиком». Ведь деньги не пахнут. Даже если они пахнут кровью.

Александр Политковский:

– Парфёнов сам обозначил себя в пространстве: «не борец»; в речи, которую промямлил по бумажке в присутствии странных людей. Что за сообщество? Угол и Сэги! Из присутствующих точно никто уже не способен руководить подобным «Взгляду» проектом. Сытость застит очи.

Гламуризация всей страны

Судорожная эстетизация нашей политической элиты сменилась её тотальной гламуризацией. Подразумевающей суетливую десакрализацию власти. Которая выходит на подиум. Запросто, как на лыжную трассу. Демонстрируя престижное снаряжение горнолыжников. Выйдя на подмостки телеэкранов и глянцевого разворота, вожди явочным порядком утрачивают сакральность, подобно тому как девственница прощается с невинностью, выйдя замуж.

Медиаидеолог Марина Леско озвучила на VI Евразийском медиафоруме определение гламуризации. Это процесс обработки (как правило, с помощью медиаинструментария) сегментов информационного поля (персонажей, событий и т.д.) с целью их приукрашивания (иногда романтизации). И сейчас очевидна ответная тенденция. Параллельно с гламуризацией политики наблюдается политизация гламура. Звёзды шоу-бизнеса вслед за Машей Малиновской дружными рядами маршируют в политику. А политические деятели всех масштабов в свою очередь добровольно и с песней становятся персонажами светской хроники. Зачёт. Словосочетание «гламурный фашизм», которое Кремль рассчитывал превратить в агитпроповский удар по русскому национализму, отрикошетило по традиционной иудео-христианской концепции, обозначив траекторию в сторону морали неоязыческой.

Нашли-таки национальную идею. В калейдоскопе а-ля Виктор Пелевин искристые стразы тюнингованных плебейских красавиц с Рублёвки, рассекающих по кремлёвским раутам, магическим образом сливаются с проблесковыми маячками лакированных тюнингованных членовозов, рассекающих по встречной полосе.

Увы, всё это абсолютно бесперспективно. Мимо кассы. Поскольку менталитет русскоязычных зиждется на трёх китах: аскетизме, бескорыстии и приоритете духовного над материальным (желающих оспорить это утверждение отсылаю к преподобному авве Дорофею, Феофану Затворнику и/или Алексею Хомякову).

Если слово = воробей, то эти воробушки жиреют, превращаются в хичкоковских птиц. И склюют на фиг совсем...

Эксперты обозначают три лика докризисной (2008 – 2009 гг.) эпохи: неолиберальная экономика, политическая US-гегемония и, наконец, идеология гламура. Два первых компонента не прошли испытание временем, однако психология роскоши превратилась в бастион.

Весьма симптоматично, что иконой нынешнего истеблишмента назначили Тину Канделаки. Очень форматно. С одной стороны: если верить французским газетчикам, чудесным образом выживает в Ницце, когда плейбойский Ferrari Enzo, управляемый миллиардером Сулейманом Керимовым, зачем-то врезается в дерево. А со второй: строго курирует в Общественной палате РФ «интерактивность» этой самой палаты. С третьей – на пресловутых «Пионерских чтениях» живо рассказывает о том, что у Мишико Саакашвили была кличка «Мокрый рот». С четвёртой – Тинатин Гивиевна = женщина Закавказья (отец – грузин, мать – армянка), и все фрондёрские декларации её менее удачливого экс-напарника (по радиокарьере) Стаса Садальского «Я – грузин!» выглядят в этом контексте очередной попыткой быть большим католиком, чем папа римский. Короче, одним выстрелом столько толстых зайчиков ухлопали, что шушенский изгнанник веслом не перебил бы и за неделю.

То есть очевидным образом отдано предпочтение глаголу «казаться». А не глаголу «быть». Во «Взгляде» было ровно наоборот.

«Послевзглядие» (Есть ли жизнь после «Взгляда»?)

Не все, по мне, нашли себе адекватное место после «Взгляда». Об этом беседовал с Сергеем Ломакиным.

– После «Взгляда» ты был ведущим программы «Время», политическим обозревателем Гостелерадио СССР, вёл «Утро» и «Новости» на Первом канале.

– «Утро» тогда называлось «120 минут». Утренний информационно-развлекательный телеканал стартовал в 1986 году: его организовал Григорий Александрович Шевелёв. Изначально – «60 минут». В 1988 году (с приходом Сагалаева) передача выросла сначала до 90, а потом до «120 минут».

– Ты про историю с ГКЧП расскажешь? Как всё было тогда, в августе 1991-го?

– В редакции особой паники я в тот день не заметил. У сотрудников, собравшихся в кабинете главного редактора информации Центрального телевидения, был лишь один вопрос: как освещать события? Программа «Утро» по графику не вышла, но «Время», как всегда, должно было подвести итог дня. И нужен был репортаж, в первую очередь для зрителей окраин, которые практически никак не отреагировали на переворот.

Военные не контролировали вещание государственной телекомпании, но мы ждали прихода в любой момент. И вот ТАСС объявил, что днём в пресс-центре МИДа состоится пресс-конференция членов ГКЧП. Распределились: Сергей Медведев делает репортаж, а я – на прессуху. Изначально делалось два репортажа: один этакий зашифрованный, а второй честный. Начальству показывали первый и в эфирной аппаратной подменяли на второй. А вот на пресс-конференции сложнее. В здании на Зубовском бульваре на сцене Янаев, Стародубцев, Крючков, Пуго, Болдин, Язов, Варенников. Хотя у Янаева и тряслись руки, по Конституции ему подчинялись армия, КГБ и МВД.

Я задал два вопроса. Провели ли консультации члены ГКЧП с руководителями республик, входящих в СССР, прежде чем ввести ЧП на территории всей страны? И каким способом собирается ГКЧП прекратить межнациональные конфликты в Союзе? Забыв, как звучит второй вопрос, Янаев обратился ко мне со словами:

– Серёжа, повтори свой вопрос, пожалуйста.

Это «ты» и обращение по имени мне ставят в вину. На самом деле всё это был обычный принятый стиль общения высших мира сего с журналистами, которые освещали кремлёвские заседания. Горбачёв не только своим сотрудникам, но и ближайшим соратникам «тыкал» в лицо.

Из рукописи Сергея Ломакина «Сегодня стало известно...» о ТВ-расправах: «В «Останкино» новая метла мела с энтузиазмом. Леонид Элин пострадал только за то, что брал интервью у военного коменданта Москвы. Владимир Стефанов – за то, что по указанию телевизионного начальства выступил 20 августа с комментарием, смысл которого сводился к тому, что надо успокоить страсти».

Помню, 22 августа 1991 года отправился в Белый дом, вокруг которого уже была снята осада. Транспорт к зданию не подпускали, и я с друзьями пошёл прямо через толпу. Кто-то крикнул:

– Это Ломакин! Предатель! Бей его!

И если бы не мой товарищ, бегом потащивший меня за собой в ближайший переулок, не знаю, чем бы закончился тот визит.

И я программу «Время» вести уже не мог, это понимали все, и для этого не требовалось какого-то решения. Выход был один – вернуться на репортёрскую работу. И вот началось. Для выезда на съёмку я с

вечера заказывал группу, а утром мне говорили, что оператор уехал на другую съёмку. Мне перестали звонить, со мной перестали здороваться, иногда просто «узнавать» в коридорах.

Однако после того как руководитель Дирекции информации Олег Добродеев предложил мне ведение программы «Утро», многие коллеги стали интересоваться, кончилась ли опала.

От Верховного Совета РСФСР в «Останкино» прибыл политический комиссар Александр Тихомиров. Пришёл он по прямому указанию Ельцина. Леонид Кравченко ельцинским указом был снят с должности, и его заменил Егор Яковлев.

Было созвано большое собрание в Концертной студии, где в президиуме восседал обвинитель, а в зале – обвиняемые. Тихомиров чувствовал себя вправе казнить и миловать своих бывших коллег. И перелом наступил тогда, когда одна из сотрудниц технического центра заявила, что она всегда была сторонницей Ельцина, но сейчас считает унижительным для себя присутствовать на сведении счётов.

Егор Яковлев объявил конкурс информационных программ. Недельку в эфир попеременно выходили программы «Время» со старым составом и «Новости» с Татьяной Митковой и Димой Киселёвым. Итоги подводили в кабинете председателя уже новые руководители, и понятно, что счёт был не в пользу «Времени». С сентября 1991 года эта программа прекратила своё существование, возродившись лишь через четыре года.

– В январе 2004 года ты в качестве главного редактора программы «Дата» организовал дневной канал в рамках ТВЦ в Дирекции художественного вещания и кинопоказа. Программа позиционировалась как «датская», то есть событийная, историческая; каковы были критерии отбора дат?

– Мы пользовались календарём исторических событий; пытались задействовать архивы, старое кино.

– Это ведь снова была работа в прямом эфире? Причём ежедневно?

– Канал в ту пору возглавлял Олег Попцов, который пришёл на телевидение в перестроечный период, когда понятие «прямой эфир» тождественно было свободе в эфире. В прямом эфире самое трудное – удержать зрителя от переключения кнопки. И у нас была своя, лояльная аудитория – зрители категории «35 плюс», хотя даже дети нас смотрели. Нам удалось поднять информативность программы. То есть мы сумели максимум информации укладывать в минимальный отрезок времени.

– Как ты видишь вектор ТВ-развития?

– До прихода Горбачёва к власти доминировала одна модель отечественного телевидения. Второй этап – с 1985 года до развала СССР (конец 1991 года. – Е. Д.). Тогдашнее ТВ было сильным, искренним. А потом сформирован был социальный заказ: удивлять зрителей. Рано или поздно в эфир должны вернуться интеллектуальные передачи и настоящие документальные, публицистические фильмы. В этом залог успеха в борьбе за будущее ТВ, хотя сейчас это и кажется кому-то странным и несвоевременным. И мы не должны исключать в общении с гостями парадоксальность вопросов. Я всегда призывал подопечных ведущих: «Когда беседуете с гостем, не упускайте инициативу, сами выстраивайте драматургию, вы должны провоцировать собеседников на эмоциональные реакции: нет конфликта – сформируйте его, чтобы полностью раскрыть тему».

– В своё время ты был признан самым красивым из советских новостных ведущих. Какова роль внешних данных «говорящей головы»?

– Рейтинг передачи бесспорно зависит от «человека в кадре», который является лицом программы. Ведь порой зрители, если любят телевизионщика, даже не слушают, что он говорит, а просто смотрят на него. Им интересно всё: мимика, пластика. И конечно, у каждого ведущего свой зритель, свои поклонники. При этом, если речь идёт не просто о дикторской работе, важно понимать, что гость эфира должен быть

главной персоной и ведущий должен работать на него, а не тянуть одеяло на себя, пытаясь преуспеть в искусстве самовыражения, как это часто бывает. Хозяин эфира обязан быть доброжелателен и лаконичен. И ведущим «Даты», по– моему, это удавалось.

– Кто тогда у тебя работал в кадре?

– Две Ольги – Грозная и Журавлёва, Николай Поздеев и Владимир Туз.

– Я помню твой шикарный исторический проект «Кремлёвские дети», он шёл на канале НТВ.

– Это 30 фильмов о судьбах детей руководителей Советского государства, от ленинского Совнаркома до Политбюро ЦК КПСС. Главное в этом цикле было то, что мы рассказали об ужасно тяжёлой, а порой и трагичной жизни детей «властителей судеб миллионов». И среди них были отсидевшие в сталинских лагерях, и сиротских домах, и в брежневских «психушках» и сломанные, несчастные люди. А примечательно было понять и почувствовать, что из тридцати кремлёвских семей ни один ребёнок не был по-настоящему счастлив. А параллельно я в то время руководил телевизионной компанией «Север-ТВ» – мы готовили восемь с половиной часов эфира в день для ТВ Северного округа столицы.

Я ещё в 1997 году создавал московскую городскую телекомпанию «ТВ Столица», а десять лет спустя вернулся директором одного из десяти московских окружных телеканалов с распространением на территорию Северного округа Москвы. Параллельно редактировал интернет-издание «Север Москвы». В середине 2009 года моя компания была куплена новым владельцем, с которым я не захотел работать, и ушёл в никуда. Потом – в качестве исполнительного директора – занимался новым проектом. Это был общероссийский познавательный кабельно-спутниковый канал «Страна», основной контент которого формируется из лучших программ региональных студий.

– Все экс-«взглядовцы» единодушны: того, что было, не вернуть никогда. Феномен «Взгляда» – это что? Ведь на советском ТВ было много крепких, профессиональных передач до прорыва «молодёжки».

– Знаешь, такое впечатление, что страну всё время насиловали. Методично и регулярно. И она покорно, послушно рожала детей. При этом на самом деле крепких, как ты говоришь, вполне здоровых, но... нелюбимых. И вот впервые эта дама, немолодая, повидавшая много, родила по любви. Это было любимое дитя. И для нас, и для зрителей.

Глава 17. ПРОЕКТ. ЭПИЗОД СЕДЬМОЙ

Замкнутый круг Манежки

26 февраля 1991 года перед гостиницей «Москва» прошла полумиллионная манифестация в защиту гласности. Это было ответом на закрытие программы «Взгляд». Опросил трёх коллег – Сергея Ломакина, Владимира Мукусева и Александра Политковского.

Помнишь ли ты митинг в защиту гласности 26 февраля 1991 года? Стоял ли за расправой над «Взглядом» Михаил Сергеевич Горбачёв? Есть ли сейчас проект, закрытие которого выведет людей на улицу?

Сергей Ломакин:

– В это время я уже работал в программе «Время», которую тоже сотрясали всевозможные катаклизмы. Я помню события, связанные со штурмом телецентра в Вильнюсе. Наши информационные начальники считали, что это было важнее закрытия «Взгляда». Естественно, программа «Время» ни словом не отразила этот митинг. Слава богу, что мне разрешили в 1991 году дать репортаж о годовщине разгона демонстрации в Тбилиси. Тогда погибли люди... И власть никогда не допустит появления на ТВ такого мощного, критически настроенного к сегодняшнему режиму инструмента, как «Взгляд». Даже Горбачёв до конца не понял, какого джина выпустили из бутылки. Было...

Владимир Мукусев:

– Я в митинге не участвовал, потому что с января 1991-го совмещал депутатскую деятельность с работой над первым выпуском «Взгляда» из Новосибирска – телевизионной передачи, которая стала основой первой в СССР действительно независимой телекомпании, имеющей свой эфир. А сама телекомпания стала центром созданной через некоторое время Ассоциации независимых телекомпаний Сибири и Дальнего Востока – фактической альтернативой Гостелерадио СССР. Так что гласность я защищал тогда не на митингах, а делом, то есть эфиром.

Что касается позиции Михаила Сергеевича Горбачёва по поводу гласности, то само существование «Взгляда» в течение четырёх лет его пребывания в должности генсека говорит само за себя. Масштаб предложенных стране реформ был настолько грандиозен, что осуществить их можно было только с помощью сильных, независимых СМИ, частью которых постепенно и стал «Взгляд».

А что до митингов сегодня, так их и проводить негде. Шура Балаганов, помнится, больше всего на свете боялся большого скопления честных людей. Нынешняя «балагановая» власть потому и заставила Манежную площадь «церетельками» и пытается то же самое сделать с Триумфальной, чтобы такого не допустить.

Если представить сегодня телевидение как единый проект, то главным его достижением и результатом десятилетней деятельности можно, безусловно, считать то, что произошло на Манежной в декабре прошлого года. Многоголосое «хайль Гитлер!» – рядом с могилой Неизвестного Солдата и сотни рук, вскинутых в фашистском приветствии. Тут митинговать поздно. Судить надо. Но кто это будет делать? Басманный и хамовнический суды? Смешно. Власть, как она сама сказала, «не стыдно». Народ-победитель, как водится, безмолвствует.

Александр Политковский:

– Конечно, помню. Сам митинги не очень люблю. В них есть что-то ненормально-животное. Врезалось выступление Старовойтовой. И то, что я просил ментов пропустить будущего позорного министра интеллигенции России: ему надо было засветиться перед толпой. Тогда я с ним общался первый и последний раз. Другой пассажир, не пропущенный стражами, шипел на меня через ограждение, что вскоре всех нас уроет. Он был в правительстве алкаша Ельцина.

Горби не стоял за Кравченко. Здесь обыкновенная российская ссыкливость. Сейчас никто никуда не пойдёт: надо думать о себе. Тысячи людей Подмосковья 20-летие МЧС 27 декабря 2010 года встретили со свечами. И новогодняя ёлка у некоторых так и не зажглась. Чем хуже одним – тем другим лучше. Поэтому: «пилить всегда, пилить везде» (бюджет). Повышать цены на топливо, газ, тарифы, так как жизнь этих пассажиров ненасытна. Ну и конечно, пафос пожаров, ледяных дождей. По сезону. У нас наступило стыдное время.

Когда и кто впервые обвинил «Взгляд» в развале СССР? На сколько это резонно?

Сергей Ломакин:

– Честно признаться, я не помню. Впрочем, мы сами в шутку говорили, что «Взгляд» поспособствовал развалу СССР. Хотя, конечно, это не так. Нет и не может быть программы, которая могла бы совершить такую акцию. Хотя программа может внести раскол в мозги и направить их в нужное русло. А уж что из этого произойдёт, один Бог знает.

Владимир Мукусов:

– «Взгляд» – это не только сюжеты. Он влиял на принятие властью серьёзнейших политических решений. Например, был предъявлен народу первый легальный советский миллионер – Артём Тарасов и партбилет его заместителя по кооперативу. Чёрным по белому там было написано: партвзносы за месяц 90 тысяч рублей. Это при средней зарплате в стране в 120 рублей. Грандиозный скандал привёл к принятию принципиально нового закона о кооперации, создавшего правовую базу для перехода страны к многоукладной экономике и к реальному рынку.

Список можно продолжать если не бесконечно, то долго. Стоит напомнить, что все сегодняшние так называемые информационно-аналитические или передачи-расследования – родом из «Взгляда». Сотни гостей нашей передачи и герои сюжетов сегодня составляют пусть невидимую, но существующую истинную элиту страны.

Если всё вышеперечисленное привело к развалу СССР – мне искренне жаль, что страна, пройдя великие испытания и победив фашизм, не выдержала испытания правдой. Только не надо забывать, что известную Декларацию о Государственном суверенитете России подписали и три «взглядовца», избранные на первых, действительно альтернативных демократических выборах в российский парламент. Только почему-то многие забыли, а кто-то специально замалчивает, что последние три слова в названии этой Декларации были: «ОБНОВЛЁННОГО СОЮЗА ССР». Не знаю, как мои коллеги, но если бы этих слов не было, я Декларацию не подписал бы.

Александр Политковский:

– «Взгляд» всегда обвиняли в этом. Это совершенно нормальный эффект зеркала. Страна тогда делала попытки начать развитие, и мы хотели того же.

Если бы надо было сегодня создать тройку ведущих из нынешнего ТВ?

Сергей Ломакин:

– Поскольку сегодня такой радикальной публицистики нет и вряд ли она возможна на современных каналах, нужны были бы ведущие с абсолютным доверием населения к ним (я имею в виду не элиту и не думающую аудиторию). При этих условиях чем необычнее, тем лучше.

Итак: Максим Галкин, Иван Ургант, Глеб Пьяных. Как-то так...

Владимир Мукусов:

– Сначала «Взгляд» вели четверо. Поэтому предлагаю четвёрку. Михаил Осокин (РЕН-ТВ), Эрнест Мацквичюс (РТР), Борис Соболев (РТР), Юлиан Макаров (Культура).

На телефонные звонки в студию у нас отвечала группа «Сопричастность» (молодые психологи, социологи, юристы). Сегодня для этой роли вполне могли бы подойти ведущие «Прожекторпэрисхилтон».

Александр Политковский:

– Таких претендентов сегодня нет. Журналистику превратили в обслуживающий персонал. Упал уровень профессии. Людей интересует не то, что надо делать, а сколько надо получить или заныкать. Случайно на наше Рождество увидел передачу с одноимённым названием. Был поражён: огромные деньги потрачены – редактора нет! Экономил? Тогда на копейках. Власть хочет и видит «своих» репортёров. «Всё хорошо, прекрасная маркиза».

Возможна ли реанимация «Взгляда» на украинском телевидении?

Сергей Ломакин:

– Думаю, что при существующей политической обстановке на Украине (пока ещё есть возможность высказывать своё мнение) только здесь и возможна.

Владимир Мукусов:

– На мой взгляд, одна из главных задач, стоящих перед украинской властью сегодня, – единство и единение страны. Без правды об истинной истории страны, без контроля общества за действиями высшего руководства, без журналистских расследований, то есть без независимых СМИ, решить эту задачу крайне сложно. Частью таких СМИ мог бы стать новый «Погляд». Почему бы и нет.

Александр Политковский:

– «Взгляд» стал «Взглядом», так как журналисты говорили о стране, в которой жили и которую знали и любили. Всё просто! Тоже зеркало. Мне Украину жаль, как и Россию. Всех развели. Так как всегда были, есть и будут удельные князьки с желанием царствовать. Под видом демократии нам помогли разойтись. Так что такие передачи возможны везде. Но их должны делать СВОИ!

Вместо резюме

Западные советологи тогда единодушно назвали 26 февраля 1991 года отправной точкой формирования гражданского общества в нашей стране. Ну и?.. По мне, так в этой точке наш социум и остался: как географически (ещё не «реконструированная» под корень гостиница стояла на Манежке), так и по понятиям.

Умная власть отбрасывает хвост, как ящерица. Глупая власть отбрасывает копыта. Волнения, напомнившие о существовании Манежки как площадки для митингов и последовавшие за убийством москвича Егора Свиридова, были обусловлены не тем, что его убили кавказцы, но тем, что убийцы были отпущены на свободу ментами. Именно против последних изначально выступали друзья погибшего. Затем гнев оскорблённых был грамотно переформатирован манипуляторами. Ну а политическим группам, заинтересованным в раскачке народного аффекта, осталось только использовать эту – пользуясь футбольной терминологией – замечательную подачу власти, чтобы забить ей красивый гол.

Что делают в таких случаях умельцы от истеблишмента во всём мире? Приносят в жертву тех, кто – в представлении социума – виновен (и не суть важно, адекватно «обвинение» или нет). Важно, чтобы кто-то «наверху» пострадал. Хоть как-то.

Слили бы милицейского начальника, отпустившего дагестанцев, завели бы дела на следователей, дружно оповестили бы об этом оппозиционные СМИ – глядишь, и не дошло бы до бунта, осмысленного и всё же пока не беспощадного.

Опять же допустим – всё же «дошло» и взорвалась-таки Манежная. Тогда Рашида Нургалиева – долой! И неважны личные качества министра внутренних дел и/или мера его вины/вовлечённости. Власть обязана быть изворотливой в периоды нестабильности. Как ящерица.

Ну вот убил «Мерседес» нефтяного генерала женщин-врачей на «встречке». По-любому, трагедия. Непоправимая. Однако имидж ведь поправим. Неважно на самом деле, кто виноват с точки зрения ПДД: есть презумпция виновности зарвавшейся элиты. Заслуженная презумпция. Независимо от расследования и реалий конкретного дела тот вельможа должен был раскаться публично, а его водителя необходимо было в тот же день признать стопроцентно виновным и с барабанным боем посадить. Потом бы выпустили тихонько через месяц-другой, озолотили бы компенсацией, был бы счастлив. Назначили виновного, приговорили сурово = удовлетворили чувство справедливости, народу присущее. И волки олигархические целы, и овцы репутационные сыты до отвала показной справедливостью.

На Западе так и делают. И на Востоке.

Там нет коррупции? Миллиардная.

Элита не злоупотребляет админресурсом? Ещё как! Но по законам жанра соблюдаются элементарные приличия.

И только у нас может родиться такой анекдот: «мерс» полковника ФСБ столкнулся с джипом главы думского комитета – виновной в ДТП признана машина ГАИ, прибывшая на место аварии...

Шотландский министр транспорта Стюарт Стивенсон в те дни, когда у нас грянула Манежка (декабрь 2010-го), был вынужден подать в отставку... из-за того, что на дорогах «образовались заносы и появился гололёд». Нонсенс? Нет, нормальная практика «перевода стрелок». В былые времена и гонцов казнили за худую весть. А у нас имеет значение лишь преданность вождю. На каждом уровне чиновничьей спирали.

Весной 2010 года министр сельского хозяйства Словении Милан Погачник подал в отставку со своего

поста после того, как его заподозрили в махинациях с земельными участками. А здесь? «Да, он сукин сын, но это наш сукин сын!» – сентенция US-президента Франклина Рузвельта в адрес никарагуанского диктатора Сомосы перед визитом последнего в Вашингтон стала российским лозунгом.

Сукины дети. Связанные одной цепью. Наши элитарии. Друг друга не сдают, всех остальных просто в упор не видят.

Один из соратников Сильвио Берлускони, министр промышленности Италии Клаудио Скайола, ушёл в отставку, заявив, что-де не может продолжать выполнять обязанности чиновника. А вменялось ему всего лишь приобретение апартаментов с видом на Колизей за 600 тысяч евро, что ниже их рыночной стоимости вдвое.

В феврале 2010 года японский министр финансов Сеити Накагава лишился должности после выступления на саммите G7 в Риме – журналисты-соотечественники написали, что им «показалось» (!!!): министр был пьян. «Обвиняемый» оправдывался, что, мол, простудился и употребил сильное лекарство, которое, наложившись на смену часовых поясов, вызвало неадекват. Тем не менее его отставку премьер Таро Ассо принял.

Во Франции уволили министра Алена Жуайянде «за тягу к роскоши»: он потратил 116, 5 тысячи бюджетных евро на курортную командировку.

А у нас? С формулировкой «за расточительность» намеревались «зачистить» – и об этом объявили в газетах – министра спорта Виталия Мутко: его гостиничный номер стоил \$1499 в сутки. Но он остался на посту.

Тот же Нургалиев просто должен был бы написать рапорт после «дела Евсюкова». Но у нас другие «традиции» – помнится, Михаил Лесин остался на посту министра печати после скандала с шантажом Владимира Гусинского.

И дело вовсе не в проступке, а в том, что об этом стало известно. Не пойман – не вор. Но попалился – сдelaй харакири, притворное, на утеху репортёрскую, но исполни. Проколотся – уходи. Недаром говорят: лицемерие – последнее прибежище добродетели.

Министр обороны Ирландии Вилли О'Ди подал в отставку, признав, что несправедливо обвинил своего политического оппонента в организации борделя: репортёр представил запись беседы с неосторожными пассажирами.

Там «четвёртая власть» учит чиновников отвечать за базар. Наши, повторю, даже не считают нужным вид делать, что рука руку не моет.

По итогам проверки закупки медицинских томографов на 7, 5 миллиарда рублей возбуждено 17 уголовных дел, но министр здравоохранения Татьяна Голикова ничуть не устыдилась. Не она же закупила. И не её супруг – министр Виктор Христенко. И не их общий начальник.

К тому же всё будет забыто, как только разразится новый скандал. У толпы короткая память. Да и политических трупов у нас не бывает. Так что, казалось бы, вниись – и ничего страшного не случится. Через год-другой вступишь в игру по новой.

Между прочим, вышеупомянутый итальянец Скайола в 2002 году, будучи министром внутренних дел, уже сливался всего лишь за то, что пренебрежительно отозвался об убитом «Красными бригадами» эксперте.

Так что отставка – это всего лишь гигиеническая мера. Санитарная. Но на российском Олимпе – очевидная антисанитария. Почему-то говорить правду или каяться наши власть имущие ужасно не любят. Думают, и так сойдёт. Всё, что говорят и пишут «там, внизу», вне рамок кремлёвской касты, – для них нечто

малозначительное «из жизни муравьёв».

«Ведь им на нас накласть, бэби, ух, как им на нас накласть!» – некогда горевал Саша Градский. «Антиперестроечный блюз» приурочен был к перестройке. Сейчас объявлена перестройка-дубль. И если не освоить нехитрые правила приличия, случится очередной февраль, октябрь или август. Со всеми вытекающими отсюда нежелательными последствиями – очередным экономическим откатом, всеобщим мочиловом и провалом на мировой политической сцене. Вернее, Манеже.

Есть ли у нас гражданское общество (далее: ГРОБщество, раз уж Егор Летов таким образом шифровал свою «Гражданскую оборону», то в отношении самосознания нации, чей менталитет породил присказку «Моя хата с краю», – это более чем адекватно)? ГРОБщество как самоорганизованное взаимодействие с властью (а в условиях нашей истории уместнее говорить о противодействии) ныне существует лишь в форме саботажа и профанации государственных инициатив со стороны нынешних элит (равноудалённых олигархов & равноприближённых бюрократов). Народ же, как водится, безмолвствует.

Трудно представить себе, что сейчас пятьсот тысяч возмущённых москвичей выйдут на морозную площадь, протестуя против закрытия какого-нибудь ТВ-шоу, радиостанции или газеты. Хотя неприязнь к власти и очевидная её, власти, импотенция вполне соизмеримы с образцами зимы 1991-го. Чем всё это закончилось в августе того же года – помнят не только летописцы.

В двадцатилетнюю годовщину митинга я обсуждал тему ГРОБщества в застолье с французским мастером сенсаций Тьерри Мейсаном и отечественным мыслителем Гейдаром Джемалем. Выяснилось, что на самом деле ни в одной из культур нет чёткого и однозначного определения этого самого ГРОБщества. Вернее, разномасштабных определений так много, что даже для лаконичного изложения всех не хватит газетной полосы. В US-политологии есть термин Grassroots (корни травы), подчёркивающий, что инициатива идёт именно от земли, снизу. Хотя справедливости ради замечу, что там почву так удобряют, что на заокеанских лужайках трава растёт под заданным углом.

Характерным симптомом подлинного ГРОБщества считается наличие влиятельных негосударственных СМИ. И самое смешное, что «Взгляд», да и самые рейтинговые медийные проекты, учреждённые советским государством и/или партийными (читай: государственными) структурами, де-факто были на рубеже 1980 – 1990-х суверенными, поскольку в контексте провозглашённого компартией курса на перестройку одряхлевшая власть не заметила, что редакционную политику стали определять не кураторы «органов», а дерзкие редакторы + журналисты. Тот же «Взгляд», «До и после полуночи» Владимира Молчанова, питерское ТВ-обозрение «Пятое колесо» Сергея Шолохова, журнал «Огонёк», еженедельник «Московские новости» и, само собой, «МК»: все они были не просто жёстко оппозиционны Кремлю/Лубянке, но по сути и результату – революционны. А многие нынешние холдинги и ТВ-каналы, даже являясь юридически частными и формально от государства независимыми, на самом деле подстраиваются под генеральную линию Администрации Президента, которая со времён, когда её вместо Анатолия Чубайса возглавил экс-журналист «Огонька» Валентин Юмашев, занимает валентность ЦК КПСС.

Кстати, в помянутой беседе Гейдар Джемаль со свойственной ему лёгкой иронией заметил, что о гражданском обществе принято говорить в презумпции того, что оно есть благо. А это не факт. Быть может, это зло. Для нас. Ведь недаром же твердят: что немцу хорошо, то русскому смерть.

Нынешний российский дуумвират браво твердит о необходимости построения ГРОБщества, поскольку без оно-де не построить сакраментального правового государства. Угу, и возводить всю эту красоту намереваются, видимо, на фундаменте сегодняшней клептократии. Я допускаю, что на месте «депутатской» гостиницы «Москва» можно возвести самый дорогой в России отель. Но сомневаюсь, что из точки, где два десятилетия назад вскипал митинг против кремлёвской цензуры, можно провести линию в светлое будущее подлинной свободы от мздоимства. Там, на Манежке, возможны теперь только

многозначия. Да знаки вопроса.

Очень симптоматично, что реинкарнированная гостиница-квартал – почти точная копия архитектурного творения 1930-х. А по сути ей отведена роль прикремлёвской роскоши под сетевым западным брендом. Путинский гламур вместо сталинского ампира. Подмена. Подстава. Игра.

Возможно, на памятных манифестациях в защиту гласности орудовали свои провокаторы и манипуляторы. Но там была движуха. Драйв был. И надежда. Была. Наверное, я остался в глубине души наивным хунвейбином, но имя нам, таким наивным, было – легион. Журналисты того времени рисковали своими карьерами и благосостоянием, а многие уверены были, что рискуют и здоровьем, и жизнью. Мы верили: этот путь – наш. «В этом мире того, что хотелось бы нам, НЕТ; мы верим, что в силах его изменить, – ДА!» Но окрестили демократов «дерьмократами», на журналистов навесили ярлык «журналюг». Не без оснований, увы. То, что происходит сейчас на местах митинговой славы, не внушает лично мне ни доверия, ни надежды. Нет надежды без веры. А верить-то во что?

Пожалуй, лишь в некомпетентность неприятеля. Осталось определиться: враг где? Двадцать лет назад это казалось очевидным – в Кремле. И когда Горбачёв призывал «не раскачивать лодку», было понятно, что именно имеется в виду. А сейчас этот призыв блогеры иллюстрируют яхтой Романа Абрамовича.

Ещё одним из параметров ГРОБщества считают тотальную частную собственность. Мол, когда человеку есть что терять, в нём резко возбуждается правосознание и желание за своё добро социально активничать. Ну так вот.

Если наши вожди жаждут на деле выстроить правовое государство на основе гражданского общества по западному образцу, то пусть по этому самому образцу поделятся собственностью. А то я читаю в дневнике светского обозревателя Божены Рынки про то, как супруги-министры Голикова + Христенко зажигают в казино Монако с ливийцем Надер-Надером, и что-то не догоняю: какие эмоции должен вызывать абзац: «Голикова бросила на кассу толстую пачку налички. Сказала: вы посчитайте, сколько у меня там, а я пока пойду ещё чего-нибудь себе выберу. Она реально не знала, сколько налички у неё с собой. Разбрасывалась кэшем на глазах у всех в Шанели».

Итого. «Кто был ничем» – ничем и останется. Мы всегда рассчитывали на авось. Авось нас вынесет нелёгкая и в этот раз. И будет всё не по сценарию. Зато – по справедливости. Я не знаю как, но ведаю – когда. Скоро. Очень скоро.

Даже когда в начале 2001 года величественный «Газпром» забрал у опального медиамагната Владимира Гусинского канал НТВ, пресловутый УЖК (Уникальный журналистский коллектив) не смог собрать по-настоящему внушительный митинг.

– И ни одна сволочь теперь не сможет написать, что люди пришли в хорошую погоду послушать музыкантов, – провозгласил тогда Евгений Киселёв перед толпой у «Останкино».

Коллеги-сволочи из экспериментального таблоида «Московская комсомолка» резонно отметили, что 23 тысячи долларов, которые тогда стоила минута рекламного времени НТВ, будучи умноженными на массив интенсивной раскрутки того митинга, составили внушительную сумму. Иронизировали: каждый из митингующих должен был бы внести в кассу по десять тысяч долларов, чтобы «отбить протест по бухгалтерии». Дело тогда закончилось тем, что Борис Березовский привёл команду УЖК на ТВ-6, изгнав оттуда журналистов, канал создававших, а ловкий Парфёнов, переметнувшийся на сторону Кремля, возглавил НТВ. Без всяких митингов эти экзерсисы прошли.

А ведь в перестройку стихийные демонстрации в поддержку прессы и/или следователей Гдляна и Иванова вспыхивали без всяких ТВ-призывов и хитрых интернетов, в отличие от погромов Великой арабской революции, потрянувших Северную Африку и Ближний Восток. Сегодня объявлена перестройка

2.0. Только «Взгляда» у неё нет. И не предвидится.

«Разберёмся...», год номер 2011

Интервью с Володией Мукусевым.

– А как сложилась твоя судьба после 93-го? Я время от времени видел тебя на телевизионных экранах...

– Это были лишь короткие эпизоды на маленьких каналах: на РЕН-ТВ и ТВЦ. Ельцинский запрет доставал меня и там. В начале 90-х Михаил Полторанин, тогдашний министр печати, предложил мне возглавить Первый канал. Я согласился с одним условием – немедленная передача всех материалов проверок деятельности «Останкино», проведённых по требованию Верховного Совета, в Генпрокуратуру. Согласно этим документам, всё, что происходило тогда на телевидении, имело юридическое название – мошенничество в особо крупных размерах. А попросту чудовищное разворовывание спонсорских, рекламных и бюджетных средств, бесконтрольная сдача студий под склады, распродажа дорогостоящей аппаратуры и техники. А с телеэкрана при этом несло: «Мы сидим, а денежки идут». И многие миллионы бывших советских граждан создавали миллиардные состояния хозяевам финансовых пирамид. Полторанин на мои условия вроде бы согласился. Но тут же в некоторых газетах прошла информация, что я в запое, мало того, что у меня цирроз печени и дни мои сочтены. Информация эта была любезно доведена до Черномырдина, и он, естественно, отказался от моей кандидатуры. С подобным чёрным пиаром я встретился ещё раз через несколько лет, когда получил предложение одного из зампредов правительства возглавить вновь создаваемый холдинг ВГТРК. Уже существовал интернет, и накануне рассмотрения кандидатур в Сети появилась информация, что я болен СПИДом и заразил меня мой сексуальный партнёр, одесский докер, негр по имени Чарли. Причём были указаны даже адрес больницы где-то на Соколиной Горе и номер моей истории болезни. Одним словом, против меня уже работали настоящие профессионалы. Понятно, что, «узнав об этом», учредители нового холдинга мою кандидатуру отклонили, а начальником 2-го канала стал Швыдкой. Но всё это – ерунда. Я горжусь тем, что стоял у истоков более двух десятков региональных компаний, в основном в Сибири. То есть я начинал настоящее российское телевидение, а не сегодняшний отдел пропаганды по промыванию мозгов.

– Как родилась идея твоей сенсационной книги и почему она названа «Разберёмся...»?

– В начале 2000 года, уже работая преподавателем журналистики в одном из питерских вузов, я наткнулся на книжку, в которой увидел целую главу, посвящённую «Взгляду». Имя автора мне ничего не говорило, и я с удовольствием её открыл и начал читать. Буквально через несколько страниц меня замутило и захотелось вымыть руки. Всё, что там было написано, нельзя было назвать просто враньём. Это была грязная и изощрённая провокация, рассчитанная на тех, кто во времена «Взгляда» был слишком мал, чтобы его помнить. Первым желанием было кинуть её в печку или в мусоропровод. Но сработал инстинкт журналиста-расследователя. Я понёс её к своим студентам и предложил им на практике применить то, чему я их учил. Проверять и перепроверять даже, казалось бы, очевидные факты, не верить ни одному печатному слову без документального подтверждения, собирать информацию из всех возможных источников. И что тут началось! Они сутками сидели в интернете, искали в библиотеках, редакциях, архивах всё то, что было связано не только с их учителем, не только со «Взглядом», но и со всей журналистикой эпохи перестройки. Я помогал им как мог, отдав все свои архивы с газетными вырезками, которые собирал мой отец много лет, и сотни случайно сохранённых писем во «Взгляд». Работа эта длилась несколько лет. Группу возглавляла тогда моя ученица Оксана Лебедева, ставшая не только составителем, но и полноправным соавтором книги. В итоге студенты моего первого выпуска, а точнее уже молодые журналисты, преподнесли мне этот поистине бесценный подарок. Мою, нашу общую, книгу. Они – разобрались. Надеюсь, как и все те, кто её прочитал. Сегодня мне не стыдно за моих учеников. Их

немного, но это действительно журналисты, а не представители другой древнейшей профессии.

Книга вышла в канун двадцатилетия «Взгляда» и того отвратительного скандала, который этот юбилей сопровождал. На очередной тусовке под названием «Вручение «ТЭФИ» на сцену во главе с Любимовым поднялись люди, либо вообще никогда не имевшие отношения к «Взгляду», либо ничего, кроме вреда, ему не принёсшие. Любимову и была вручена заветная статуэтка. Зачем это было сделано, стало ясно через год, когда Познер тоже получил «ТЭФИ». Коммерческий ларёк «ты мне – я тебе» продолжает работать.

- Думаешь, возможно появление нового «Взгляда»?

– Думаю, нет. «Взгляд» остался там, где были перестройка, гласность, Горбачёв и всё, что с этим связано. И когда сегодня появляются то «новые», то «русские», то ещё какие-то «Взгляды» – всё это попытка завоевать зрителей на нашей былой популярности. Другое дело, что на экране нет ни одной телевизионной программы, которая стала бы, как когда-то «Взгляд», мостиком между властью и обществом, властью и страной, властью и людьми. А такой диалог необходим. Хотя бы для того, чтобы общество наше из электорального стада наконец-то действительно превращалось в общество людей, притом гражданское.

– Как ты живёшь сегодня?

– Живу в Москве. Работаю в Питере. На зарплату преподавателя жить сложно. Сдали квартиру и уехали в Подмоскovie. Так что всё нормально.

– Преподавателя?

– Я – доцент (и по должности, и по званию) кафедры кино– и тележурналистики факультета экранных искусств Санкт-Петербургского Государственного университета кино и телевидения. В Москве (как кандидат политических наук) – ведущий научный сотрудник Института искусствознания Министерства культуры и преподаю в двух вузах: Гуманитарном университете телевидения и радио имени Литовчина и в Первой национальной телевизионной школе при Академии госслужбы (при Президенте РФ. – Е. Д.). Дисциплины, которые я преподаю, называются так: «журналистское расследование», «основы творческой деятельности журналиста», «журналистское мастерство», «редактирование теле– и радиопрограмм», «режиссура телевидения». По приглашению различных учебных заведений, творческих организаций и союзов провожу мастер-классы. Последний прошёл в Сибирском федеральном университете (по приглашению Хлопонина). Часто участвую в теле– и радиопрограммах провинциальных теле– и радиокомпаний. В Москве и Санкт-Петербурге на фамилию Мукусов (на телевидении) – категорический запрет. Вот, собственно, и всё.

Техника телебезопасности

Первый свой материал про «Взгляд» я опубликовал во втором номере «Совершенно секретно», который делался в конспиративной квартире на коленках, что называется. По мотивам беседы с Александром Любимовым.

Итак. Версия у ТВ-команды была такова: сочинские цеховики против местных кооператоров. Председатель горисполкома Казанков пытался выгнать кооператоров из города. «Взгляд» снимал мини-митинг кооператоров, но в кадре неожиданно появился чиновник на площади перед исполкомом. На экране зрители видели, как Казанков отталкивал корреспондента, по-трамвайному выяснял отношения.

После показа по Первому каналу началось. Команду, находившуюся в Сочи, стали обрабатывать. Самая настоящая слежка, предложения «встретиться с местной политической инфраструктурой», категоричные отказы железнодорожных и авиакасс – билетов на Москву для членов съёмочной группы нет! В принципе телевидение имеет бронь, но куда бы Любимов ни обращался – только называл свою фамилию, говорили: помочь не можем.

Была провокация против режиссёра. Телевизионщикам исподволь внушали: не стоит работать над чем-либо, кроме «Красной гвоздики», приехали-де снимать фестиваль – не суйтесь не в своё дело.

Была загвоздка с отправкой компромат-кассеты, вывезти её должен был человек «незасвеченный». Всё кончилось хорошо – удалось купить билет прямо в аэропорту, куда он приехал инкогнито. А Любимов отвлекал в это время слежку на себя.

Позднее появилась статья в «Правде», где сердито повествовалось о «хулиганстве» телерепортёров.

– В этом случае, увы, «Правду» нужно, наверное, взять в двойные кавычки. Материал «Пена на берегу» на девять десятых – неправда, – говорил Любимов. – Корреспондент газеты, судя по всему, в Сочи не был. Это подтверждают и кооператоры, у которых, «по статье», он брал интервью, – они его не видели. Скорее всего это какая-то заказная статья. Думаю, что сочинского горисполкома. А поскольку Сочи соединён с Москвой «вертушками», вполне вероятно, что они имеют очень высокие выходы. С «Правдой» тяжело спорить. Сначала мы хотели подать в суд, потом решили просто сказать с экрана, что это ложь. И газета на этом успокоилась. Некоторые лжефакты из той статьи опровергались не раз: например, что я влезал на эстраду и призывал свергать местную власть или что-то ещё в этом роде. Интересно, что в один день с выходом статьи с Казанкова сняли выговор, который ему вlepило бюро горкома. Предполагаю, на него имеют виды, прочат какую-то большую карьеру, вот и постарались отмыть. Главная цель статьи достигнута – на нас бросили тень.

Подобных эпизодов в его творческой биографии немало, но во время нашей беседы Александр всем своим ироничным видом давал понять, что совсем не они его занимают.

– Телевидение. Что есть наше ТВ? Даже газеты, контролируемые аппаратом, всё же имеют свои редакции и являются чьим-либо органом – ЦК или ВЦСПС, АПН или ВЛКСМ. Почему телевидение – орган... – Саша не по-экранному растерянно задумался, – как у них «там» говорят. Кремля, что ли? Огромное количество программ, и все в одном подчинении. Это неправильно, у нас всё-таки плюрализм провозглашён. Я – за общественное телевидение. За то, чтобы опираться на собственные профессионализм, ответственность и компетентность.

Действительно, существуют полярные по взглядам «Наш современник» и «Огонёк», «Молодая гвардия» и «Юность», а телевидение – одно. Вот «Взгляд» и «До и после полуночи». Вы в восторге от этих программ? Секрет популярности в том, что другие работают ещё хуже. Быть популярным на нашем

телевидении не так сложно, большого ума не надо. Вспомните всеми руганную, но в то же время неутомимо популярную «Утреннюю почту». (Напоминаю: это 1989 год! – Е. Д.) Нужно создать конкуренцию между каналами, дать им экономическую и юридическую независимость. Телевизионщики должны видеть заработанные ими деньги. К слову, «Взгляд» очень прибылен. Он каждую неделю приносит валюту. Его покупают Япония, Западная Европа и так далее. Но – на что идут вырученные деньги? Вот этого не знают даже удачники ЦТ. Хорошо – на одноразовые шприцы. А может – на покупку резиновых дубинок или спецгазов? Вот вам и госбюджетная организация с обезличенными финансами.

Интересно работает с сюжетами «Взгляда» западное телевидение.

– Они просто переводят всю программу, – усмехается завсегда́тай передачи Владимир Цветов. – Вырезают то, что им неинтересно. Что неинтересно? То, что им непонятно. Но разрешения не спрашивают.

Есть главное управление внешних сношений, которое «продаёт» наше ТВ (ещё раз: это 1989 год! – Е. Д.). «Взглядом» распоряжаются бесцеремонно. Непосредственные производители товара продать ничего не могут. Датчане, например, хотели купить сюжет с парнем-афганцем, утверждавшим, что в 78-м году Апрельской революции не было. Они позвонили на ТВ, узнали цену... Дорого. Помочь им тот же Любимов не смог.

– Сюжет был в феврале, – вспоминает Александр. – Фарид говорил о правительственном перевороте в Афганистане, о том, что страна не была готова к революционным изменениям. Шум поднялся жуткий, программу видели в Кабуле. Увы, всюду есть люди, которые не понимают, что может существовать и другая точка зрения. Самое неприятное то, что афганское посольство пыталось его отправить домой, где – с его слов, конечно, – смельчака ждала тюрьма, а может, и расстрел. У него отобрали паспорт, и он скрывался у меня. Несколько недель не выходил из квартиры. Свою жену, русскую кстати, и ребёнка отправил из Москвы – мальчика, рассказывал, пытались выкрасть. Мы два месяца сражались, чтобы ему наконец дали вид на жительство. Звонили в ЦК партии, в отдел Среднего Востока и коллегия МИД, в ОВИР, в Верховный Совет, ещё куда-то. Бовин подключился, Бурлацкий, председатель Комиссии по правам человека написал письмо в Верховный Совет. Все входят в положение, понимают, что парню надо помочь, но всё равно вопрос очень долго решался. Не думаю, что он кем-то специально тормозился, просто такова система. Очень трудно разделить некомпетентность, нежелание работать и злой умысел. Последствия? Афганское посольство на нас обиделось.

Любой материал «Взгляда» пропускается в эфир только после просмотра. Это целый ритуал. Их спрашивают – зачем вы даёте этот сюжет? Они объясняют. Журналисты часто приглашают нужного эксперта, когда чувствуют – нужна поддержка. На просмотре «афганского» материал был Борис Пядышев, член коллегии МИД СССР, главный редактор журнала «Международная жизнь». Он, понимая слово «плюрализм» без кавычек, был готов его прокомментировать. Непросто пробивался сюжет о трагических событиях в Тбилиси. Тогда, после Пленума ЦК партии, «Взгляд» готовил сильную программу. К этому времени уже был до определённого уровня разработан материал о Тбилиси, и на 28 апреля ставилась «Хроника события». Самый сильный сюжет. Тут руководство ТВ начало гадать, куда пойдёт дальше генеральный курс. Что делать? Во «Взгляде» же твёрдо сказали, что без этого материала не выйдут. Дело дошло до взаимоультиматумов. Сами «взглядовцы» вспоминать об этом не любят. Хотя шёл разговор о забастовке. Или эфир с тбилисской хроникой, или передача не выйдет вообще. Но подробности остались за кадром...

– Зачем об этом? – искрение удивляется Любимов. – Думаю, не стоит. Если я даже назову фамилию запретителя, ничего не изменится, но отношения испортятся. С людьми из инстанций у нас установился нормальный контакт – мы к ним привыкли, они к нам... Телевидение должно перестать быть «органом Кремля», по крайней мере таким его до сих пор считают, особенно на периферии. Ведь борьба идёт

главным образом вокруг одного вопроса – насколько ТВ влияет на общественное мнение. Я считаю: мы не столько формируем, сколько отражаем общественное мнение. Стремимся выразить чаяния людей, раскрыть чужую боль.

Наверное, он прав. Сознание больше формируется не программой «Взгляд», а жизнью, в которой мы видим значительно более страшные вещи: унижение людей, дефицит, преступность, озлобленность. Сам факт существования программы оправдан тем, что он внушает уверенность: что-то можно изменить. Люди заряжаются энергией конкретного дела. А вокруг тезиса об управляемом общественном мнении борьба продолжается. Начальство говорит им – вы раскалываете народ. Это не так. Более того, любой материал по острой проблеме, выданный в эфир, всегда выпускает пар. Хороший пример – передача с Ельциным.

– Из него сделали «жертву несправедливости», – говорит Любимов. – Только он заговорил о пайках, а ему с высоких трибун: «Нож в спину партии!» Хотелось показать, что это за человек, ведь такой ажиотаж вокруг... С эфиром были определённые сложности – шли согласования на очень высоком уровне. Страна недоедает, а кого-то больше волнует, как справиться с Борисом Николаевичем. Ему создали имидж борца за права человека. Мне нравится позиция Ленина: коммунисты должны получать всё в последнюю очередь. В партию не должны вступать за пайки, машины, дачи и квартиры улучшенной планировки. Раскалывается из-за острых сюжетов не народ, но система тоталитаризма.

Ведущим «Взгляда» приходится сталкиваться и с элементарными уголовными провокациями.

Однажды встретил Любимова с перебинтованной головой. На вопросы он отвечал шуточками типа: «Вы же знаете, мы головами стены прошибаем», а потом, как говорится, раскололся:

– Ждали меня у подъезда трое. Сказали, что они из общества «Память». Впрочем, они могли сказать всё что угодно. Ведь, как утверждают функционеры «Памяти», многие организации, совершающие акты насилия, прикрываются их именем. Меня спас милицейский патруль, проезжавший мимо. Те трое удрали... После одной из передач было нападение на Диму Захарова. Он спасся бегством, закрывшись в лифте. Приходилось ли мне обращаться в милицию? Да, там сказали: «Ждите, пока что-нибудь случится». Удаётся оставаться спокойным, хотя телефонные звонки утомляют. Знающие люди советуют не волноваться: «Тебя сначала попытаются купить. А уж если откажешься...» Судя по всему, меня преследуют малопрофессиональные люди: уже не хулиганы, но ещё не мафия.

На вопрос, всегда ли он объективен, часто ли идёт на уступки, Любимов ответил несколько раздосадованно и абсолютно категорично:

– Любая программа – это компромисс. К примеру, в мае (это 1989 год! – Е. Д.) не пустили в эфир сюжет о заводе, который с 72-го года занимается производством скульптуры Ленина высотой 28 метров. Брежнев сказал: «И я такую же хочу», увидев американскую Статую Свободы. «Только чтоб это был Ленин и стоял во Владивостоке». Нам всё-таки удалось «выдать» этот сюжет 16 июня, после того как у нас на руках оказался козырь – местная газета с напечатанным официальным решением отказаться от спесивой монументомании.

Значит, рано или поздно любой материал пробивается на экран? Говорят, что по-старому не будет. Либо хуже, либо лучше. После прихода нового председателя в кулуарах Гостелерадио шутят: «Ненашево ума дело». Поживём – увидим. (Замечу, третий председатель Госкомитета СССР по телевидению Михаил Ненашев, назначенный на этот пост 16 мая 1989 года, ушёл с этой должности через год после данной публикации, в ноябре 1990 г. – Е. Д.)

Просматривая первый номер «Совсека», Александр Любимов досадно поморщился, увидев, как озаглавлен монолог директора ФБР Уильяма Сешенса – «Взгляд изнутри».

- Ну вот, снова «взгляд». Надоело.

Впрочем, самая популярная отечественная телепрограмма не только косвенно монополизировала обиходное слово, но и придала ему некую пружинистость и пристрастность. Пристрастность к тому, что во всём мире зовётся перестройкой. Ведущие «Взгляда», бесспорно, относятся к когорте самых отважных разведчиков той войны за новое, которую некоторые всё ещё пытаются свести к привычному знаменателю «незначительных разногласий».

– Каждый выпуск – довольно точный барометр расстановки общественных сил к очередной пятнице. А поскольку схватки идут яростные, «Взгляд» кидает то резко влево, то ближе к центру, – процитировала весной этого (1989! – Е. Д.) года «Советская культура» Сашу Любимова, самого, пожалуй, популярного из бойцов еженедельных сражений во имя гласности.

Конечно, рассказывая о «Взгляде», надо было прежде всего, наверное, дать слово его создателю Анатолию Лысенко, задумавшему такую крутую программу лет пятнадцать назад. «Одни слова для улиц, другие – для кухонь». Именно поэтому, полагаю, во времена брежневско-сусловского парада пугающе-всеобщей удовлетворённости вечерняя программа (в проекте) была названа «У нас на кухне после одиннадцати». Самое место для очередного анекдота «про бровастого Лёню». Самое время приглушить музыку. Самое место и время для доверительных бесед.

Дерзкий «Взгляд» – я знаю – и ныне многие упрекают в том, что он, оставляя строгие публицистические вершины, лихим эскадроном врывается в тёмные-претёмные проулки анекдотично-скандальных тем. Помню, многих заслуженных зрителей шокировало напористое (нарочито хладнокровное при этом) предупреждение Саши Любимова в самом начале очередного эфира:

– Сегодня будет много всякой музыки, поэтому те, кого не устраивает, могут выключить телевизор. – И тут же дуэтом с Димой Захаровым: – Спокойной ночи!

Много себе позволяют? Но много и получают. Думаю, что первая тройка (В. Листьев, Д. Захаров, А. Любимов) заслужила хлопотное, но и почётное звание отчаянных Рыцарей Нового Телевидения. Так же, впрочем, как и другие ведущие и те «взглядоделатели», которые остаются за кадром.

Много получают. Прежде всего – внимание. Справа, слева, сверху, снизу. «Взгляд» возглавлял список передач, репрессивного закрытия которых требовала «Память» на своём около-Останкинском митинге. С другой стороны, к ним тысячи сограждан обращаются как к последней инстанции. «SOS» во «Взгляде» раздаётся зачастую уже после обивания усталых ступней о все пороги – от жёка до Прокуратуры Союза ССР. И ещё о внимании. Не знаю журналистов столь невидного чина (имею в виду официальную табель о рангах), с. которыми встречался бы – не для интервью! – член Политбюро. Они вроде бы не робели...

Их уже не сбросишь со счетов. Можно отстранить от ведения передачи (как это случилось с Сергеем Ломакиным после прямого эфира, где один из гостей программы позволил себе намёки в защиту Ельцина). Можно объявить выговор. Можно после «Орбиты» вырубить тот или иной сюжет. (Напомню: «Лучшее место во «Взгляде», словно в мясной лавке, – вырезка».) Можно и просто нервы потрепать.

Главное то, что смелые и неподкупные журналисты не прогибаются. Хочу верить, что такими же неуступчивыми и принципиальными они будут всегда. Хочу верить, что они не дрогнут, пока гласность не освободится от негласного надзора сторонников Нины Андреевой, которые ждут не дождутся, чтобы в средствах массовой информации утвердился принцип: «Всё, что ни делается, то к лучшему, а то, что к лучшему, не делается». Это, кстати, тоже из блокнота Саши Любимова.

За пару дней до подозрительно дружного отъезда команды на молодёжный фестиваль в Пхеньян (награда за взгляды «Взгляда») приключились неприятные вечерние разборки на тихой автостоянке недалеко от издательского корпуса московских редакций.

Любимов обсуждал с несколькими известными музыкантами подробности недавней передачи. В это

время из притормозившей машины выскочил плотный бородач.

-Ты! Я тебя по телевизору видел, – победно объявил хмельной гуляка.

– Мурад, поехали! – звали его дружки из двух тачек.

Но хозяин ночного города обиженно и яростно доказывал Саше, что он «может купить весь ваш «Взгляд» вместе с камерой», тряся пачками пятидесятирублевых толщиной, соизмеримой с его невысоким лбом. Дело едва не дошло до рукопашной. Небедный Мурад уехал, пообещав Любимову неприятности, один из музыкантов насилу уговорил Сашу сесть в его машину и не искушать судьбу поисками такси (на метро «взгляды» давно уже не ездят – каждая поездка превращается в вечер вопросов и ответов).

На прощание ТВ-звезда, не страдающая (пока?) звёздной болезнью, мне сказала:

– Вот после таких встреч с поклонниками не хочется работать.

Ему было в самом деле невесело. Много получает...

Я знаю, что он ничего не боится.

Я верю, что он не переступит через – воспалённую тем, что он видел и знает, – совесть.

Я понимаю, что непросто быть ТВ-репортёром номер... ну пусть хотя бы – три.

И я очень надеюсь на то, что «взгляды» своими передачами воспитают поколение, которое не пожелает, чувствуя боль, вновь ставить себя под плеть.

Иван. Всё помнящий

Популогия

Иван. Ну что Иван... Не знаю, где и кем я был бы, не встретить я Иван Ивановича Демидова. Он помогал мне, и я у него в долгу.

Первый раз я увидел режиссёра в студии АСБ-4, куда был приглашён как типа guest star. Весной 1988 года, до того как Люби позвал меня на соведение. Это была, как помню, запись, а не прямой эфир (был и такой формат беседы с ньюсмейкерами). По-моему, первый опыт такого рода: эфир от 27 октября 1987 года: тогда запись встречи с заслуженными хиппи (Папа Лёша, Пессимист, Макс Столповский, etc.) была записана, а в студии перемонтированную версию этой беседы обсудили ведущие (Захаров, Листьев, Любимов) и «политобогриватель» Цветов.

Короче. Допрашивали меня Любимов и Листьев. Последний съязвил, назвал меня «писательским сыном» (а писатели в СССР были привилегированным меньшинством) в ответ на мои словесные экзерсисы, обличавшие «золотую молодёжь». Я вообще тогда гнал невообразимую пургу про необходимость превентивных репрессий в отношении партноменклатуры и козырял сенсационным инсайдом по поводу «дворца для Горби» в крымском Форосе. После записи в студию спустился Иван. Высокой блондинистый супермен, весь в джинсовом и улыбках. Вытащив из кармана сигаретную пачку, со смешком поставил диагноз:

– Проверку не прошёл.

То есть для прямого эфира это было бы чересчур даже в контексте «революционной» передачи.

Пошли курить. Потом в буфет. В компании с обоими ведущими и Шипиловым. Ну и так далее. Иван значительно младше меня, но я всегда позиционировал его как старшего. Типа по званию. Сержант-десантник. Продюсер-основатель. Гуру и всё такое.

От Ивана в проекте «Взгляд» зависело многое. Ну не просто так перед ним на коленях стояли Листьев и Любимов. Таково было пожелание Ванино. В ответ на вопрос: «Ну что нам сделать, чтобы ты стал с нами работать?»

Так случилось, что я был в переговорной канала «Ностальгия» с двумя нынешними телезвёздами (плюс секретарь владельца компании Владимира Ананича, редактор по гостям и ассистент), когда эфирился повтор ТВ-шоу «Рождённый в СССР», в котором Иван рассказал об этом прикольном инциденте. Оба ТВ-мастера были изумлены безмерно. Пришлось заверить, что эпизод этот секретным не был.

К сожалению, я не всегда внимал демидовским советам/директивам. И post factum жалел, что не прислушался. Помню, Ваня регулярно наезжал на меня за то, что я в кадре пытаюсь работать без очков (мне казалось, что одного очкарика – Димы Захарова – в обойме достаточно). Но потом, отсматривая запись прямого эфира (обычно в однокомнатной квартирке Любимова, который единственный записывал московские выпуски на домашний видеокассетный видеоредактор), всегда вынужден был признавать: близорукие прищурки с моими «лисыными притопами» (© Демидов) не коррелируют.

Мне жаль, что рабочий альянс Демидовых (Ваня + Лена) не пережил семейных разборок. Ленка = офигительный продюсер, и вовсе не потому, что ей самозабвенно курил фирменный ластикотный ТВ-шут и талантливейший словоблуд Отар Кушанашвили; она просто очень хорошо понимает про ТВ. Её «Акулы пера» тому доказательство.

Помню, когда увидел хрупкую блондинку в ньюсруме «молодёжки», сразу заинтересовался у Люби, кто, мол, такая. Саша в ответ хохотнул:

– Даже не думай, у неё муж – десантник.

Так я, собственно, и догнал, что Елена – Демидова.

Жена-красавица красавца-режиссёра Вани Демидова в послевзглядовскую эпоху выросла в очень грамотного & жёсткого продюсера, поднявшего такие культовые проекты ТВ-6 как «Партийная зона».

Хороша она была тем, что никакого респекта к славе & званиям артистов не испытывала. Она ценила в двуногих лишь две вещи: природную фактуру и бабло. Ни того, ни другого у большинства героев отечественного шоу-биза не было и нет. Во всяком случае, в масштабах Лены. Сколько бы ни начесал на своих корпоративах, допустим, великан Киркоров, у любого именитого нефтяника или заслуженного чекиста \$\$\$ будет больше. Ну да, зато стать Филиппа она не оценить не могла. Хотя и у самого Иван Иваныча рост под 190. Ну не суть. Важно, что она строила артистов с такой же уверенностью, с какой опытный офицер муштрует призывников. Потом Демидова стала матерью-героиней в городе-герое Лондонске. У неё четверо прелестных блондистых детей и муж, как и положено, – предприниматель. В июне 2011 года Демидова вместе со старшей (Настей) приезжала на пару дней в Москву. Мы поностальгировали в Vogue Cafe (совершенно справедливо обхабленном Сергеем Минаевым), и когда к нам на десерт присоединился Иван, я отчётливо про себя понял, что очень их всех люблю, это во-первых, а во-вторых: бывшее не вернуть. Типа: «я вспомнил вас, и всё!»

Она дружила с боевитым напористым режиссёром Таней Дмитраковой, которой я тоже многим обязан: та возилась со мной, невзирая на капризы и мигрени. Смешно, однако же, переписывается история. Мы с Дмитрией оказались за одним столом осенью 2010 года на грустном юбилее. И поскольку вспоминали совместные приключения с Артёмом Боровиком, заговорили и о «Взгляде». Не без изумления обнаружил, что Танька, делающая странноватый проект «Девчата» на «России-1», реально не помнила, что каждую пятницу передача «Взгляд» выходила в прямой эфир дважды: в обеденное время на Дальний Восток (где было как раз около одиннадцати вечера), и потом – ударный выпуск на Москву/Европу, после разборок в кабинетах начальства, полномасштабных пиздюлей и перемонтажа ряда сюжетов. Мы с ней сцепились по этому поводу так, что сидевший между нами Дима Лиханов вынужден был пересест к Мазаю – Сергею Мазаеву. Я набрал Иван Иванычу с просьбой рассудить нас. Ваня спокойно (ну, это же Демидов) и неопровержимо подтвердил: после т.н. «эфира для тюленей» передача четырежды повторялась в записи по «Орбите» на Сибирь & Урал, а ближе к полуночи все вновь собирались в АСБ-4 для того, чтобы отвязаться по полной.

Вот. На Иван Иваныча всегда можно положиться. Он ничего не путает. И всё делает правильно. Ну, или почти всё. Его тема с увлечением православием и каналом «Спас» (который он основал и возглавил в 2005 году) мне была непонятна, так же, впрочем, как и его дружба с Березовским в начале нулевых. Особенно в контексте того, что Борис отождествлялся с Мамоной, а Демидов насчёт \$\$\$ особо не заморачивался и, замечу, никогда не воровал. Хотя, соблазнов был океан плюс три стакана.

Помню, в период, когда Иван рулил ТВ-6, Александр Толмацкий (его сына Кирилла ещё не звали Децлом. а самого Сашу в тусовке знали как удачливого рекламного магната и беспокойного газмановского экс-продюсера) просил меня похлопотать на предмет того, чтобы пристроиться на «шестую кнопку» типа коммерческим директором именно потому, что там, с его точки зрения, была масса «нереализованных возможностей». Демидов никогда не влезал в коммерцию, был безупречен и щепетилен в денежных вопросах, обижался, когда я наезжал по поводу «джинсы» на Андрея Разбаша (Ване все друзья виделись белыми + пушистыми), хотя и работал с Александром Горожанкиным, бывшим директором «ВИДа», который был (наверное и остался) чертовски красивым + ангельски обаятельным (с Катей Андреевой они

были очень эффектной парой), но пробы-то ставить было некуда: именно Саня осуществлял коммуникацию Листа с бандитами и вообще не брезговал ничем из традиционной бизнес-обоймы 90-х (как, впрочем, и все поголовно преуспевшие тогда олигархи и эффективные, блин, менеджеры). Принято считать, что Саша стал самым состоятельным из всех тех, кто входил в Совет директоров «ВИДа». Хотя начинал с торговли минутами «Поля чудес» и следил, чтобы в студии кто-нибудь из зрителей не пробежал с пакетом, украшенным приметным логотипом каким-нибудь.

Иван всегда был как бы НАД. Из аппаратной сверху наблюдал за всеми и никотином расширял сознание. Он такой. Демидов он. Фанател от Пола Маккартни. И был советским ТВ-битлом. Хотя Костя Эрнст с четвёркой The Beatles сравнивал лишь квартет «взглядовских» фронтменов (цитирую по эфиру: «Так случилось, что группа ведущих «Взгляда» оказалась группой «Битлз» российского телевидения. И во всей этой группе Джоном Ленноном был Влад. И не только потому, что его убили, а скорее потому, что от него зависело больше, чем казалось. Некоторые другие выглядели более ярко. Он не старался солировать. Но смысла в нём было всегда гораздо больше»),

В «Популогии» написано: «ДЕМИДОВ Иван И. – великий деятель отечественного телевидения. Придумал показывать длинные отечественные сериалы (например, «Семнадцать мгновений весны») за один день, дабы сделать телевизор полноправным членом семьи зрителя. Вместе с фон Штирлицем люди вставали, делали утреннюю гимнастику, нехитрый туалет, завтракали, выгуливали собак, делили с друзьями (Штирлицем, ящиком и Д.) обед, справляли естественные надобности, отдавали сомнительный, приготовленный тут же, у «голубого экрана», ужин врагу (Мюллеру) и наконец засыпали – Тихонов в «Мерседесе», а граждане в креслах и на табуретках. Долгое время Иван Д. являлся рулевым «МузОБОЗА» (в последнее время ему помогал рулить единственный в своём роде грузин-блондин – см. Кушанашвили) – придуманной им передачи, которая, как и «Караоке по-русски», даёт возможность запеть на всю страну практически любому желающему. Единственный в мире человек, которому удалось присутствовать в 1965 или 1966 году при концертном исполнении «back in the USSR» ливерпульской четвёрки. В детстве работал осветителем у «АВВА» (подробнее о шведских исполнителях см. «Восток»), в результате чего повредил зрение и теперь не снимает солнцезащитных очков».

* * *

Вскоре после убийства Листьева передача Демидова покинула прайм-тайм. «Музыкальная правда» опубликовала беседу с Иваном «ОБОЗ» НЕ В ОБУЗУ» (Июнь 2, 1995. № 13).

– Почему «ОБОЗ» из пятничного прайм-тайма выкинули. Популярность падает?

– Причина в ином – в железобетонном убеждении телевизионного начальства, что молодёжь «ОБОЗ» и ночью смотреть будет, фигли нам ставить передачу в лучшее время? Цинизм? А куда деваться? Хорошо, хоть так. А то ведь есть и такой способ рассуждений: мне, мол, 50 лет, я с женой «МузОБОЗ» не смотрю, на фига же он пятничный вечер занимать будет? Вот когда я спать лягу, пусть что угодно показывают. Спорить с такой логикой просто невозможно. И аргументы типа справок из Министерства образования о том, что основная часть моих зрителей – подростки, которые после ночных телебдений утром в субботу просто проснуться не могут, не принимаются. На все мои доводы один ответ: вы о своей программе печётесь, а мы мыслим масштабами канала. Ничего, теперь и я каналами мыслить стал.

– Для перехода на ТВ-6 пришлось уволиться с Первого канала?

– Да, из штата я ушёл, остался только в качестве приглашённой телезвезды. Но дело не в том, что мне стало плохо в «Останкине» и я подал заявление об уходе. Делали мне предложения и в рамках Первого канала. Звали возглавить музыкальную редакцию. Я отказался, руководствуясь чисто личностными

мотивами. Сейчас я говорю о себе не как о телезвезде, а как о телепродюсере. На Первом канале по-настоящему не развернуться, эфир забит, все тёплые места заняты. В лучшем случае удалось бы мне запустить ещё пару проектов – всё. Мне же хочется большего. ТВ-6 же на этом фоне выглядело чистым листом, на котором можно воплотить любые свои замыслы. Конечно, с помощью интересных людей, профессионалов.

– Сагалаев позвал?

– Сагалаев и Пономарёв – руководство канала. Они в своё время принимали меня в молодёжную редакцию «Останкина» на должность администратора. Круг замкнулся, мы снова оказались вместе, хотя поначалу переходить с Первого канала я не собирался. Я просто предложил делать музыкальные новости для ТВ-6, но в процессе разговора получился новый неожиданный поворот. Мало того, мне удалось привлечь к сотрудничеству замечательных людей. Исполнительным продюсером по кино стал, как известно, Саша Олейников, знакомый многим по передаче «Программа ИКС». У него масса интереснейших задумок, часть которых Саша уже воплотил в жизнь.

Курирует кинонаправление Виктор Мережко. В его задачу входит собрать вокруг себя крепкую команду кинематографистов. Кое-что из задуманного уже реализовано. Это «Утро с Леонидом Лейкиным», циклы «Моё кино» и «Нью-Йорк, Нью-Йорк», «Постмузыкальные новости», стартовавшая с 95-го года программа «Акулы пера». Есть ещё масса идей. Что же до содержания конкретных программ, которые мы предполагаем запускать, то, извините, я предпочитаю карты пока держать закрытыми. Это наше ноу-хау. Есть реальная маза, что НТВ прочтёт это интервью и первым выпустит программу по нашей идее. Одно могу сказать: я ни с кем соревноваться не собираюсь. Мы пойдём своим путём. Никакого копирования, никаких вторых «Полей чудес», «Устами младенца» и так далее. Одна из самых больших бед нашего телевидения в том, что многие заняты не поиском своего, оригинального, а перелицовыванием чужого. Мы для себя это сразу отвергли. Мы хотим быть не вторыми и уж тем более не шестыми, а только первыми.

– Вполне уместен каламбур: а не станет ли «ОБОЗ» обузой?

– Не станет. Главное, чтобы была команда телевизионных единомышленников, способных реализовывать твои идеи. Я специально сделал так, чтобы моё присутствие на съёмочной площадке при записи программы было сведено к минимуму и ограничено концептуальными вещами – мыслями, идеями, направлениями в работе, но... В принципе, есть кому заменить меня. Другое дело, что вопрос так не стоит. При всей моей наглости меня трудно заподозрить в выпячивании моего «я», просто оно, это «я», выпирает – энергии много. Я ведь мог бы все сорок минут сидеть в кадре, сам все интервью со звёздами делать, репортажи готовить. Мне это не надо. Я заряжаю на работу других. Надеюсь, мой вкус и опыт не позволят нам никогда на пошлятину скатиться.

Конечно, делать еженедельную программу очень сложно, по сути, это конвейер. Кое-кто частым эфиром и объясняет нашу популярность. Я обычно предлагаю таким умникам самим попробовать каждые семь дней готовить 40-минутный выпуск: «Старичок, напрягись, поделай такие программы хотя бы в течение месяца». Нет, не хотят. Я не особенно переживаю, когда мне говорят, что в какой-то передаче какой-то сюжет получился неудачным. Ну и что? Не может вся программа состоять из одних убойных, ломовых клипов и репортажей. Планку можно так задрать, что потом работать будет невозможно. Да я сам через полгода свалюсь с инфарктом миокарда. Кому от этого будет лучше? Нет, всего в жизни, в том числе и телевизионной, должно быть в меру – и добра, и барахла. А с «МузОБОЗом» мне расставаться пока ещё рано. Мы ещё порулим.

Обоз, ты выглядишь о'кей!

Я всегда считал, что Ваня Демидов = великолепный рассказчик. Типичное интервью середины 90-х, которое я опубликовал в газете «Музыкальная правда» (Октябрь 17, 1997, № 39), существующей, кстати, исключительно с подачи Демидова...

У ведущего этой программы помимо главного – светлой головы, в которой и родилась идея «Обоза», – есть ещё масса достоинств, как то: коротко стриженный мужественный затылок, которым он до последнего времени был повёрнут к зрителям во время интервью с музыкантами, а также клёвые чёрные очки, которые в кадре не снимаются и вызывают в народе нездоровый интерес – а что у него с глазами? Свидетельствуем: глаза голубые, добрые, пронизательные.

– Судя по передаче, ты очень лояльно относишься к попсе. Если вспомнить твоё интервью с Добрыниным, немножко скандальное его начало, ты можешь объяснить, почему попса тебя побаивается, что ли, ждёт каких то издевательств?

– Этот шлейф идёт издалека, от «Взгляда», когда мы давали только рок. А давали мы рок не потому, что мы любили его, вернее, не только поэтому. Это была правильная конъюнктура – рок был запрещён, но при этом основная масса молодёжи ждала пробивную музыку, ту, которая пробьёт эти стены. И поскольку мы в политике были такими, мы и в музыке должны были быть такими. За мной тянется работа наших музыкальных редакторов, которые были направлены на рок и достаточно резко разговаривали с попсой. А попса чувствует неуверенность в себе, потому что она не прошла через народную любовь. Почему Алла Борисовна так уверена? Потому что она пришла народным героем. Почему рокеры все уверены? Они стали популярными без участия официального телевидения. Ну, и потом, попса в принципе боится независимых структур, потому что «ну их в баню, они все там такие крутые, а мы уж вроде как проклятые». Это всё тянет за собой либо озлобление, либо такое испуганное отношение.

...Я закончил школу жизни на телевидении, я бы так это назвал. Вырос в далёкой Самаре, где с четвёртого класса ходил на местную телестудию, играл спектакли, читал новости в детских передачах, ставил в старших классах уже какие-то полурежиссёрские работы. Потом с родителями переехал в Москву. Два года прослужил в десантных войсках в Литве. Вернулся и пошёл на телевидение осветителем, просто потому, что очень его любил. Потом из общего телевидения полюбил конкретно молодёжную редакцию и пришёл работать туда администратором. Проработал четыре месяца, как раз начинался «Взгляд» с осени, через полгода я был ассистентом режиссёра «Взгляда», а ещё через полгода стал режиссёром. Мы тогда просто жили в «Останкино», потеряв окончательно здоровье в свои 25 лет, приходили сюда утром в среду и уходили из этих аппаратных в субботу вечером. ...Я просчитываю не только как жить будут зрители, но и как жить будет телевизионная тусовка, придём ли мы к многочисленным каналам, появится ли через год здесь MTV. Это вообще отдельный и очень интересный разговор, как телевидение готовится к этому и готовится ли вообще. Вот мы готовимся: и «ВИД», и каждый для себя морально. Я, например, готовлюсь, к тому, что придут сюда ребята и скажут: «Вот мы купили всё, что здесь находится, вообще мы из штата Оклахома. Давай поговорим, старик?»

– Ты боишься этого момента?

– Нет, я к нему готов. Совершенно не боюсь. Они на самом деле больше совки. Я делал «Взгляд» из Франции, Америки, Финляндии. У нас нормальные люди, мы не слабее их по большому счёту. Только многого не хватает, но если мериться вчистую, то ещё неизвестно, кто сильнее.

– Ты как-то принципиально заявил, что не снимешь в кадре чёрных очков, и ты ни разу не называл своего имени в эфире. Почему? Вообще говоря, это похоже на кокетство...

– Дело в том, что я мог в том феврале (1991 года. – Е. Д.) сесть спокойно в кадр собой и начать вещать: понравился бы я кому-нибудь, не понравился, привыкли бы потом, не привыкли – но я имел на это право по своему весу на телевидении. Я мог пойти и по другому пути: взять другого ведущего и делать снова «звезду». Я работал на «звёзд» – Любимова, Листьева, и я знаю, что надо быть с этими людьми другом, очень сильным другом, чтобы знать все их сильные и слабые стороны и как-то это выкруливать... На это у меня просто не было сил. У меня очень трепетное отношение к телевидению, я не считал себя вправе садиться и вести эту программу. Если бы я решил, что буду «звездой», тогда бы я месяца на два занялся бы речью, танцами, причёсками, а времени на это не было. Поэтому опять же был просчитан ход, который одновременно привлекал бы внимание и был бы удобен мне просто для работы. Ну, а очки я не снимаю, потому что стиль уже выбран.

– Это только из-за стиля, или, может быть, это страх уличной популярности?

– Мне нравится фраза о том, что нужно без страха принимать популярность, хотя она несёт с собой массу неудобств. Меня устраивает вариант, когда я спокойно иду по городу, спокойно заглядываю куда угодно, спокойно могу дойти до сцены «Олимпийского» и только надев очки, услышать, как взревел зал...

Марина Леско о Демидове Иване

Медиаидеолог Марина Леско в 1997 году ответила на вопрос «ЧТО СКРЫВАЕТ ИВАН ДЕМИДОВ»:

«МузОБОЗ, ОБОЗ, Оз... Очки роднят эти три понятия: чёрные очки Ивана Демидова, сквозь которые он смотрит на мир с высоты парашютного полёта десантника, которым он когда-то был, и зелёные очки, придуманные волшебником города Оз. Очки могут не только давать ненужную чёткость изображению, но и приукрашивать картину мира. А чёрные очки дают уникальную возможность скрыть от окружающих зеркало своей души».

Из «нововзглядовского» поздравления И.Д. с его 30-летием (лето 1993 г.): «Очки, короткая стрижка, спортивная фигура, размеренные движения – всё это стиль. Строгость, сдержанность, невозмутимость – это образ. А всё вместе – искомый имидж. Убойная сила которого объясняется крайне просто – он вполне соответствует действительности! ...Чувство юмора и прохладная отстранённость помогут Ване плыть дальше в грязных, мутных волнах нашего родного, вечно штормящего ТВ. Ясно одно – чем бы ни решил впредь заниматься в рамках ТВ-профессий Демидов (а он способен, верно, сделать любой вираж), его телевизионный имидж останется с ним. Как доказательство верности себе. И в назидание другим ТВ-персонажам. Которые, полагая, что обладают оным имиджем, как герои застойного анекдота, ищут в тёмной комнате чёрного кота, которого там нет. И кричат: «Поймали!» А животное-то трётся о стройные ноги российского «Шварца». Обещающего еженедельно «I'll be back». И он возвращается». Уйдя из блестящей «взглядовской» режиссуры в стёбное ведение единственной тогда музыкальной программы, Иван Демидов закрылся от мира не только чёрными очками, но и джинглом, хотя необходимости не было ни в том, ни в другом (напомню, речь об оригинальном обозовском джингле образца 1991 года, оригинальном – в смысле первоначальном... да и в другом смысле тоже, конечно). Глаза у Ивана красивые, голубые, живые... да и сам он вполне мог бы стать прототипом отечественного суженого отечественной Барби (что не без ядовитой самцовой зависти подметил Артемий Троицкий, потенциальный отечественный прообраз разве что старого сатира). Однако что заставило его оградиться от любопытного взгляда многомиллионного телезрителя, которого он, казалось бы, так хорошо знает?

Из интервью И. И. Демидова (журнал ИМ, 1995 г.): «Есть телевизионная поговорка: «Рейтинги существуют только тогда, когда они хорошие». С другой стороны, можно сидеть и изучать признанный в ТВ-кругах рейтинг «КОМКОН» – на шикарной бумаге, со всеми выкладками, а потом обнаружить, что было опрошено всего триста человек, – и как тогда судить о мнении многомиллионной аудитории? Я ориентируюсь на свои ощущения, помноженные на постоянно поступающую ко мне информацию. Один из немногих бесплатных советов, которые я могу дать коллегам: «Нельзя нашей публике давать слепок с современного западного ТВ». MTV, например. Нужна поправка на три года в прошлое. Если взять MTV трёхгодичной давности и показать его, это сразу станет модным в России. Какой был взлёт Богдана Титомира – он нёс в себе тот стиль, который был моден, стал его выразителем. Потом уехал на два месяца в Нью-Йорк, нахватался там всего, вернулся в широченных штанах и с выбритой головой. Его популярность быстро сошла на нет. Потому что челябинские девочки не поняли ничего: был красивый мальчик в кожаной куртке, было столько секса и чуб – их парни могли купить такую куртку, турецкую, конечно, а не итальянскую, как у Богдана, и сделать такой чуб. Это они могли воспринимать. А тут... Какие-то выбритые затылки... Они не могли примерить нового Богдана к своему миру. Диагноз: он опередил время. Сделайте так, как было на Западе три года назад, – попадёте в точку. Там сейчас популярны компилированные жанры. Как «Взгляд» – всего понемножку. Шоу, девочки танцуют, немножко новостей, самоубийца пришёл рассказать о своей нелёгкой судьбе, немного музыки, выходят клоуны... А нам нужно ещё три года оттачивать жанры».

Имея чёткую идею того, что именно и как надо делать, можно либо руководить каналом, либо войти в кадр и руководить программой, реализуя себя не только как стратега, но и как фигуру, способную удерживать внимание зрителя. Видимо, Иван изначально не мог определиться, какой именно дорогой ему идти: делать ли кабинетную карьеру «толстого», греться ли в лучах славы, оставаясь «тонким», или же рискнуть пережить капризную судьбу, совместив свою всенародную популярность с добротной чиновничьей властью. Что-то ведь заставило его прикрыться джингом и очками. Стиль стилем, а выбор атрибутов говорит сам за себя. Надо ещё учитывать то, что как бы внутрителевизионно (то есть в среде ТВ-профессионалов) телережиссёр есть очень уважаемая профессия (и относительно высокооплачиваемая). Телеведущий же – фигура неоднозначная, зависимая и «сделанная» (надутая). Равно как актёр и режиссёр в кино (с той лишь разницей, что телережиссёров, в отличие от михалковых-соловьёвых, вообще никто не знает). Поэтому уходить из режиссёров в ведущие Ивану было, видимо, не просто. То же самое можно, пожалуй, сказать и о Ванином партнёре по телекомпании «ВИД» Андрее Разбаше, который «сел в экран», прорежиссёрив десяток лет... прежде чем достиг «Часа пик». Остроумная теория деления людей на «тонких», которые на виду и на слуху, и «толстых», которые «решают вопросы», отражает его взгляд на мир (о теории этой – позднее).

Итак... Когда способностей много, встаёт проблема выбора: какую именно способность развивать, ведь на развитие всех сразу одной жизни всё равно не хватит. Став генпродюсером ТВ-6, Иван преобразил канал, придумав самые хитовые его передачи. В конце 90-х ТВ-6, безусловно, лучший канал и по подбору иностранных материалов, и по оригинальным передачам. По придумке! «Я сама», «Дорожный патруль», «Прогнозы недели» (позднее – «Обозреватель»), «Скандалы недели» стали действительно телехитами, хотя зона вещания ТВ-6 по-прежнему ограничена, а следовательно, и заслуженного и желанного зрительского резонанса нет. Если бы, допустим, «Обозреватель» тогда выходил на ОРТ или РТР, то Евгению Киселёву пришлось бы уйти на заслуженный отдых со своими напыщенными «Итогами», уступив место более молодому и более способному (и никем пока не ангажированному) сопернику.

Из интервью И. И. Демидова: «Что может чувствовать человек, который за полгода успел из канала-кинобудки сделать полноценный, весомый канал, который расценивается как конкурент крупными, давно существующими каналами? 25 программ за полгода – и ни одна не была выстрелом вхолостую».

Однако классные Демидовские (именно с большой буквы!) придумки не прибавили ему поклонников, поскольку широкие народные массы не знают о его кабинетных удачах, даже если имеют возможность смотреть ТВ-6. Генпродюсер канала в титрах, увы, не значит, поэтому приходится довольствоваться широким резонансом, но... в узких кругах. Таким образом, работа на ТВ-6 всенародной славы Демидову не принесла, равно как и кабинетная жизнь не реализовала всего объёма его творческих амбиций. Понимая это, с телевидением Иван не расстался, напротив, вышел наконец к зрителю живьём, расставшись со служившим ему прикрытием джингом. Вышел, надо признать, изящно и с юмором, в золотом пиджаке и в неплохой компании Элвиса Пресли, ливерпульской группы «Битлз» и шведского квартета «АББА». Впрочем, на уровне нашей околмузыкальной псевдоинтеллектуальной элиты шутка «не прошла». Кажется, всё тот же Троицкий блеснул эрудицией, написав где-то, что хронология в заставке «Обоза» нарушена и песня «Битлз» исполнялась раньше, чем использованная в новой обозовской заставке песня Элвиса. Он был, естественно, не единственным, кто этот факт заметил, но, сдаётся, он стал единственным, кто не «догнал», что в истории музыкальной культуры сначала появился Пресли, а потом уже «Битлз». ...А Иван Демидов в золотом ватнике начал, со свойственной ему самоиронией, свой путь в живое ведение, создав тип ведущего, который в нашей телекультуре отсутствовал, а в Америке его представляет «Мистер Подбородок» Дж. Лино. Это непонятный и остроумный хозяин (host) шоу, к которому приходит в гости вся артистическая элита, музыканты исполняют свои песни (live), а зрители в студии бурно реагируют на бесконечные шутки ведущего и его гостей.

Из интервью И. И. Демидова: «Я знаю, что необходимо менять свой эфирный имидж – уходить в другую плоскость и, может быть, даже менять жанр программы. Зрители увидят это... Для меня очень важно обгонять конкурентов на одну голову, не дальше – иначе можно потерять зрителя. Быть вровень – бесполезно для будущего. Только к тебе приблизились – должен уйти вперёд. У каждого продюсера должна быть своя тактика. Какие-то находки могут оказаться преждевременны. Зритель очень любит привыкать к чему-нибудь, и его нельзя нервировать резкими поворотами, но при этом нужно чётко чувствовать момент, когда ему становится неинтересно».

Чтобы расчистить себе дорогу к первой отечественной чисто «светской передаче» (не проблемной, не игровой и уж конечно, не сориентированной на пресловутые творческие планы известных людей), Иван скинул с «обоза» приставку «муз», стал внедрять в передачу юмористические вставки (типа изречений прапорщиков), не имеющие никакого отношения к собственно музыке, начал приглашать гостей, с которыми можно и нужно поговорить (тот же Троицкий)... Словом, стал потихоньку строить новое шоу, которое должно обеспечить ему славу по таланту, то, чего, увы, не может дать карьера «толстого». Демидов – культовая фигура, но пока в потенциале. Он очень уж осторожно продвигается вперёд, хотя при его способности рассмешить мёртвого и обаять отмороженного можно было бы двигаться и смелее от жёсткого сценического самоконтроля к блестящей непринуждённости. К тому же истинное удовольствие от процесса общения со зрителем можно получить, лишь чувствуя себя совершенно свободно и раскованно, иначе элемент работы убьёт «драйв». Один небезызвестный классик сказал: «Умение взглянуть на себя со стороны делает человека импотентом». Желание всё рассчитать – единственная опасность, которая подстерегает Демидова в его телекарьере. Ему лучше плыть туда, куда его несёт, а не туда, куда он считает нужным плыть, иначе всей жизни не хватит, чтобы совершить второй акт раскрепощения и вслед за джинглом расстаться с чёрными очками. Остроумные комментарии, которые Иван сочинял к старой версии «МузОБОЗа», возможно, не рождались бы с такой лёгкостью, если бы их надо было произносить «живьём», как и сейчас на сцене он, осмелюсь предположить, значительно сдержанней и суше, чем может быть, если полностью почувствует себя «как дома».

Из интервью И.И. Демидова: «Я проповедую одно – ТВ-продюсер должен идти на поводу у зрителя, но чуть-чуть позволяя себе делать и то, что хочется ему самому. При этом наиболее успешными становятся те передачи, где твоё собственное желание со зрительским совпадает. Страна у нас большая, и люди очень разные. На ТВ работают амбициозные люди – иначе они просто ничего никогда не сделают. Другое дело – если ты в своих амбициях утадал (а это доказывает твоя популярность, слагаемая из разных вещей), значит, ты молодец и Пол Маккартни. А если нет, ходи по тусовкам и изображай из себя крупного режиссёра или ведущего, делай так, чтобы тебе после эфира звонили два-три приятеля и говорили: «Старик, это круто». И оставайся где стоишь». И всё же проповеди проповедями, а логика человеческая, со всеми порождаемыми ею рассуждениями, значительно слабее интуиции, категории вечной. Можно сколько угодно прогнозировать успех той или иной вещи, однако жизнь беспрестанно вносит свои коррективы в человеческие планы. Голливуд не знал бы ни одного провала (учитывая внушительное количество разного рода высокооплачиваемых профессионалов, которые работают над многомиллионными жирными проектами), если бы всё можно было наперёд рассчитать. Поэтому человеку, наделённому даром нравиться-таким-какой-он-есть, лучше не корректировать столь тщательно чужую работу. Работу Господа Бога. Остроумный красавец в прикольных нарядах, эдакий российский Иванушка, любимец судьбы, оседлавший своего Конька-Горбунка, рулевой «Обоза» должен создать свой волшебный город «Оз», царство обаяния, веселья и раскованности. Там будут править юмор, веселье и зритель сможет увидеть ярких, блестящих людей, как сквозь цветные стёкла. Да, как через цветные, блестящие стёкла. Блестящие, словно знаменитый ватник. Тот беспокоящий завистливых недругов демидовский ватник. А Ивану пора снимать очки. Ему нечего скрывать, кроме того, что быть ему, рождённому под знаком Льва, царём эфира.

* * *

Медиаидеолог Марина Леско, внимательно наблюдавшая за взлётами/падениями Ивана, развила тезис Ильина. Карьера выдвигает одних и задвигает других. Логика этих процессов порой кажется непостижимой. Иные застревают на нижних ступенях иерархии, а кто-то тем временем взлетает на самый верх – конкурентам на зависть, свидетелям полёта на удивление. Вопрос: из каких слагаемых складывается результат?

Как отметил лет триста назад французский философ Паскаль, все умные мысли давно уже высказаны, только никто ими не пользуется. Это утверждение в полной мере можно отнести и к умозаключениям Ивана Ильина, сделанным более полувека назад. Великий русский мыслитель не раз задавался вопросом, как признанные обществом заслуги человека (что, собственно, и является карьерой) соотносятся с его реальными достижениями & человеческими качествами и о чём это свидетельствует с точки зрения морального здоровья общества.

Ильин полагал, что общество, в котором успеха достигают особи, не вызывающие уважения, больно: «Если данные явления (несоответствия рангов. – Е. Д.) оказываются обиходными или преобладающими, то это означает, что такому народу в данную эпоху отбор лучших не удаётся, что весь режим несостоятелен, что «честность и талант не имеют дороги в жизни» и что предстоят социальные потрясения».

Очевидно, что перспективным может быть лишь коллектив, в котором преуспевают более способные и уважаемые. Иными словами, ТВ-канал будет успешен только в одном случае – если подчинённые осознают, что их продюсер умнее (или опытнее) их самих. В противном случае (когда вышестоящий воспринимается как лицо, не соответствующее своей позиции) проект не станет преуспевающим. В том числе и в масштабах страны, которая суть не что иное, как бизнес-корпорация.

Однако идея ранга – соответствия/несоответствия человека его позиции относительно распределения жизненных благ – всерьёз рассматривается разве что высокой наукой: тема уж больно скользкая. Да и как к ней грамотно подступиться? Как понять, чего на самом деле достоин приятный во всех отношениях Ходорковский: многомиллиардного состояния или тюремного заключения? Здравый смысл однозначно подсказывает: ни того, ни другого. Поэтому содержание под стражей нашего красавца-олигарха обществом осуждается, хотя против идеи его «пощипать» возражать никто не стал. Понятно, что у каждого своё представление о том, чего стоят его начальники и подчинённые. Значимо лишь то, как оценивается элита в целом.

Если абсолютное большинство уверено, что все руководители страны – недоумки, деятели искусств – бездари, светочи науки – шарлатаны, а богатые люди – подонки, то общая атмосфера в стране не может быть здоровой. Но измерить собственную температуру никак не удаётся, ибо столь популярные ныне опросы общественного мнения относятся к разряду тех самых «зондажей», которые в недрах научного мира считаются антинаучными. Французский социолог и философ Пьер Бурдьё наглядно доказал, что габитус социолога так сильно влияет на результаты опросов, что эти данные не могут быть в полной мере объективными. К тому же существуют стабилизирующие жизнь социума психологические механизмы, которые вынуждают человека принимать свою социальную позицию как вполне нормальную, тогда как со стороны она кажется невыносимой. Например, репортаж с городской свалки, где круглый год живут бомжи, вызывает у представителя middle class ужас, в то время как люди в кадре спокойно рассказывают о своём житье-бытье. Жалуются, конечно, но не более, чем олигарх, сетующий на хреновый сервис в гостинице Rommazino, где ночь стоит \$3000. У каждого, как водится, свои проблемы.

Есть и ещё один нюанс, описанный Фридрихом Ницше. Гений немецкой философии считал, что

аристократические режимы оказались столь долговечны потому, что простой народ, несмотря на своё ужасающее положение, воспринимал аристократов как «других животных»: они были белолицы и белоруки, в бытовом отношении совершенно беспомощны, изъяснялись и одевались особым образом, а следовательно, сравнивать себя с ними было бессмысленно. Иное дело капитализм: рабочему трудно подчиняться вульгарному красноречивому фабриканту, который по целому ряду параметров ничем от него не отличается. Мы живём в капиталистической стране. И недаром наша элита ссылает детей в дорогие заморские школы и интернаты – только там из них вырастят тонких аристократов, что увеличит их шансы на спокойную жизнь. Ведь революций вроде Великой французской или Великой Октябрьской уже больше никогда не будет.

И всё же любопытно понять, каково на самом деле отношение социума к карьерным призёрам. Вольны мы или здоровы, с точки зрения Ивана Ильина? Интересно было бы выяснить, благодаря каким данным и механизмам происходит сегодня успешное карьерное строительство в одной отдельно взятой «нашей» – а не «этой», как ныне принято говорить – стране?

Объекты исследования можно найти в поле СМИ, где усердно пасутся все социально значимые персонажи, то есть так или иначе преуспевшие люди. Чтобы точнее очертить круг поисков, можно определить «элиту» как особей, обладающих весомым количеством капитала:

- экономического (газеты, заводы, пароходы);
- культурного (дипломы, звания, степени и т.д.);
- символического (должности, посты плюс неформальные позиции вроде статуса лидера оппозиции и т.д.);
- социального.

Последний – самый интересный вид капитала, поскольку глазом вообще не ловится и переводится на обыденный язык знакомым всем словом «связи», что подразумевает обширные знакомства и умение успешно «коммуникавать».

Если внимательно рассмотреть приведённую классификацию, то выяснится, что культурный капитал – это помимо прочего и общий культурный уровень, и так называемая интеллигентность (когда гражданин наклеивает около подъезда объявление «интеллигентная семья снимет квартиру в этом доме», всем понятно, что имеется в виду), а символический капитал бывает двух видов (как короли бывают коронованными и некоронованными). Он может появиться благодаря престижной должности (например, президент или генеральный прокурор) или возникнуть как следствие авторитета, статуса лидера (например, популярный лидер оппозиции, даже если он находится в тюрьме/изгнании, или авторитетный правозащитник). Возможно сочетание того и другого: руководители ТВ-каналов обладают высоким процентом символического капитала. Только одни его полностью утрачивают вместе с постом, а другие сохраняют.

Особо любопытен социальный капитал. Вот что писал о нём сам автор идеи классификации капитала: «Выстроить это понятие означает создать способ изучения логики, согласно которой этот особый вид капитала накапливается, передаётся, воспроизводится: создать способ понимания того, как он трансформируется в экономический капитал и, наоборот, ценой каких усилий экономический капитал может конвертироваться в социальный, создать способ уяснения функции таких институтов, как клубы, или просто семьи – основного места аккумуляции и передачи этого вида капитала».

По мнению Бурдьё, светская хроника совсем не так пуста, как кажется, и на самом деле освещает особую форму социальной деятельности, предполагающую наличие определённых компетенций и направленную на обеспечение воспроизводства социального капитала.

Сегодня к разряду светской хроники вполне можно отнести и заседания Совета министров, и тусовку по поводу премьеры фильма, и сводку с фронта, поскольку все эти мероприятия в силу особого воздействия на человеческий разум электронных средств массовых коммуникаций обрели оттенок вполне рядового (читай светского) времяпрепровождения. Ведь даже захват заложников является своего рода «тусовкой» заинтересованных лиц, где террористы, используя экономический капитал (для проведения теракта, как известно, нужно соответствующее финансирование), пытаются, пустив в ход свой социальный капитал (то есть возможность договориться с определёнными обладателями символического или культурного капитала – депутатами, должностными лицами или деятелями культуры), превратить свои, так сказать, assets (активы) в капитал символический – то есть «залитоваться» в качестве героев-повстанцев. Или кого-нибудь в этом роде. Именно в превращении одних видов капитала в другие и состоит построение индивидуальной карьеры, венцом которой можно считать гармоничное сочетание всех их видов.

То есть наличие культурного капитала (способностей и знаний, конвертированных в зафиксированные государственными институтами документы), символического (то есть соответствующей культурному капиталу социальной позиции), экономического (адекватного этой позиции дохода) и социального (гармоничных связей с внешней средой). Переходя на язык цифр, оптимальным является соотношение 25/25/25/25%, если весь имеющийся у человека капитал принять за 100%. Разумеется, размер его индивидуален и неизмерим. Главный тезис таков: если каждый занимает место по способностям, имеет заработок по компетенции, а связи – по заслугам, – общество можно смело назвать идеальным, ибо подобное сочетание и есть совпадение рангов.

Если внимательно следить за тем, что показывают и рассказывают средства массовой информации, можно всласть насмотреться на не прекращающиеся ни на секунду процессы превращения капиталов, которые сопровождаются созданием и крушением карьер. Забавно наблюдать за loser'ами: неудачно инвестировав свои экономические и социальные капиталы в попытку приобрести символические богатства, чтобы затем вновь превратить эти богатства в денежные знаки, заводы и пароходы, они в результате коротают дни за рубежом российской истории. Редкое удовольствие доставляет созерцание результатов инвестирования в имиджмейкеров и политехнологов – экономический капитал тает, а вместе с ним убывает и символический (достаточно вспомнить, как смотрелся наш «правый фланг» до 1999 года и каким выглядит сейчас – после многолетней спецобработки).

Ведущий, сделавшийся чиновником, бизнесмен, ставший деятелем культуры, – всё это продукты трансформации капитала, порой весьма причудливые, а чаще просто смешные. Достаточно вспомнить, как Константин Боровой, промотавший свой экономический капитал, взялся сначала за реанимацию журнала «Америка», а потом за сериал интервью с богатыми «новорусскими» дамами, конвертировав остатки своего социального капитала в символический – став писателем, что хоть и не денежно, зато почётно.

Метаморфозы капитала составляют суть того, что называется словом «карьера». А что, допустим, Роман Абрамович? Сначала будущий олигарх конвертировал социальный капитал в экономический (познакомился с Березовским, понравился ему – и нефть пошла). Затем трансформировал часть экономического капитала в символический (стал губернатором, купил футбольную команду, то есть перестал быть просто «денежным мешком», «кассиром Семьи», каким до того его видел социум). Но что будет завтра? Успех в рамках западных стандартов? Никогда. Тогда что? СМИ не обойдут своим вниманием метаморфозы капитала экс-хозяина Чукотки, как не забудут и других «капиталистов». Медиа являются своего рода преисподней, где перебиваются косточки призёров жизни. Однако работники средств массовой информации неизменно подают героев нашего времени публике к столу любовно препарированными. Препарированными своими личными пристрастиями.

А потому судить о размерах того или иного капитала той или иной фигуры не так-то просто.

В основе потенциального карьерного успеха лежит то, что дано от рождения. В современном мире для покорения социальных высот необходимы смекалка и интуиция. На заре развития человечества в этот список входили и физические данные (чтобы убежать от саблезубого тигра или замочить огнегriвого льва, смекалки и интуиции может оказаться недостаточно).

Нетрудно заметить, что в основе культурного капитала лежит IQ, а в основе социального – интуиция. В какой-то степени эти два вида капитала даны каждому, а успех конвертации – в деньги, власть, почёт и уважение – зависит от их объёма. Рождённый в богатой семье человек получает от Всевышнего бонус – экономический капитал, но с точки зрения интересующей нас темы это не имеет значения, ибо в основе карьер «новой России» денег как таковых не было. Зато был капитал социальный, то есть связи. Которые и позволили ряду физлиц использовать имеющиеся знания и таланты в нужное время в нужном месте. По части же экономической все граждане Страны Советов были равны перед золотым тельцом, ибо уровни жизни номенклатурного отпрыска и крестьянина из глухой сибирской деревни по сравнению с десятками миллиардов у.е., обрётённых отдельными гражданами впоследствии, суть одно и то же. Много воды утекло с момента развала СССР.

Уже давно, по меткому наблюдению философов из Rammstein, «мы все живём в Америке». Просто «очевидное» пока лежит в папке «невероятное». Подросло поколение молодых карьеристов, увешанных разнообразными дипломами MBA и стремящихся к высоким менеджерским позициям. Но время ещё принадлежит «старикам», то есть тем, кто рванул с обнулённого старта, осуществил ту самую американскую мечту, о которой так много говорили большевики.

«ВИД» vs «МК»

Насколько знаю, Иван активно участвовал в организации прессы, дезавуировавшей скандальное выступление «МК». Цитирую «Новый Взгляд» № 43 от 14 ноября 1997 года: «Разразился очередной скандал вокруг его (Листьева. – Е. Д.) убийства. «Московский комсомолец» напечатал заметку, в которой утверждается, что следственная бригада Генпрокуратуры сейчас активно разрабатывает «семейную версию», а это значит ни больше ни меньше, чем то, что основными подозреваемыми якобы становятся вдова Листьева Альбина и её нынешний муж Андрей Разбаш. В принципе ничего нового в этом нет – версия убийства по личным мотивам была названа среди прочих буквально на второй день после трагедии и продолжает, по идее, оставаться актуальной, пока идёт следствие. Но всё это было так подано на страницах «МК», что вышеупомянутые супруги вместе со своими друзьями и коллегами – Александром Любимовым, Иваном Демидовым, Леонидом Якубовичем, Константином Эрнстом, Виталием Вульфом и адвокатом Андреем Макаровым собрали в Домжуре пресс-конференцию. Понятно, что она прошла на весьма высоком эмоциональном накале. Почти все её участники признались к нелюбви к журналистам вообще, а к заказным журналистам в особенности. Якубович предложил учредить суд чести для нечистых на руку представителей «четвёртой власти», Разбаш сравнил заказные заметки с заказными убийствами и ввёл новый термин – «социальное киллерство», Любимов попросил оставить их всех в покое и дать заниматься любимым делом. Он добавил: «Ведь «ВИД» ни разу не обидел ни одну газету». Словом, эмоций было много, но аргументов и фактов собравшаяся пресса почти не услышала. Лишь ближе к концу пресс-конференции один из главных «виновников» этого собрания Андрей Разбаш перешёл к конкретике. Он поведал всем, что буквально на следующий день он отправился к главному редактору «МК» Павлу Гусеву и спросил его прямо: кто написал, кто заказывал? Тот познакомил его с автором злополучной заметки и сказал, что заказчиком будто бы являлся Сергей Лисовский. Но после разговора с известным бизнесменом г-н Разбаш пришёл к полной уверенности, что тот здесь ни при чём: «Нам нечего делить с Сергеем. У нас разные «поляны» – мы делаем передачи, а он занимается рекламой. Нас просто кто-то захотел столкнуть лбами». В общем, ни заметка в «МК», ни пресс-конференция ясности в деле Листьева не прибавили. Остаётся надежда (правда, уже слабая) на правоохранительные органы».

«Нововзглядовское» интервью Киры Прошутинской (май 1992 года)

Авторы, значащиеся в титрах первых выпусков «Взгляда», – Кира Прошутинская и её муж Анатолий Малкин. В те годы Лысенко предложил им вернуться из литдрамы в молодёжную редакцию и придумать форму для новой программы. И они её придумали. Идею журналистской семьи, состоящей из нескольких молодых людей – ведущих и отца-резонёра, отвечающего на вопросы телезрителей, с радостью поддержали все. Отца, правда, так и не нашли, а первыми ведущими стали Любимов, Захаров, Вакуловский и Листьев. Так началась звёздная эра «Взгляда». Создателей же, не слишком настойчиво отстаивавших свои права на родившееся в рубашке чадо, постепенно почему-то стали забывать. Кира Александровна вспоминает:

– Было довольно много неприятных моментов. Тогда ещё была сильная цензура, поэтому материалы кромсали: не прошла беседа с Джундой; прекрасный материал Влада Листьева о Виталии Коротиче тоже не пустили в эфир потому, что в нём были цитаты из того, что он писал, ещё не став большим демократом и пересторойщиком. Были ещё некие неприятные превосходящие моменты, из-за которых стало трудно работать. Мы постепенно остались не у дел. Я и Малкин не стали поднимать по этому поводу шум, хотя боль до сих пор осталась.

– Позднее в «Пресс-клубе» удалось реализовать какие-то задумки?

– Когда Александр Пономарёв – главный редактор молодёжной редакции – предложил мне возглавить отдел публицистики, ситуация, которая там сложилась, была близка к критической. Прекрасные талантливые люди, а я знала их давно, не имели возможности реализовать себя. И исправить положение нам помогло общее дело – «Пресс-клуб». 29 сентября 1989 года мы впервые вышли в эфир и каждый, кто работал в редакции, показал свой сюжет. Во «Взгляде» мы делали ставку только на нескольких звёзд, а в новой программе дали возможность проявить себя всем. Как нам кажется, это стало для нас удачей.

– Сейчас (напоминаю, это 1992 год. – Е. Д.) на телевидении самыми популярными являются телекомпании «ВИД» и АТВ. Как на вас отражается конкуренция?

– Есть несколько психологических типов творчества: одним необходимо горячее дыхание в спину, другим нравится просто спокойно заниматься своим делом, не оглядываясь со страхом по сторонам. Если я буду завидовать, сверять себя с кем-то, не смогу работать. Мне не свойственен дух профессиональной конкуренции, но ревность есть. Как и раньше, люблю Владика Листьева и рада, что пройдя через испытания, которые ему выпали, – я имею в виду славу, деньги и все остальные атрибуты популярности, – он остался нормальным человеком (ещё раз: это 1992 год. – Е. Д.). А вот Сашу Любимова жалко: он писал прекрасные тексты, и вообще чрезвычайно одарён как комментатор, а ушёл в «начальники» в самом расцвете творческих сил. Знаю по себе – теперь многого не успеет...

– Говорят, что психологический тип человека, его характер, можно определить по тому цвету, который ему нравится. Красное носят страстные натуры, коричневый – люди, уверенные в себе...

– Не знаю, как это соотносится с моей натурой, но мой цвет – рыжий.

– Какая музыка?

– Я всеядна. Мне нравятся и попса, и джаз, и классика. Но иногда, скорее всего это возрастное, я ловлю себя на том, что мне приятно слушать оперную музыку, к которой я была довольно равнодушной. Всегда с удовольствием слушаю романсы Валентины Пономарёвой. Люблю Аллу Пугачёву. Нас с ней

многое связывает: вместе жили на Крестьянской заставе, учились в одной школе, с которой, в общем-то, всё и началось и у неё и у меня. И когда я уже училась в университете, она стала выступать в нашей самодеятельности. Те, кто сидел в зале, обычно удивлялись: откуда на журфаке такие профессиональные музыканты?

-А с телевидением связана ваша дружба?

– Дело в том, что С. Т. Лапин, руководивший в то время Гостелерадио, очень не любил Аллу и считал недостойной «нашего» эфира. Поэтому все мои попытки пристроить её на ТВ оказывались тщетными... Мне жаль, что Алла теперь не поёт хорошую музыку: думает, что её не поймут зрители.

– Есть какие-то увлечения помимо работы?

– Нет. Отвечу словами моей тёзки Киры Муратовой: «Я так люблю свою работу, что готова даже приплачивать за неё». Наверно, это неправильно, но свободного времени у меня практически нет. Груз обязанностей висит постоянно.

Глава 18. ЛИСТЬЕВ. ЭПИЗОД СЕДЬМОЙ

Тонкие & Толстые

Впервые вербализовал новую версию этого тезиса тогдашний режиссёр программы «Взгляд» Иван Демидов. Не знаю, скреативилась ли эта теория в светлой (во всех смыслах) голове Иван Ивановича под влиянием Гоголя. Ваня нарисовал расклад на отечественном ТВ, как он его (расклад) видел. И незадолго до назначения Владислава Листьева на высокий (и, как выяснилось, – для него роковой) ТВ-пост, в «Новом Взгляде» опубликована был некий манифест в редкой (для нашей прессы) стилистике, которая может быть определена одним лишь, но столь волнующим существительным – «тайна». Тайна телевизионная, с одной стороны, и секрет мироздания – с другой. Выяснилось, что в «Останкино» существует негласная квалификация всех работающих. Причём по жизни такое разделение, пусть и не оформленное лексически, практикуется на всех этажах социума.

Короче – есть Тонкие.

И есть Толстые.

В контексте медийки Тонкие суть творцы, ведущие, звёзды и т.д. и т.п. Ну а Толстые – это начальники, те, кто «решает» вопросы.

И вот ведь какая штука. Казалось бы, Тонким быть престижно. Ты, такой хороший, на виду, любимец зрителей и дам, сияешь, как бриллиант в серобетонной оправе останкинских корпусов, критики величают тебя «гуру», «звездой» называют. А окольцованные галстуками Толстые сидят по разнокалиберным кабинетам и стонут что-то в свои бледно-жёлтые «вертушки». Ан нет, в начале 90-х престижно было слыть влиятельным и всячески решать эти самые вопросы.

Такова, вкратце, была суть демидовского тезиса.

Тонкотолстый Листьев в том тексте поминался как, с одной стороны, обаятельнейший ведущий: с другой – справный «менеджер», жёсткий командир. Прогнозировалось (как показало время – вполне верно), что он станет руководителем крупнейшей телевизионной компании страны. То есть – покойный приведён был как ярчайшая иллюстрация новой формации. В качестве такого же рода смежных (между завидной звёздностью Тонких и массивной влиятельностью Толстых) персон можно вспомнить Владимира Ворошилова и Владимира Познера. Ну и самого Демидова.

Кстати, Альфред Кох во время НТВ-рейда 2001 года, упоминая своего оппонента Евгения Киселёва, отмечал, что его губы были упомажены многолетним слоем фуа-гра. Киселёв являет собой ещё хрестоматийный образец новой формации, на советском ТВ персонифицированной, пожалуй, лишь фигурой Эдуарда Сагалаева. Последний, будучи облечённым властью телечиновником (Толстым), очень недурственно справлялся с амплуа Тонкого – ведущего молодёжных телепередач («Семь дней», «12 этаж»). Но Сагалаев – исключение из правил. Класс ТТ (Толстотонких или Тонкотолстых, если угодно) формируется как бы снизу. Ведь действительно, в анамнезе большинства Толстотонких – успешная карьера ведущих. Они просто сумели конвертировать славу и почитание фанатское в завидную позицию. И не всем удалось совмещать поедание рыбки и катание на шарабане. Тот же Демидов отказался от золотого пиджака Рулевого «МузОБОЗа» ради возможности самореализоваться в качестве руководителя канала ТВ-6, а потом и вовсе «ушёл во власть».

Нельзя не заметить, что путь от «политобогревателя» до начальника (а-ля Александр Любимов) гораздо короче, нежели дорога от телеклоуна до вельможного кабинета. И не всем дано. И главное,

отнюдь не всем нужно. Странно представить себе, скажем, Андрея Малахова в роли руководителя дирекции программ.

На самом деле совсем немногие из ТВ-звёзд готовы пожертвовать славой и обожанием электоральным во имя кабинетного влияния. Всё дело в характере. Один из моих приятелей, оказавшийся без эфира, так жёстко проходил ломку, что всерьёз подумывал о суициде. А блистательный журналист Игорь Воеводин всерьёз писал (и писал талантливо, хоть и неубедительно), что всякий вкусивший эндорфиновую радость ТВ-славы никогда не сможет отвыкнуть от этой зависимости. Мда... Самая распространённая & роковая ошибка двуногих – моделировать оценки и ощущения других по собственным лекалам. Люди разные. Банально, но факт. И для кого-то звёздность Тонкого всего лишь трамплин в мир Толстых.

Дело Фауст Николаича живёт & побеждает

Время, подобно Мефистофелю, провоцирует своих героев, искушая их иллюзией величия. Фауст Николаевич Листьев, которого Время выбрало своим героем в начале 90-х, утратил наитие человеческое, обретя профессиональное; ему показалось, что он может Временем повелевать. И оно отомстило, поставив всех & вся на свои места.

После объявления о введении моратория на размещение рекламы (на канале ОРТ) Листьев прожил неделю. Не без любопытства я все эти годы внимал мудовым рыданиям насчёт того, каким бы, мол, было наше телевидение, промахнись киллер(ы) 1 марта 1995 года. Честным, правильным, достойным, а не «Фабрикой чудес». Абсурд. Вопрос про курицу и яйцо. Медиа, спору нет, власть № 4, но не ТВ формирует социум, а ровно напротив – СМИ реагируют на требования расклада. Телевидение и его вектор корректируются всё тем же Мефистофелем-Временем, а не медиа-менеджерами. Останься Листьев во главе ОРТ, сейчас всё было бы точно так. Не плохо и не хорошо, а так, как есть и быть должно.

Меня совершенно деморализовали читательские отклики на материалы, посвящённые 15-летней годовщине гибели Листьева. То, что писали на персональный адрес editor@newlookmedia.ru, было гибридом восторгов и риторики. А комменты, оставляемые на форумах, поражали немотивированным негативом. Конечно, правы коллеги, которые говорят, что комментарии пишут в основном «моральные уроды» и «сетевые дочки», пытающиеся скомпенсироваться. Но всё-таки, по мне, очень несправедливо злобствовать в отношении расстрелянного кумира только потому, что он не бедствовал материально.

Приведу примеры. На публикацию «Влад. Пристрастный реквием» комментаторы «МК» откликнулись более чем неоднозначно.

Сергей, Москва:

«Как-то меркнет образ честного, независимого романтика. Приходит в голову предположение, что Листьев мог элементарно погибнуть от своей жадности, запросив очень большие деньги с тех, кто был заинтересован рекламой на ТВ, а устрашающей акцией был мораторий на рекламу. Ну как же, глава ОРТ, какие хочу расценки, такие и устанавливаю. Только не мог предположить, что кошельки и терпение у людей не бездонны и самый простой аргумент в споре – пуля. А на смену пришли люди с более умеренными аппетитами. Вот и вся проза жизни».

Гость:

«Сёдни чейта невозможно ни какую-нибудь новостную ленту открыть, ни включить долбаный зомбоящик, и не наткнуться при этом на рожу этого шакала, слава Богу, пристреленного кем-то из его же шакальей тусовки. Эта гадина ломала мозги моих сограждан, с аппетитом хавала украденное у моего народа бабло, и радостно скалила своё крысиное мордо со всех экранов страны. Когда эту тварь пристрелили, аз грешен был очень рад и доволен, от всей души желая этому хорошему начинанию дальнейшего развития и всяческого успеха. Очень точно про гениальные труды невинноубиенного на благо Отчизны отписал только что в каментях к камрад: «Ну, ещё «Взгляд». Заря Нового мышления (тм), которое некоторые считали за начало нового крысения. Выскочили на экран бодрые парни и начали срывать покровы. И Листьев в их числе. Поскольку в телевизоре раньше такого не было, вся страна с интересом пялилась. Потом до некоторых дошло, что слово «пялиться» имеет не одно значение. Но было уже поздно».

Гость, 02. 03. 2010 в 18:49:

«Если бы не победа «демократии», это банальное убийство было раскрыто в течение дня. Но после

глубоких «демократических» преобразований вообще ничего нельзя стало раскрыть. Так что гражданин Листьев за что боролся, на то и напоролся. При всей скорби о смерти человека, думаю, сие убийство – плод «развития демократии» в России! Первый плод! Таких плодов было – уже не сосчитать... Отстреливали друг друга ребята, как куропаток. А вздыханий было... Шедевр убийства – Кантришили. Уж как его ни хвалили... И денежки на спорт отпускал, и бедным помогал... На поверку – банальный мафиозник, в законе! Вполне допускаю, что Листьев хороший человек! Но... Березовский ещё лучше, и Смоленский ещё лучше, и Гусинский ещё лучше... Чисто мафиозная, денежная разборка, убрали мешающего конкурента!»

Юрий, Новосибирск, 02. 03. 2010 в 18:53:

«За месяц примерно до своей гибели был Влад в Новосибирске. Засветился тут в не совсем приличном ТВ-шоу, несколько раз выступил перед аудиторией, в кинотеатрах. Был и у нас. Всё его выступление можно было уложить в одну фразу: «Коммунистический режим – преступный, там диссидентов в психиатрические лечебницы сажали!» Через месяц пришло известие о его гибели, что мною было, в своём кругу, прокомментировано так: в прежнем ГОСУДАРСТВЕ сажали, при новой бандократии его просто пристрелили в подъезде. За что боролся...»

Здесь же ответка: «Влад был славным, честным человеком, когда вёл «Взгляд». Потом стал большим телена начальником, а деньги тогда на ТВ пришли не хилые. Не пишите про то, чего не знаете. Человек пошёл в телебизнес в самом начале 90-х. Наверное, не стоило. Не знаю. Мне его очень жаль. Были «знакомы на поклонах». Хороший парень, очень хороший. Как же вы всё же отвратительны: не зная подробностей даже на уровне сплетен тогдашнего ТВ, готовы сплестись на костях ради политики».

Mumi, 01. 03. 2010 в 11:30:

«Правильно, хам он был и деловой. Помню, юноше с куклами на руках устроил обструкцию около барабана и не дал ему крутить барабан. Сегодняшним языком – Листьев был быдлом, из грязи в князи. Как и сегодня, так и тогда – просто так не стреляют. Действительно за то, что скорее всего своим быдлостью кого-то достал до кишок, за что и получил. Хотя тогда, скажу честно, его было жалко. Как писали тогда, что-то типа «он был своим в каждом доме». Это правда».

Гость, 01.03. 2010 в 11:30:

«Во-первых, – грустно, что человека этого нет. Трудно сегодня сослагательно фантазировать о том, кем и с кем бы он был сегодня, не оборвись его жизнь в подъезде собственного дома. Всегда приводят в недоумение досужие рассуждения на темы аналогичные: «Вот был бы жив Высоцкий... он бы наверняка клеймил бы позором...» и т.д. Совсем не уверен, что сегодня Листьев не стал бы банальным прокремлёвским медиаменеджером. А может быть, история страны под влиянием его юного канала покатила бы в ином каком-то направлении... И, во-вторых, – не перестаю восхищаться сегодняшним моментом. На глазах пишется новая история, воздвигаются и цементируются новые мифы, формируются свежие архетипы народного сознания. Меня совсем не возмущает неправдоподобность этих мифов – всякий миф, ежели его копнуть и разобрать историю происхождения, неправдоподобен».

Такие вот злобные комментарии. Впрочем, справедливости ради замечу: были и вполне адекватные реплики.

Patriot, 03. 03. 2010 в 18:59:

«Меня всегда поражало то, что многие талантливые и несомненно нужные стране люди купились на демократические ценности и либерализм. Они привели к власти существующую систему, она же их и растоптала. Т.е. нужны они были только на этапе захвата власти, а потом стали просто мешать и путаться под ногами тех, кто действительно эту власть захватил. В былые времена в характеристиках была фраза «политически грамотен и морально устойчив». Мы писали это, особенно не задумываясь о смысле, здесь

заложенном. Теперь ясно. Эти два качества неразрывны. Если человек политически грамотен, но морально неустойчив, то это не совсем человек. И наоборот, можно быть морально устойчивым, но политически безграмотным, это тоже не совсем человек. Всё взаимосвязано, и нарушение одного либо другого ведёт к деградации человека как личности. Мне жаль Листьева как человека несомненно талантливого, но он сам залез в эту ситуацию по своей наивности».

Читайте, 05. 03. 2010 в 02:21:

«И Доренко, и Невзоров пришли значительно позже и были действительно из другой оперы и своего личного на ТВ ничего не несли. Когда начинался «Взгляд», толком ещё тогда никто не прочухал, какую прибыль может нести ТВ, многие были увлечены тем, что имеют право быть высказанными и услышанными. Вспомни, народ с радиоприёмниками в общественном транспорте ездил в то время».

SSK, 06. 03. 2010 в 20:11:

«В своё время «Взгляд» был самой рейтинговой и прогрессивной передачей на ТВ. Начинался «Взгляд» отнюдь не с денег, они появились значительно позже, когда того «Взгляда» практически уже не существовало и Листьев больше уже крутил колесо барабана «Поля Чудес». Работать ребята начинали отнюдь не за большие вознаграждения, с экрана они несли именно своё восприятие действительности тех дней, и это было интересно».

Viola:

«Жадные и циничные – люди закрытые. Они не способны источать такую доброту и обаяние. А его обаяние было мегасильным, иначе не полюбило бы его столько простого народу. Владислав Листьев искренне любил людей».

Ну да ладно... Каждый правый имеет право, как констатировал друг покойного Андрей Вадимыч Макаревич.

Удивительно, что потребитель/зритель/слушатель/читатель готов воспринимать только монохромную интерпретацию. Либо чёрное, либо белое. Или Листьев = революционный романтик, который любим всеми и загублен злодеями из-за этой любви всенародной, или = циничный делец, разрушивший сотоварищи прекрасную Страну Советов и раскрутивший барабан капитал-шоу без страховки нужной. А ведь был Владислав одарённым продюсером, шикарным ведущим, талантливым конференсье, который просто не готов был противостоять соблазнам и не сориентировался в новой системе координат. Жадным точно не был. Конечно, не без недостатков, как и все остальные люди. Но именно по-человечески, он был если и с минусом, то на пятёрку. На 5 с минусом. А кто без минусов-то? Нет таких. Вообще.

Он прошёл и медные трубы, кстати. Понтов не было. Летом 2011 года вспоминали его с экстрелеведущим Александром Школьником. Саша поведал, как где-то за год до гибели (то есть когда Лист был в самом зените славы) он попросил его приехать в подмосковные какие-то «Ёлочки» – пообщаться с детьми. И Влад приехал (без всяких, замечу, требований или вознаграждений), беспечно общался с любопытствующими подростками три с половиной часа! Под конец рассказал им анекдот про обкуренных («Тормози-тормози, ты за рулём – сам и тормози»). На часы не поглядывал, не отработывал, а просто был собой. Так что «Знаете, каким он парнем был?» – это и про Листьева тоже.

Однако из песни слова не выкинешь: именно Владислав был одним из пионеров коммерциализации & гламуризации нашего ТВ. Таков был ход времени. Никогда не скрывал Листьев своего влечения к медиаглобализации: даже его знаменитые подтяжки были прямолинейным подражанием легендарному Ларри Кингу, которому сам же ведущий «Взгляда» (во время командировки в Атланту) об этом рассказал.

Другого пути у Листа не было. Сегодня отечественное телевидение суть лицензионные кальки. Оно

лишено – в 9 случаях из 10 – всякого намёка на аутентичность. Эпоха местного ТВ-колорита закончилась.

Так и есть. По пальцам можно пересчитать оригинальные отечественные проекты: «Сто вопросов взрослому» (ТВЦ), «Что? Где? Когда?», КВН, «Жди меня» (Первый канал), что-то ещё, может быть. Всё остальное, повторяю, штампы, лицензии. Просто сейчас за них платят, а тогда, напомним, идея капитал-шоу «Поле чудес» по-пиратски украдена была у NBC (Wheel of Fortune собирает урожай на американщине с 1975 года), вот и вся разница.

Анатолий Лысенко сетовал:

– Как бы ни хулили советское телевидение, в нём была самобытность. А сегодня мы смотрим лицензионные программы, в которых раз и навсегда установлены общие, глобальные стандарты. Из-за этого исчезают телевизионные профессии: режиссёр-постановщик, ассистент режиссёра, работающий на показе. Сегодня нет профессионализма в собственно показе, умения и желания фиксировать эмоции героев. У нас были замечательные дикторы: Анна Шатилова, Валентина Леонтьева, Владимир Ухин, который вёл «Спокойной ночи, малыши!», его называли «папа Хрюши». Были спортивные комментаторы, они вели за кадром, но их обычно знали по фамилиям: Владимир Маслаченко, Николай Николаевич Озеров, Евгений Майоров. Много было замечательных телеведущих: Элла Беляева («Музыкальный киоск»), Юлия Белянчикова («Здоровье»). Надо признать: ТВ-творчество, отличавшее работы Евгения Гинзбурга и Ксении Марининой, ныне не востребовано. Режиссура у них была не столь броская, но самобытная. Сейчас на телевидении доминируют технологии. Цензура исчезла, но вместе с ней и «эпохалки». Иностранцы говорили: наш зритель, может быть, и не смотрел бы ваше телевидение – оно не темповое, не шокирующее... Но у него высокое качество. Наши ребята сделали передачу «А ну-ка, девушки!» – вроде бы конкурс красоты, но совершенно другой, потому что там было дело не в красоте, а в профессионализме, интеллекте... По части шокирующего мы быстро обогнали весь мир. В итоге на месте великого телевидения великой страны мы делаем провинциальное, не слишком богатое американское.

Вот так-то: не успели унылые западные интеллектуалы отдохнуть от интенсивных обличений свирепого коммунизма, как приходится смотреть неприятной правде в ярые глаза. И признавать (если не публично, то камерно, наедине с собой), что весь пресловутый либеральный проект провалился. Причём – во всех своих ипостасях. Но забавно не это. А то, что двуногие неустанно, тысячелетие за тысячелетием, разочаровываются в том, что сами же производят в качестве структуры самоорганизации. Ведь какой проект ни возьми, политический, религиозный ли, его задача номинально сводится ровно к одному – чтобы волки были сыты да овцы целы. Но почему-то не получается! Не получается у животных этих и рыбку съесть, и на джипе покататься. Позиционирование «волк» неизбежно приводит к массовому пожиранию овец. Даже если занимает эту волк-позицию скромная овца. Парадоксальный, но – факт. Доказанный.

Помнится, в знаменитом советском лагерном эксперименте, когда в отдельную зону дружно выселили отверженных, они умудрились установить те же зверские порядки унижительного подавления, от которых страдали сами. Причём гораздо более откровенные & жестокие. Конечно, истории ведомы дерзкие оптимисты, «душелюбы и людоеды» типа Виктора Франкла или Эриха Фромма (о беспечно веривших в Человека бодрых подвижниках тёплого Ренессанса упоминать не буду), которые допускали наличие в электорате (вернее, человечестве) скромного процента мыслящих, которые живут по принципу «быть», а не «иметь». И живут, не теряя человеческого достоинства. Не теряя ни в каких ситуациях. Вот представители такого человеческого материала могли бы рулить социумом более или менее внятно, полагаю). И поставлять толпе отличных диктаторов (ну что может быть лучше просвещённой и благородной авторитарной власти? Уж точно не порядок туповатого большинства...). Но почему – то такие люди и близко не подходят к вельможным структурам управления... Не заманишь их туда, не прельстишь сладостями чиновничьими. Чувство изящного не позволяет, видимо. Бог весть. Но сложно, право,

представить себе академика Лихачёва, отважно дебатирующего в Думе с юристом Жириновским. Не потому, что покойный. Или академик. А потому что – Лихачёв Дмитрий Сергеевич.

Чтобы оценить безрадостные масштабы экзистенциальной катастрофы, достаточно вспомнить старика Зигмунда с его членением личности на три уровня: уровень «оно» (животного, которое хочет всё сожрать, всех употребить и ни с кем не поделиться); уровень «сверх-Я» (привнесённой морали и ценностей, которым ни один индивид никогда не соответствует); и уровень «Я» – собственно личности, которая истерически мечется посередине, мучимая с одной стороны желанием всё сожрать, а с другой – чувством собственного несовершенства.

Фрейд был прав – общество, какое ни возьми, с безжалостностью будуарного зеркала отражает эту структуру, напоминающую ступени, по коим «горящая нефть хлещет с этажа на этаж». Любое законченное человеческое формирование – от банды (и государства) до религиозного братства функционирует, похоже, так же, как сам хищник – homo sapiens. И лишь появляется возможность спесиво наплевать на неудобное «сверх-Я», жадное и прожорливое «оно» безжалостно берёт верх. То есть стоит заползти туда, где можно цинично забить на всё, – оскотинивание происходит стремительней юношеского оргазма. И какой человеческий проект вблизи ни рассмотри, везде одно и то же – идеи неплохи, исполнение – катастрофическое. А если бы это было не так, мы бы и по сей день счастливо и безмятежно жили в традиционном обществе.

Поэтому в любом социуме, который никогда не оправдывает ничьих ожиданий, даже пресловутой «элиты», постоянно возрождается идея «добра & справедливости». Идея, которую обязательно кто-то должен привнести извне. Вот на что нужны варяги. Из этого ведра, кстати, и крылатое выражение «нет пророка в своём отечестве». Внутри, увы, ничего не взрастить, не культивировать – затопчут...

Спрашивается – какой же выход? А его нет. Так и будут чужеродные пророки приносить судьбоносные проекты. Проекты, которые следующие поколения благополучно нивелируют, изгадят. Изгадят хотя бы потому, что процент «достойных» слишком мал. Мал для того, чтобы переформатировать человечество, пожирающее самое себя. И самой правильной, конечно, была бы реформированная идея каст, предписывающая каждому заниматься тем, к чему предназначен. Просто нельзя тупо опираться на происхождение (да и кто знает, где чьи дети на самом деле...). За распределением младенцев по кастовым категориям присматривать должен отряд продвинутых инопланетян. Которых, в свою очередь, кто-то должен грамотно взрастить. Однако, как говаривал любимый вождь страны бесплатных советов, – попытка не пытка. Разочаровал капитализм? Давайте пробовать новые варианты. Они уже зреют в горах Кавказа, и мятежи арабского мира = это только цветочки.

Ну а Листьев... Листьев тогда, в середине 90-х, верно вычислил флюиды экономического аспекта, но не пожелал идентифицировать себя с величественной Системой. Та же самая история, что и с Ходорковским: получив от системы всё, человек самонадеянно пытается обмануть породившее его. Не получается. Почти никогда. Наполеон Бонапарт не смог. Что не уменьшает, впрочем, масштаб личности императора. И Влад тоже воздвиг памятник себе нерукотворный. В форме Колеса Фортуны.

Великолепный ведущий, блистательный шоумен, потрясающей щедрости продюсер, отдававший чемпионски разогнанные им проекты направо и налево, Влад Листьев был героем СВОЕГО времени. Просто он не заметил, когда оно кончилось...

ПЕРСОНАЛИИ

ВАКУЛОВСКИЙ, Олег Юрьевич

Родился 11 августа 1960 года в Москве. Умер там же 16 июня 2009 года.

После окончания в 1983 году факультета журналистики Московского государственного университета (специальность «журналист-международник, литературный сотрудник радио») до 1987 года работал комментатором, главным редактором скандинавского отдела Североевропейской службы инновещания Гостелерадио СССР вместе с Александром Любимовым.

Провёл два выпуска «Взгляда», на третий просто не явился. Мобильников тогда не было, найти его не смогли, вопрос решился сам собой. То есть если согласиться с битловской аналогией, то он стал Питом Вестом (первый барабанщик группы уступил место Рингу Стару, оставив The Beatles накануне их победного взлёта).

В сентябре 1990 года Олег стал руководителем службы информации, затем – директором по социальным проектам новой международной коммерческой радиостанции «Радио Рокс».

В 1993 году рулил студией «Глобус» ВГТРК и там же, на «второй кнопке», вёл «Чрезвычайный канал» и программу «Де-факто».

В 1996 – 1997 годах был ведущим программы «Человек и закон».

В 1998 году возглавил канал СТС, в качестве «играющего тренера» совмещал с ведением программы «Таинственные истории».

В 1999 году возглавил отдел Главной редакции художественно-публицистических программ ОАО «ТВ Центр» и, опять же, вёл «Бюро телевизионных расследований».

В 2007 году выпустил роман «Третье пророчество», написанный им в соавторстве с Еленой Хангой.

ДЕМИДОВ, Иван Иванович

Рулевой.

ЗАХАРОВ, Дмитрий Вениаминович

Родился 30 января 1958 в Москве (в семье дипломата).

В 1980 году окончил Институт иностранных языков им. Мориса Тореза, в 1985 году – исторический факультет МГУ.

С 1980 по 1987 год работал на Иновещании Гостелерадио (программы для США и Великобритании).

С 1987 по 1991 год – ведущий «Взгляда». Однажды был отстранён от ведения за выступление на харьковском телевидении, в котором заявил, что коммунизм столь же отвратителен, как и фашизм.

С 1991 по 1994 год – автор & ведущий программы «Веди».

С 1994 по 2003 год – сотрудник телеканала «Россия» (программы «Река времени», «На пороге века», «Вокруг света»).

С 2003 года – директор Дирекции научно-популярных программ НТВ.

С сентября 2005 года – ведущий программы «Цена Победы» на радио «Эхо Москвы».

Я был потрясён, узнав в кулуарах «Взгляда», что тот, кого начальство называло Гурвинеком и Знайкой, был лихим каратистом, обладателем какого-то там пояса. И дико злился, когда его просили что-нибудь продемонстрировать.

Интервью с ним не записывал в презумпции того, что секреты он хранит тщательно, а мне банальные политкорректные сентенции не очень интересны – за ними жизни не видно. Но – респект ему, респект. Peace and such.

ИВЛННИКОВ, Максим Юрьевич

Родился 6 августа 1957 года.

В 1979 году окончил факультет режиссуры массовых театрализованных представлений Института культуры.

На ТВ – с 1979 года. Начинал, как почти все, с администратора. Работал в главной редакции программ для Москвы и Московской области.

С 1980 по 1988 годы – администратор Главной редакции литературно-драматического вещания ЦТ СССР.

Режиссировал 28 выпусков «Взгляда» (1988 – 1990).

В 1990 году – режиссёр программы «Намедни» (НТВ).

В 2002 – 2006 годах – режиссёр-постановщик сериала «Кремль-9» (56 серий, ОРТ).

В 2010 году работал над телевизионными фильмами «Покер-45: Сталин, Черчилль, Рузвельт» и «Берия. Проигрыш».

КАРПОВА, Елена Алексеевна

Родилась во Владивостоке 11 сентября 1960 года.

В 1982 году окончила отделение телевидения факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (училась вместе с Листьевым).

В середине 80-х, работая в Главной редакции музыкальных программ Центрального телевидения, начала активный поиск молодых исполнителей и композиторов. В 1987 году была инициатором первой аудиозаписи и телевизионной съёмки молодого петербургского композитора Леонида Десятникова, ныне одного из крупнейших музыкантов мира.

С 1989 по 1991 год – музыкальный редактор «Взгляда».

Однажды принёс ночью в монтажку новёхонький выпуск «Совершенно секретно», и Лена, естественно, взялась читать. И обнаружила там афганские рассказы своего однокурсника Сэда – Андрея Наседкина. С предисловием Мити Лиханова. Влада на монтаже не было, не с кем ей было даже поделиться, и она, помню, рыдала в курилке... С тех пор, рассказывая про Сэда, Карпова всегда говорит: «Однажды Женя Додолев принёс новый выпуск «Совсека» в монтажку «Взгляда»...»

Музредактора находились в довольно щекотливой ситуации, между молотом соблазна и накавальной подозрений. Владимир Мукусев вспоминал (2001):

– В эпоху гласности мои суперпопулярные молодые коллеги Любимов и Листьев стали ощущать себя чуть ли не «властителями дум» огромного государства. Понять их можно. За четыре года наш «Взгляд» пережил десятки конфликтов, отстоял право на жизнь от многочисленных «наездов» идеологического

отдела ЦК КПСС, КГБ, МВД и других столь же «любящих» нас организаций. Но к концу 90-го «Взгляд» стал гнить изнутри. Причина банальная – «левые» деньги. Все кому не лень стремились протащить в эфир проплаченную «джинсу» вместо журналистских расследований и острых сюжетов. Появилась рубрика «шоу-биржа». За демонстрацию клипов и сообщений о гастролях рок-групп и певцов собиралась мзда. Назревал раскол.

После «Взгляда» (с 1993 по 1996 год) сняла несколько фильмов о Борисе Гребенщикове и группе «Аквариум», в том числе «АКВАРИУМ». ВИЗИТ В МОСКВУ» (первый параллельный теле– и радиопроjekt в режиме «стерео» совместно с радиостанцией «Европа Плюс»), «СНЕЖНЫЙ ЛЕВ», «НАВИГАТОР» Гребенщикова.

В 1994 – 1996 годах продюсировала Чиж – Сергея Чигракова (группа «Чиж и Со.»).

С 1994 по 2001 год была автором и редактором прямоэфирных проектов с «живой музыкой»: «ЖИВЬЁМ С МАКСОМ» (телекомпания «Свежий ветер», 5 канал-СПб), «АНТРОПОЛОГИЯ Дмитрия Диброва» (каналы «Телеэкспо» и НТВ).

С 2001 по 2003 год была автором и шеф-редактором интерактивного музыкального шоу «ЗЕМЛЯ-ВОЗДУХ» (каналы «ТВ-6» и «ТВС»).

В 2004 году вернулась к классической музыке, став шеф-редактором ток-шоу «ОРКЕСТРОВАЯ ЯМА с Артёмом Варгафтиком» (канал «Культура»).

С 2007 по 2009 год возглавляла музыкальные отделы интернет-порталов TOP4TOP и «ИНТЕРЗВЕЗДА».

В 2009 – 2010 годах работала шеф-редактором ток-шоу «Отчаянные домохозяйки» (РТР). «Будь по-твоему» (Пятый канал), «Формула любви» (РТР).

Дала интервью и была упомянута в книге профессора Калифорнийского университета, политолога Майкла Урбана «Блюз в России: Музыка, культура и сообщество в беспокойные времена» (Russia Gets the Blues: Music, Culture and Community in Unsettled Times) и книге Артемия Троицкого «Я введу вас в мир ПОП».

Ведёт ЖЖ: lenadoe.livejournal.com.

КРАВЧЕНКО, Леонид Петрович

Родился 10 мая 1938 года в деревне Туреевка Дубровского района Брянской области.

Закончил журфак МГУ в 1961 году.

С 1961 до 1980 год – в «Строительной газете» (скарьерствовал от корреспондента до главреда).

С 1980 по 1985 год возглавлял газету «Труд».

С 1985 по 1988 год – первый заместитель председателя Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию.

С 1988 года – гендир Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС).

С 1990 года – председатель ВГТРК «Останкино».

В 1991 году возглавил Государственный комитет СССР по телевидению и радиовещанию.

В «Энциклопедии советского кино» написано: «В январе 1991 года ради «уточнения концепции программы» отстранит от эфира ведущих «Взгляда». Затем отдаст распоряжение отключить информационные каналы независимого информационного агентства «Интерфакс», услугами которого пользуются многие западные журналисты. Одновременно в новостных передачах – во «Времени» и ТСН –

введёт институт «выпускающих редакторов», которые на деле будут осуществлять функции идеологического контроля над ведущими программ и авторами сюжетов. Вскоре Кравченко отстранит от эфира ведущих ТСН Татьяну Миткову, Евгения Киселёва и Юрия Ростова. В феврале ограничит на треть эфирное вещание «Радио России». «По собственному желанию» с ЦТ уйдёт один из самых популярных телеведущих Владимир Молчанов. Кравченко станет самой odioзной фигурой для журналистской среды – 13 апреля московский Союз журналистов исключит его из своих рядов».

С 1998 по 1999 – год член Совета директоров ОАО «ТВ-Столица».

С июля 1998 по июль 1999 года – первый заместитель председателя Совета директоров ОАО «ТВ-Центр».

В ряде бесед утверждал, что причастен к созданию «Взгляда». Публично это утверждение, насколько помню, опроверг Политковский, в ТВ-кулуарах вообще были озадачены.

ЛИСТЬЕВ, Владислав Николаевич

Легенда.

ЛЫСЕНКО, Анатолий Григорьевич

Родился 14 апреля 1937 года, окончил Московский институт инженеров транспорта (МИИТ) и аспирантуру во Всесоюзном заочном институте инженеров железнодорожного транспорта.

С 1968 года – в штате Главной редакции программ для молодёжи ЦТ, в которой был редактором, редактором-консультантом, а затем – заместителем главного редактора. Участвовал в создании многих супер-пупер-проектов, среди которых чемпионские: «КВН», «А ну-ка, парни!», «А ну-ка, девушки!». В передаче «Диалог» первым в стране поведал охуевшим зрителям о таком журнале как Playboy.

В 1986 – 1990 годах – заместитель главного редактора Главной редакции программ для молодёжи.

С 1990 по 1996 год на пару с Олегом Попцовым рулил Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компанией.)

Государственный советник 1 класса в отставке.

С 18 октября 2003 по 7 августа 2004 года вёл «Программу передач на вчера» (АТВ).

Президент Международной академии телевидения и радио (IATR). В переговорной этой конторы я и записывал последнее интервью с ним для этой книги зимой 2009/2010. Сказал мне, что сам пишет о «Взгляде». Я полюбопытствовал: как и для кого? Выяснилось, что под его диктовку записывает какая-то девочка. Угу. Зная, каков бездонный и упоительный кладёзь инфы Лысый, подумал, что книга будет издана лет через пять. Если девушка = добросовестная. А если нет, то книга будет не нужна вовсе. Однако заблуждался: книга Анатолий Григорича вышла одновременно с моей.

ЛЮБИМОВ, Александр Михайлович

Родился 23 июня 1962 года в Лондоне (во всяких газетных публикациях ошибочно указана Москва). Я-то просто по его паспорту покупал нам билеты в Ялту и Ленинград, поэтому знаю, что там написано. Он, кстати, имел чисто теоретическую опцию выбрать британское гражданство, насколько понимаю. Вплоть до 23 июня 1983 года.

Сын разведчика и актрисы. Будучи единственным ребёнком профессиональных лицедеёв, виртуозно владеет навыком очень убедительно излагать неправду. Это качество необходимо любому политику. Но не

является для занятия политикой достаточным. Так что политиком Саша не стал и никакое «Правое дело» ситуацию не исправит, поскольку он может быть только Первым, а не получается.

По мне, характером Любимов не пошёл ни в одного из родителей. Рождённый в год Тигра, привык не дружить, но покровительствовать. Саше нужна свита, а не друзья; прайд, а не команда. Исключения были, конечно. Саша, например, по-настоящему дружил с Женей Белоусовым до самой кончины последнего. Полагаю, что и с Ваней Демидовым был дружен. А вот с Листом – нет. Они конкурировали. И когда я сейчас слышу от Любимова «мой Владик», я понимаю, что означает это «мой». В этом = инстинкт собственника, метящего территорию. Торговая марка «Влад Листьев» – только его, Саши. А никак не всех остальных, включая унаследовавших (кто должность, кто жену). Альбина Назимова, отвечая как-то на вопрос – были ли дружны Разбаш и Любимов, категорично отрезала: «Друзьями никто никогда не был. Люди вместе работали, не более того». И добавила, что «профессионально дружили» только её мужа: Влад & Андрей.

С родителями, впрочем, дружил, хотя (а может быть – потому что) они были разведены. Помню, в ресторан на приятельскую пьянку мог запросто приехать с красавицей-мамой, которая украшала любую компанию. После её похорон я в какой-то из газет написал, что в её ранний уход свою лепту внёс ТВ-начальник Леонид Кравченко, поскольку мать тяжело переживала репрессии в отношении сына и его программы. Саша дезавуировал мою версию в разговоре с боссом, а сам председатель Гостелерадио распинался по этому поводу в эфире.

Что касается отца, то я горжусь, что именно с моей подачи Михаил Любимов стал публиковаться в «Совершенно секретно», а позднее распиарился как «многопишущий публицист». Сочинял он действительно превосходно, блистал обаянием, и улыбка у него, по мне, мягче и добрее, чем у Люби. Он запросто тусил с приятелями своего прославленного отпрыска. Какой-то Новый год встречали в Подмосковье с Александром, его папой и его тёзкой Гурновым (плюс девушки, конечно).

До того как стать кумиром почти всех неполовозрелых девиц Советского Союза, Саша был любимцем мгмишных дев: дискжокействовал во время учёбы на факультете международных экономических отношений МГИМО (1981 – 1986). Через десять лет после престижного советского вуза, уже после гибели Листьева, умудрился окончить Гарвардский университет (курс «Менеджер избирательной кампании и политический консультант»).

Владеет английским, французским и датским языками. Поэтому после вуза работал на Иновещании в отделе скандинавских стран с Димой Захаровым.

То, что депутатами стали страстный правдоборец Мукусъ и чудесный репортажный «герой в кепке» Политок – не удивило, а вот то, что вальяжный красавец-дэнди Люби был избран, свидетельствовало о рейтинге передачи. Ведь Саша и плебс – это как вода родниковая и масло из оливок = не смешиваются. Тем более, он себя носит. И никакими улыбками его гордыню не скрыть. Впрочем, есть такое понятие как природный авторитет. Хотя я помню душевное коллективное письмо от ветеранов, в котором чётко сказано: «А тому, который рукава закатывает, – руки по это самое место и отрубить»!

С февраля по август 1992 года занимал должность директора Студии международных программ и видеообмена РГТРК «Останкино».

С марта 1992 года по сентябрь 1993 года – автор и ведущий программы «Красный квадрат», с сентября 1994 года – автор и ведущий программы «Взгляд с Александром Любимовым».

В 1994 году совместно с Демидовым продюсировал развлекательную шоу-программу «ВИДа» «Академия».

В марте 1995 года, после гибели Владислава Листьева, занял пост генерального директора телекомпании «ВИД».

В 1995 – 1998 годах – автор и ведущий программы «Один на Один», в одном из выпусков которой Борис Немцов принял в лицо стакан апельсинового сока из рук Владимира Жириновского.

29 апреля 1997 года на заседании Совета директоров телекомпании «ВИД» было принято решение об освобождении Любимова от занимаемой должности генерального директора компании в связи «с переходом на другую работу». Переходит в штат ЗАО «Общественное российское телевидение» (ОРТ), где становится консультантом генерального продюсера информационных программ ЗАО «ОРТ» Ксении Пономарёвой.

13 октября 1997 года назначен директором Дирекции информационных программ ЗАО «ОРТ». Через полгода освобождён от этой должности.

С ноября 1998 года по июнь 2001 –го – автор и ведущий ежедневной программы политического интервью «Здесь и сейчас» (ОРТ).

В 2001 – 2003 – первый заместитель генерального директора «Первого канала».

С 2001 года по октябрь 2008 – президент Союза творческих работников СМИ «Медиасоюза».

В декабре 2007 года назначен первым заместителем генерального директора телеканала «Россия».

С 5 октября по 28 декабря 2008 года вёл телепроект «Имя Россия».

Летом 2011 года стал соратником Михаила Прохорова по «Правому делу». Забавно, потому что, помнится, именно после вояжа на яхте с Прохоровым и Потаниным (через пару лет после убийства Листьева) Саше снесло башню в сторону меркантильности. Его так впечатлила лодка длиной в 72 метра, по палубам которой шлёпали 72 пятки длинноногих моделей, что ТВ-мэтр осознал, к чему стремиться можно и должно. «Бабло побеждает зло»: слоган одного из самых ярких наших телевизионщиков, которого многие не без оснований считали «взглядовцем» № 1. Он действительно был лучшим, по моему мнению. Всякая революция пожирает чад своих. По-разному и с разным соусом.

МАЛКИН, Анатолий Григорьевич

Родился 28 апреля 1946 года в Укмерге.

Окончил Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии по специальности «режиссёр телевидения».

Работал по специальности с 1969 года. Начинал карьеру на мурманской студии ТВ «Экран», затем был главным редактором литературно-драматических программ, где познакомился с Кирой Прошутинской. Оба были при супругах, но искра пробила.

Они стали просто замечательной парой, я считаю. Жёсткость и чрезмерная требовательность Малкина нивелируется тактом и мягкостью Киры Александровны. Вдвоём они создают какую-то правильную ауру. Их дача в Новоглаголеве = оазис гармонии в шоу-бизовском посёлке, где воздвигли свои непонятные конструкции многие наши звёзды. Этот посёлок вообще отличается от комплекса ТВ-6 в Нахабине, где жили ранее и живут поныне руководители каналов (Александр Пономарёв, Константин Эрнст, etc).

Малкин/Прошутинская вместе создали телекомпанию ATV и придумали более сотни проектов, среди которых: «12-й этаж», «Мир и молодёжь», «Мужчина и женщина», «Оба-На», «Дежурный по стране», «Ночной полёт», «Вместе», «Старая квартира», «Времечко», «Акуна Матата», «Эх, Семёновна!», «Мы», «Уроки русского чтения», «100 вопросов взрослому», «Временно доступен», «Нарисованные истории».

Малкин декларирует: «Телевидение не может быть лучше общества; но должно». Под его руководством работали Дмитрий Быков, Дмитрий Дибров, Игорь Воеводин, Леонид Парфёнов, Иван

Кононов, Алексей Кортнев, Лев Новожёнов, Григорий Гурвич, Александр Тихомиров, Игорь Угольников.

Они с Прошутинской рассказывали мне, как стал телевизионщиком Матвей Ганапольский: он их пригласил на «Эхо Москвы» в качестве гостей программы и в лоб заинтересовался: «Почему вы не снимаете мои интервью со звёздами? Это выглядит всё, по-моему, очень эффектно». Такой «Бомонд». Они поверили. И не ошиблись.

Но со «Взглядом» он, по-моему, ошибся, освободив валентность условного Джорджа Мартина (ну раз уж ведущие = битлы) для другого Анатоля Григорича-Лысого.

МУКУСЕВ, Владимир Викторович

Родился в Ленинграде 17 мая 1951 года.

В 1973 году окончил Ленинградский электротехнический институт связи имени Бонч-Бруевича по специальности «инженер-конструктор радиоаппаратуры».

В 1982 году – режиссёрский факультет Ленинградского государственного института культуры имени Крупской.

В 1995 году – Дипломатическую академию МИД РФ; защитил кандидатскую диссертацию по политологии на тему «Влияние электронных СМИ на результаты выборов в высшие органы власти в США и России».

В 1996 году – аспирантуру Дипломатической академии МИД РФ.

Академик Евразийской академии телевидения и радио, автор и ведущий ряда телевизионных проектов, в том числе и региональных. При этом профессионального журналистского образования не имел и не имеет.

На телевидении оказался с подачи супругов Владимира и Тамары Максимовых (режиссёра и ведущей популярной программы «Музыкальный ринг»), которые привлекли Владимира Мукусева для работы в своей передаче «Янтарный ключ».

С 1970 года – автор и ведущий ряда телепрограмм Ленинградского ТВ.

В 1978 году – лауреат Всесоюзного телеконкурса «Салют, фестиваль!» (ЦТ, Москва).

Получил премию Американской академии телевизионных наук и искусств «Эмми» (1987) за документальный фильм «Ленинград-Сиэтл. Год спустя».

Мукусев был режиссёром знаменитого телемоста между США и СССР («Ленинград-Бостон»), когда россиянка произнесла знаменитую фразу: «Секса у нас нет!»

Именно в выпуске «Взгляда», подготовленном Владимиром, дебютировал на ТВ Виктор Цой.

Участвовал в создании телекомпаний «ВИС» и НТН (первая независимая телекомпания в России, Новосибирск, 1991 год); телеканалов НТН-4, НТН-12 (Новосибирск); телесети «Ассоциация независимых телекомпаний Сибири и Дальнего Востока» (1991 год).

Вместе с Политковским сформировал в СССР новый жанр: журналистского расследования. Позднее расследовал дело о нападении на Союз ветеранов Афганистана в Екатеринбурге (1993), дело о готовящемся покушении на кандидата в президенты Украины Л. Кучму (1994) и, конечно, дело об убийстве Влада Листьева (1995). По поводу последнего у Мукусева своё мнение: причастность к преступлению Бориса Березовского он отрицает. Результаты своего расследования изложил в книге «Разберёмся...».

ПОЛИТКОВСКИЙ, Александр Владимирович

Родился в Москве 15 сентября 1953. До своего рождения чуть не погиб в давке во время похорон Сталина. Мать кто-то толкнул под стоящий в оцеплении грузовик.

Жил и учился на территории сегодняшнего Зачатьевского монастыря в центре Москвы.

Закончил школу рабочей молодёжи в 1971.

После службы в армии окончил телевизионное отделение факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова (в 1979 году) и начал работать в спортивной редакции Гостелерадио СССР.

В 1980 женился на Анне Мазепе. Однокурсницей Александра была старшая сестра Анны. Студенческие вечеринки устраивали в родительской квартире девушек, которые, будучи сотрудниками ООН, работали в Нью-Йорке. Как вспоминает Политковский: «Она тогда ещё училась в десятом классе. Симпатичная, обаятельная. Посидели, пообщались. А потом очень быстро стали встречаться. У нас с ней разница в пять лет. Свадьбу отмечали у меня на квартире, в «хрущёбе». Ни я, ни Аня никогда не любили какие-то особые изыски».

1986 – 1989 годы – спецкорреспондент, ведущий информационно-развлекательной программы «Взгляд».

В 1990 кинодокументалист Марина Голдовская сняла фильм «Вкус свободы» о шести неделях из жизни Александра и Анны Политковских.

В 1990 – 1993 годах избирался народным депутатом РФ. Вспоминал об этом: «Года через два после того, как мы стали депутатами, мне стало не по себе от того, что я был в «Демократической России». Люди, которые работали в Верховном Совете, очень изменились. Я как был журналистом, так журналистом и остался, не менял своих взглядов и убеждений. А они стали говорить: «Я же законодатель!» Ну, какой ты законодатель? Это ерунда всё. Я ходил в Кремль в 1990 году в кроссовках, в джинсовой куртке – и с прищепкой на куртке. Как начинало коммунаками вонять, я зацеплял себе нос прищепкой. Дурковали мы так. Я, наверное, был самым отвязанным депутатом. Есть у Андрея Угланова потрясающая фотография: мы с Немцовым стоим в курилке около туалета – Немцов, как всегда, в пиджаке, при галстукe, а я такой – представить такого в Кремле совершенно невозможно».

1991 – учредил продюсерскую телекомпанию «ВИД». Помимо Политковского, в обойме учредителей: Владислав Листьев, Александр Любимов, Александр Горожанкин, Андрей Разбаш и Иван Демидов.

1992 – член совета директоров телекомпании «ВИД». С 1992 по 1995 вёл авторскую программу «Политбюро» (Политковского бюро).

С октября 1995 года являлся автором проекта «Территория ТВ-6» на телеканале «ТВ-6 Москва» (МНВК).

В 1997 году создал и возглавил в качестве президента ЗАО «Студия Политковского».

В 1999 году – автор и ведущий программы «Время местное» на телеканале «ТВ Центр».

В 2003 году – ведущий публицистического ток-шоу «Тюрьма и воля» (ТВЦ).

7 октября 2006 года застрелена Анна Политковская.

Имеет сына Илью и дочь Веру.

Хобби: рыбалка в северных регионах страны нахлыстом и эксклюзивная аквариумистика.

Последнее интервью записывал с ним на ноутбук зимой 2010 года в кабинете «Турандота». Для себя отметил, что молодые официанты мегалегенду нашего ТВ не узнают.

ПОНОМАРЁВ, Александр Сергеевич

Родился 13 октября 1956 в Аткарске, в семье слесаря и учительницы.

Среднюю школу окончил с золотой медалью.

Затем окончил физический факультет Саратовского государственного университета.

Потом – Высшую комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ.

В 1979 году – методист агитпоезда газеты «Комсомольская правда».

С 1984 по 1987 – инструктор отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ.

С 1987 по 1991 – в «молодёжке»: заведующий отделом массовых передач, заместитель главного редактора, главный редактор. Политковский отмечал: «Когда Сагалаев ушёл, то возникли сложности с его преемником, Пономарёвым. Про Катынь у меня долго материал не выходил. Я говорил Пономарёву: «Тебе будет стыдно через какое-то время – наверное, через месяца два-три». Через месяц о Катыни вышел сюжету Владимира Молчанова – не мой материал, другой».

Я никогда не работал на ТВ штатно и поэтому не берусь оценивать справедливость тех или иных характеристик в отношении телевизионщиков. По мне, о Пономарёве жёстче всего (не возьмусь вычислять – в какой степени справедливо, я-то знал его с иной стороны) отзывался Мукусев, утверждавший, что того «Ещё во времена работы инструктором ЦК ВЛКСМ называли «умножением на ноль». Поэтому в конце концов ему стали доверять только выписывание командировок».

С 1991 по 1992 – директор телевизионной студии «Эксперимент» ВГТРК, заместитель генерального директора, директор творческого объединения «Останкино».

С 1992 по 1993 – директор творческого объединения «Эксперимент».

С 1993 года – генеральный директор «Московской независимой вещательной корпорации». Станным, по мне, был рабочий альянс Пономарёва с Демидовым; они даже несколько лет подряд проводили летний отпуск вместе, в одном и том же отеле для пенсюков. Союз распался после каких-то интриг обаяшки Саши Горожанкина, у которого Иван совсем некстати попросил прибавку жалованья одному из козырных продюсеров канала ТВ-6... Елене Демидовой. Да, как-то так.

С 2001 года – возглавлял канал «Культура».

С 2006 года – гендир «ТВ Центра».

Пономарёв известен не только своим менеджерским профессионализмом, но и отменным патриотизмом: известно, что в тех отелях, где он останавливается, поднимают российский флаг, – он никогда не ленится обговорить этот нюанс с гостиничной администрацией.

РАЗБАШ, Андрей Леонидович

Родился 15 декабря 1952 года в посёлке Усть-Кара Архангельской области за полярным кругом. Его дед Наум Разбаш был заместителем главного редактора газеты «Гудок», потом рулил газетой «Советский Уэлен».

Закончил МАИ. По распределению офицерил, управляя спутниками-шпионами и орбитальными станциями.

В 1980 году демобилизовался и пришёл в Телевизионный технический центр «Останкино», где поочерёдно работал видеоинженером, монтажёром, телевизионным оператором.

В 1983 – 1984 годах начал сотрудничать с Детской редакцией, режиссёр около десятка выпусков программы «До 16 и старше...».

Затем пришёл в «молодёжку», работал над проектом «Мир и молодёжь».

В 1987 году работал с Леонидом Парфёновым над трёхсерийным документальным фильмом «Дети XX съезда».

После «Взгляда» (1987 – 1991) – директор творческого объединения «Эксперимент» Гостелерадио «Останкино». Вместе с Листьевым продюсировал «Час Пик».

С 1993 года заместитель председателя телерадиокомпании «Останкино», отвечал за художественное вещание Первого канала, занимался программированием киновещания, развлекательных и спортивных программ, организацией трансляции чемпионатов мира по футболу, участвовал в запуске музыкального проекта «Звёзды в Кремле».

Принимал участие в создании оригинальных проектов: «Авто-Шоу», «Экслибрис», «Программа-Х», «Дело», «Человек недели».

В 2001 году стал вести авторскую программу «Крылья» на Первом канале и создал продюсерскую компанию «Крылья-Медиа».

Пятеро детей от трёх браков. Последняя жена – Альбина Назимова (она была третьей женой Листьева).

Андрей Разбаш скоропостижно скончался от сердечного приступа 23 июля 2006 года.

САГАЛАЕВ, Эдуард Михайлович

Родился 3 октября 1946 года в Самарканде. Самый хитрый и самый талантливый из всех, кто рулил «молодёжкой». Превосходный ведущий, обаятельный мужчина, лукавый интриган. Лауреат Государственной премии СССР (1978).

1975 – 1980 – заместитель главного редактора программ для молодёжи Центрального телевидения СССР.

1980 – 1984 – главный редактор программ для молодёжи Всесоюзного радио.

1984 – 1988 – главред «молодёжки».

Мастерски водил Систему за нос. Политковский вспоминал: «Сагалаев просил меня как можно скорее стать членом партии, для того чтобы, когда будет необходимо принять какие-то решения – сделать выговор по партийной линии за вольности в прямом эфире или за другое, – чтобы был в парткоме свой человек, который сделал бы это максимально мягко и формально. И когда поступали разгневанные звонки сверху, например, из-за того, что Мукусев позволил себе оклеветать «Аврору», я говорил, что, мол, уже все решения приняли, поставили ему на вид».

1988 – 1990 – главный редактор информации Центрального телевидения СССР.

1990 – генеральный директор Четвёртой программы Центрального телевидения СССР.

1989 – 1991 – заместитель председателя Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию.

27 августа – 27 декабря 1991 года – первый заместитель председателя и генеральный директор Всесоюзной государственной телевизионной и радиовещательной компании.

27 декабря 1991 года – июль 1992 года – первый заместитель председателя и генеральный директор

Российской государственной телевизионной и радиовещательной компании «Останкино».

Июль 1992 года – 15 февраля 1996 года – президент Московской независимой вещательной компании.

15 февраля 1996 года – 10 февраля 1997 года – председатель Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании.

10 февраля 1997 года – январь 2001 – президент Московской независимой вещательной корпорации.

Помню, летом 1989 года на пляже крымского санатория ЦК КПСС «Ай-Даниль» с усмешкой ответил Саше Любимову на его полустёбные стенания о привилегиях ТВ-боссов:

– У вас же, ведущих «Взгляда», любовь народная, зачем вам черноморские курорты и чёрная икра...

Дима Быков отмечал: «Не будем забывать и о том, что у истоков «Взгляда» стояли именно два прагматика... – Лысенко и Сагалаев, которых я назвал бы первыми ласточками социализма – нет, не с человеческим, а с капиталистическим лицом... Может быть, чисто по-человечески мне и симпатичнее младшие научные сотрудники, читающие Струхацких, сидящие по кухням и палаткам, пьющие, спасающиеся в туризме или огородничестве, а также прочих формах эскейпизма; однако здравым своим умом я понимаю, что от циников проку гораздо больше».

Если бы можно было конвертировать обаяние в \$\$\$, был бы Сагалаев миллиардером. Хотя и так не бедствует. Но, по мне, мог бы МНВК продать Березовскому вдвое дороже.

Последний раз мельком видел его на 50-летию Артёма Боровика, которое Вероника Хильчевская с размахом отмечала в Манеже (13 сентября 2010). Помню, году в 1991 печатал полосную беседу с ним в «Московской правде». Но в книгу её не включил: лениво было исходники искать.

ЭРНСТ, Константин Львович

Большой.

Фотографии

Серёжа Ломакин, Саня Любимов, Вова Мукусев. Когда-то все были маленькими. Потом стали огромными. Великими. Потом по-разному...

Этот скан со старого полароидного снимка мне передала Елена Карпова (в центре, справа от Кости Эрнста), а ей в свою очередь прислал Олег Иткин. Именно с ним они пробивали разрешение на съёмки «Матадора», поскольку его отец был дружен с Анатолием Лысенко со студенчества. И на этой фотке вся команда у Иткина отмечает старт «Матадора»...

Анна и «старик Политковский». Свадьба Шуры Политковского & Ани Мазепы

В Кремлёвском дворце съездов (телемост с космической станцией «Мир»). Владимир Мукусев режиссировал знаменитые телемосты, которые вёл его тёзка Познер. Много лет спустя, в 2006 году, вспоминая о выпуске «Ленинград – Бостон» (17 июля 1986 года) в эфире диалог-шоу «Назад в СССР» Мукусев рассказал:

«Сакраментальная фраза: «Секса у нас нет», сказанная Людмилой Ивановой, администратором одной из ленинградских гостиниц, стала символом телемостов. В действительности же было так: шёл разговор о порнографии в кино и на телевидении, и в этом контексте Людмила произнесла: «Секса у нас нет, и мы категорически против этого», – после чего грянули смех и аплодисменты в обеих студиях и заглушили окончание фразы: «У нас есть любовь». Когда я монтировал, Иванова позвонила мне прямо в аппаратную и попросила вырезать этот эпизод... С одной стороны, я понимал, что... она

может стать героиней анекдотов. С другой стороны, вырезая по приказу из предыдущего телемоста всё о Сахарове, убирать из передачи то, что объединяло обе студии – юмор, я посчитал невозможным».

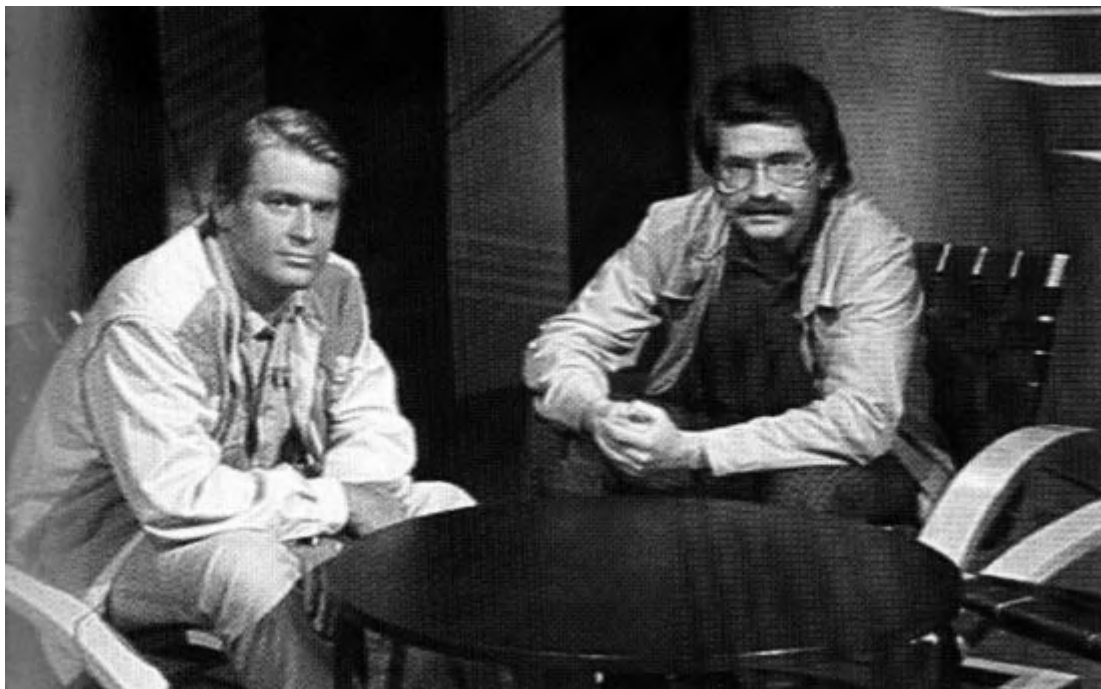
Листьев был не готов к трагической развязке. Я в этом убеждён. Хотя многие серьёзные люди предполагали разное. Лысенко вспоминал: «Влада мне ужасно жалко. Я всегда говорил Владу: «Или ты журналист, или руководитель. Совмещать нельзя». Он всё время отвечал: «Пап, я попробую». Вот он Папой звал... Было интересно, что получится, потому что Влад был очень способный. И вот то, что себя сломал – перестал пить, и у него получилось. Он успел рассказать на всю страну. Как-то в разговоре с Рязановым произнёс: «Единственный, перед кем мне было стыдно, – Лысый». Ночью, когда случилось убийство, мне позвонил Андрей Макаров, адвокат, и я даже не успел туда поехать. А на следующий день, когда выезжал на работу, вдруг мужик-охранник говорит: «Мало вас убивают!»... А мне всегда казалось, что народ нас так любит.

Студия АСБ-4, выкрашенная с подачи «взглядовского» режиссёра Ивана Демидова в революционный алый цвет.

Судьба к Сергею Ломакину была, я думаю, несправедлива. Профессионализм + природная фактура могли бы сделать формального руководителя «Взгляда» самым заметным ведущим передачи. Однако он был слишком советским по имиджу, напоминающим двухметрового капитана Ивана Драго в исполнении Дольфа Лундгрена из «Рокки-4». Ну не соответствовал он тому бурному революционному времени своими голливудскими денди-параметрами. Слился сам, за кресло «взглядовского» ведущего не дрался.

«Взглядовские» прихваты Мукуся проявились задолго до создания самой передачи. Кстати, когда осенью 1987 года программу запустили, выпускающий Мукусев был командирован в Афган и поэтому на самом старте мега-проекта не присутствовал. Был он в Кабуле и за год до зарождения «Взгляда», вспоминал об этом в одной из газетных бесед: «Я уже тогда понял, что мы должны оттуда (из Афганистана – Е. Д.) уходить. Но даже намекнуть на это с телеэкрана было абсолютно невозможно. Не знаю почему, по самонадеянности, глупости, наверное, я пошёл в «Международную панораму», она была из числа передач-небожителёй. И там я встретил никому из телезрителей тогда не известную Татьяну Миткову... Было лето, время отпусков, она оставалась «на хозяйстве» и вставила мой материал в передачу. Скандал был до небес, ей вкатили выговор. Сегодня мы уже столько раз проговорили всё самое страшное в адрес власти, что власть давно ничего не боится».

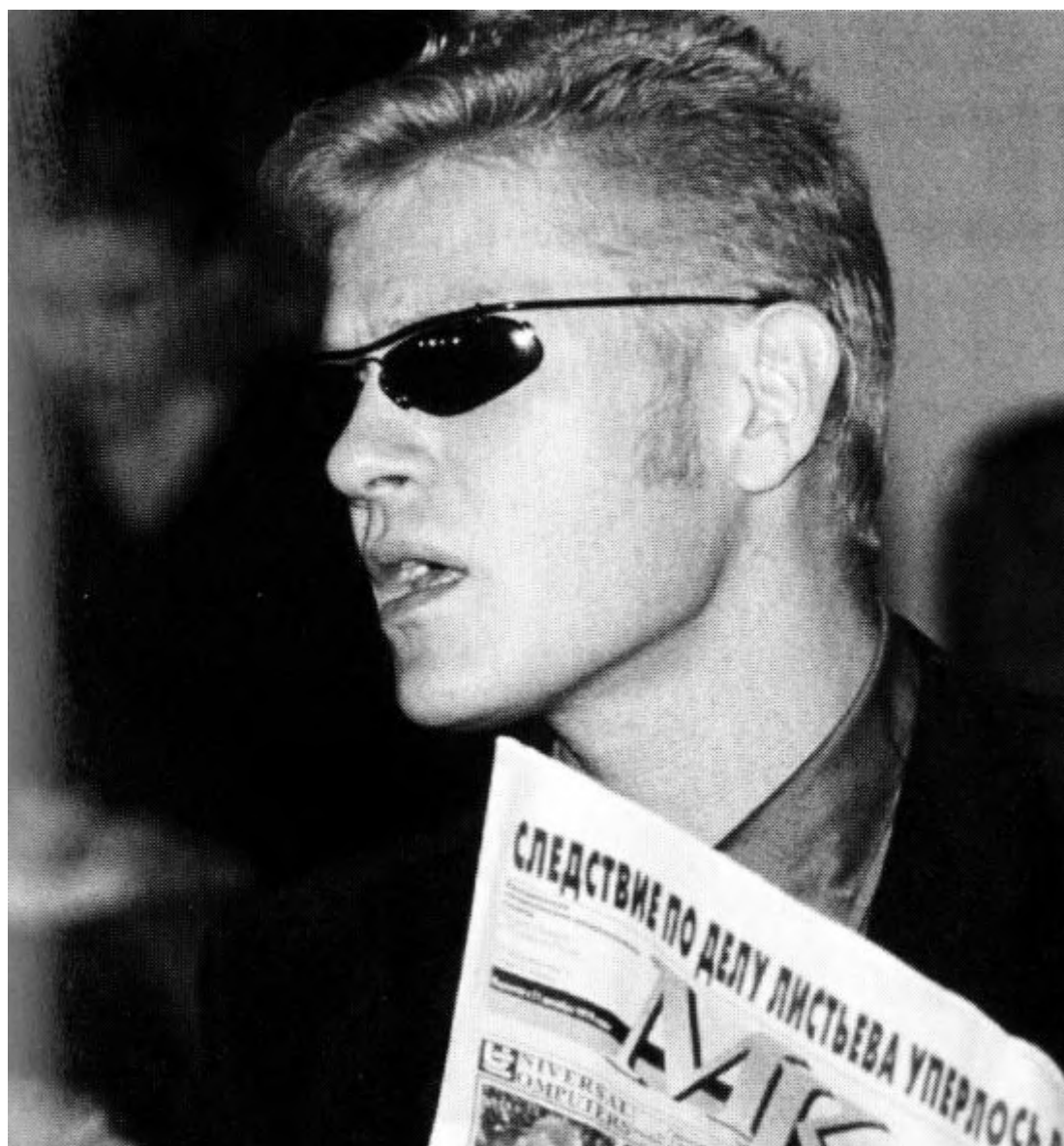
Никитский Ботанический сад, август 1988-го. Костя Эрнст, к которому с ревнивой подачи язвительного Эдика Лимонова прилепили ярлык удачливого мальчика-мажора, был тогда беспечным сорвиголовой. Прыгал в запрещённой зоне НБС, где надо было умудриться рассечь окно упругой черноморской влаги с точностью сапёра, чтобы не напороться на хищные подводные мини-скалы. Дрался с местными в ресторане гостиницы «Ялта». Машину мы угнали, чтобы спасти истекающего кровью Любимова.

Самый неудачливый из первого «взглядовского» квартета Олег Вакуловский вместе с Ириной

Петровской, самым авторитетным отечественным ТВ-критиком, она училась на телевизионном отделении факультета журналистики МГУ вместе с Владом Листьевым и Еленой Карповой. Петровская поимела разборки с Любимовым после того как напечатала заметку «Один на один с \$15 тыс.» (1996 г.), в которой обвинила Люби в «джинсе» (утверждалось, что за участие в проекте «Один на Один» фармацевт Брынцалов заплатил деньги. Александр Михалыч подал иск и выиграл. Через полгода Тверской суд Москвы постановил выплатить истцу семь миллионов рублей, хотя тот просил пятнадцать... миллиардов.

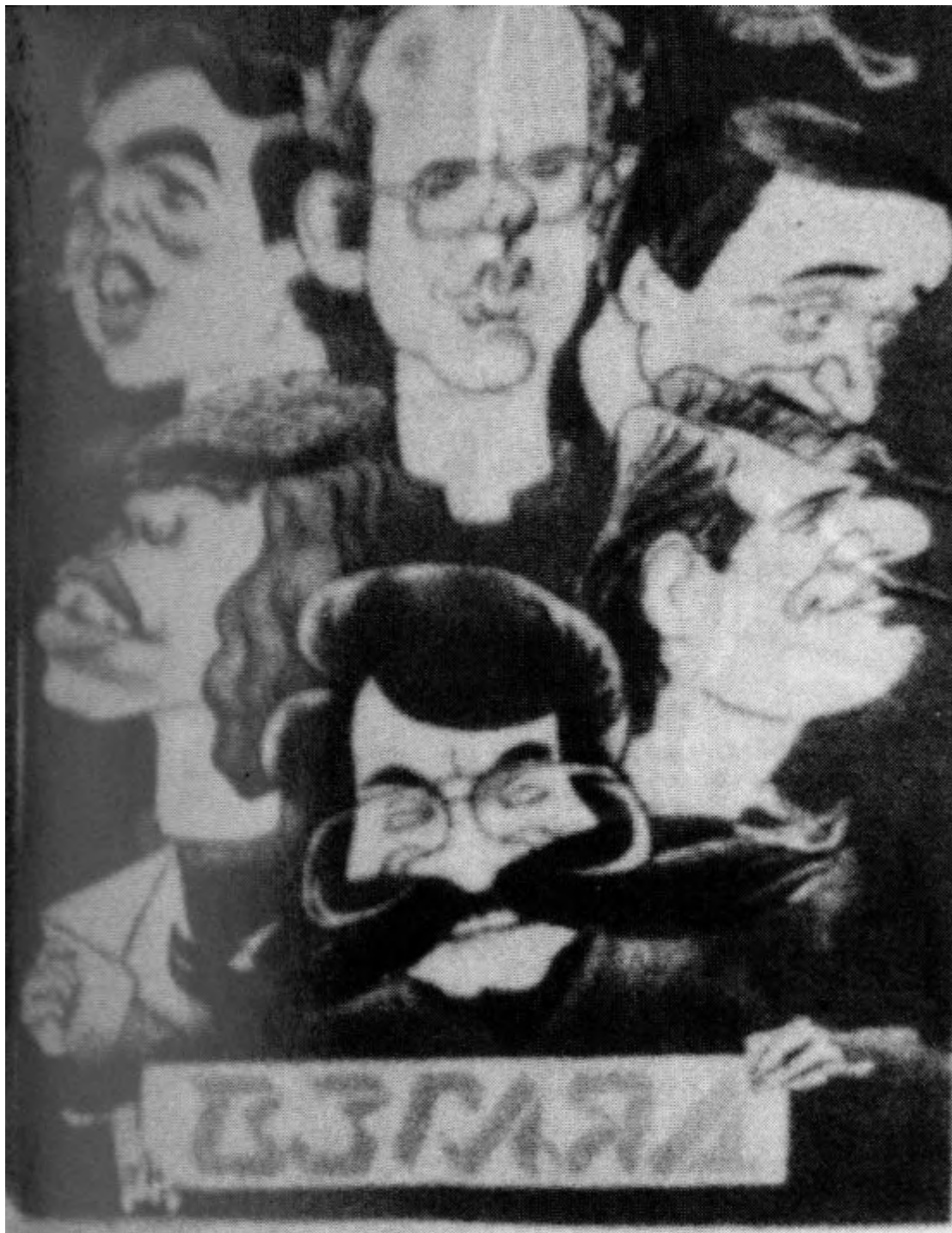

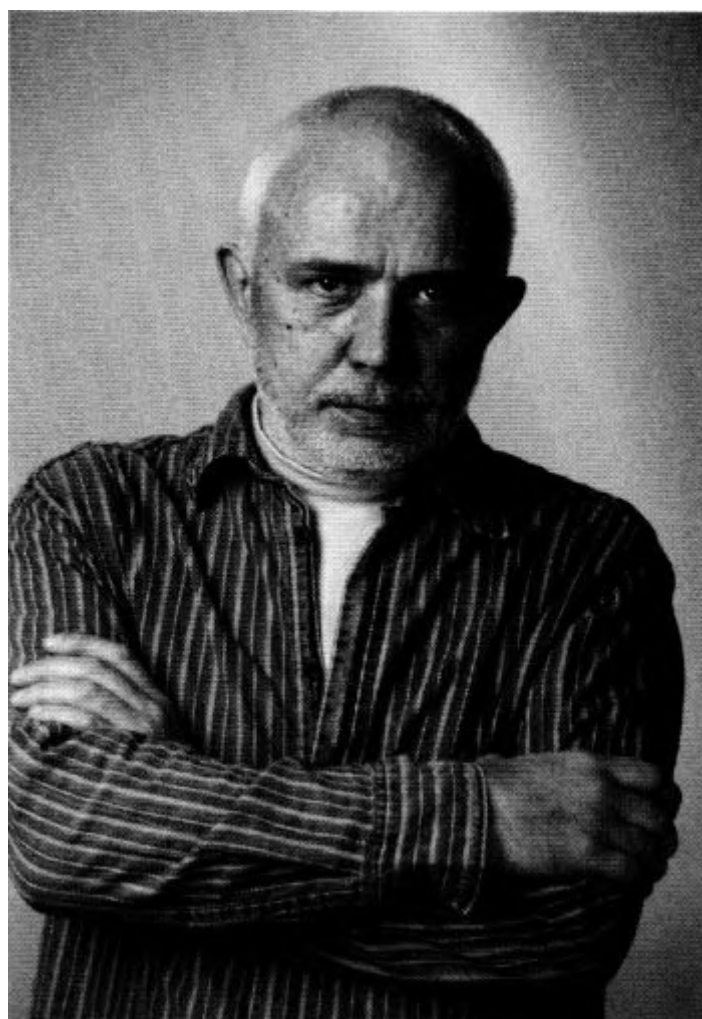
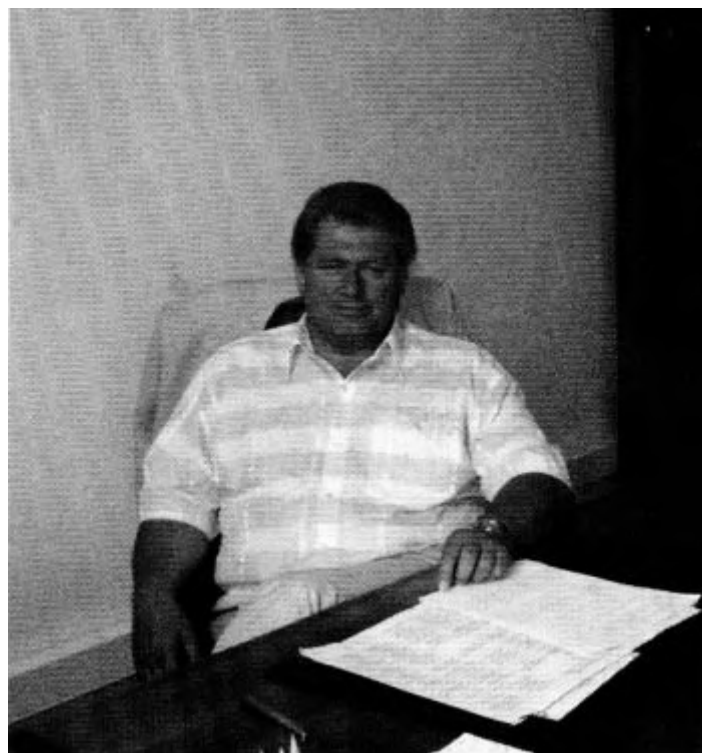
Иван Демидов поднялся по ТВ-лестнице с самого низа и до саааамого-самого верха: рулил кнопочным каналом как-никак. Он мог бы стать вождём, если бы пошёл по указанной соратниками дороге, но Иван, словно подчиняясь беспокойному гороскопу (рождён в Год Кота) всегда искал чего-то. Меня в нём подкупал неистребимый альтруизм и столь редкая в нашем телебомонде идиосинкразия на коррупцию вообще и «джинсу» в частности. Чего я не понимал, так это истового «воцерковления» периода становления ТВ-канала «Спас».

Сергей Помакин, Александр Политковский, Дмитрий Захаров, Александр Любим

Политок в студии с Листом и Мукусем. Политковский даже в эфире не снимал свою знаменитую кепку. Саша мне рассказывал: «Клетчатая кепка, которая совершенно неожиданно ко мне приросла – вовсе не продуманный элемент имиджа. Кепка на самом деле принадлежала моей жене (Анне Политковской. – Е. Д.). Головной убор купили в магазинчике тканей у Никитских ворот, в комплект к клетчатому пальто, которое Аня в «Детском мире» приобрела накануне. Тогда для миниатюрных девушек это был самый бюджетный способ пополнить гардероб: детские товары в Союзе стоили недорого, а денег лишних у нас не было. Всё-таки двое детей на руках».

Шарж замечательного художника Игоря Лососинова из «Крокодила», который был опубликован с четверостишием Бориса Брайнина:

*Нам доказали шесть ребят,
Сменяясь в кухоньке-каморке:
Те, у кого единый «Взгляд»,
Не обязательно «шестёрки»!*

Минуло два десятилетия, и Листьева уж нет, да и остальные выглядят теперь иначе. Во всех смыслах.

Во «взглядовском» эфире впервые на всесоюзных экранах появился Виктор Цой. Из воспоминаний Мукусева: «Однажды мне на студию в «Останкино» позвонил... Алексей Учитель. Через час он был у меня и рассказал, что вот только-только закончил работу над фильмом «Рок». Ещё во время съёмок Смольный делал всё, чтобы фильма не было. Монтировать и озвучивать картину приходилось подпольно... Мы с режиссёром Иванниковым приняли решение сделать фильм лейтмотивом всей передачи... Уже в субботу утром вся страна пела: «Мы ждём перемен». Когда в понедельник Учитель пришёл в Госкино с плёнкой, чиновникам уже ничего не оставалось, как принять фильм.

Мы регулярно приглашали рок-музыкантов. Однажды в передаче в течение трёхчасового прямого эфира участвовал Витя Цой. Он не только пел, но и активно обсуждал все темы, которые мы поднимали в этой программе. А если вспомнить, что Витя очень мало разговаривал в принципе, то те три часа во «Взгляде» стали уникальным событием.

При попытке прорваться на ЦК-дачи в Жуковке нас тормозили сотрудники Девятого управления КГБ СССР, одетые в форму гаишников. А когда я интервьюировал генерала госбезопасности Олега Калугина, я уже знал, что тот некогда курировал работу знаменитого Ленинградского рок-клуба. Я даже не подозревал, что много лет спустя полковник Владимир Путин назовёт Калугина, одного из персонажей, символизировавших перестройку, предателем Родины. Для журналистов Олег Данилыч слыл человеком из той же обоймы «прорабов новой жизни», что, собственно, и путинский покровитель Анатолий Собчак.

Многие ли помнят грандиозную ТВ-легенду СССР Владимира Мукусева? Или тех политиков, которых в известной степени сотворил «Взгляд»? А ведь тот же Герой Соцтруда Николай Травкин, вышедший в 1989 году из компартии и создавший на следующий год Демократическую партию России, был некогда одним из ключевых персонажей отечественного истеблишмента.

Уже в школьные годы Саша Любимов ощущал себя лидером. От природы. И с юных лет привык быть в центре внимания. Никаких других центров в радиусе планеты Земля не признавал. Поэтому у

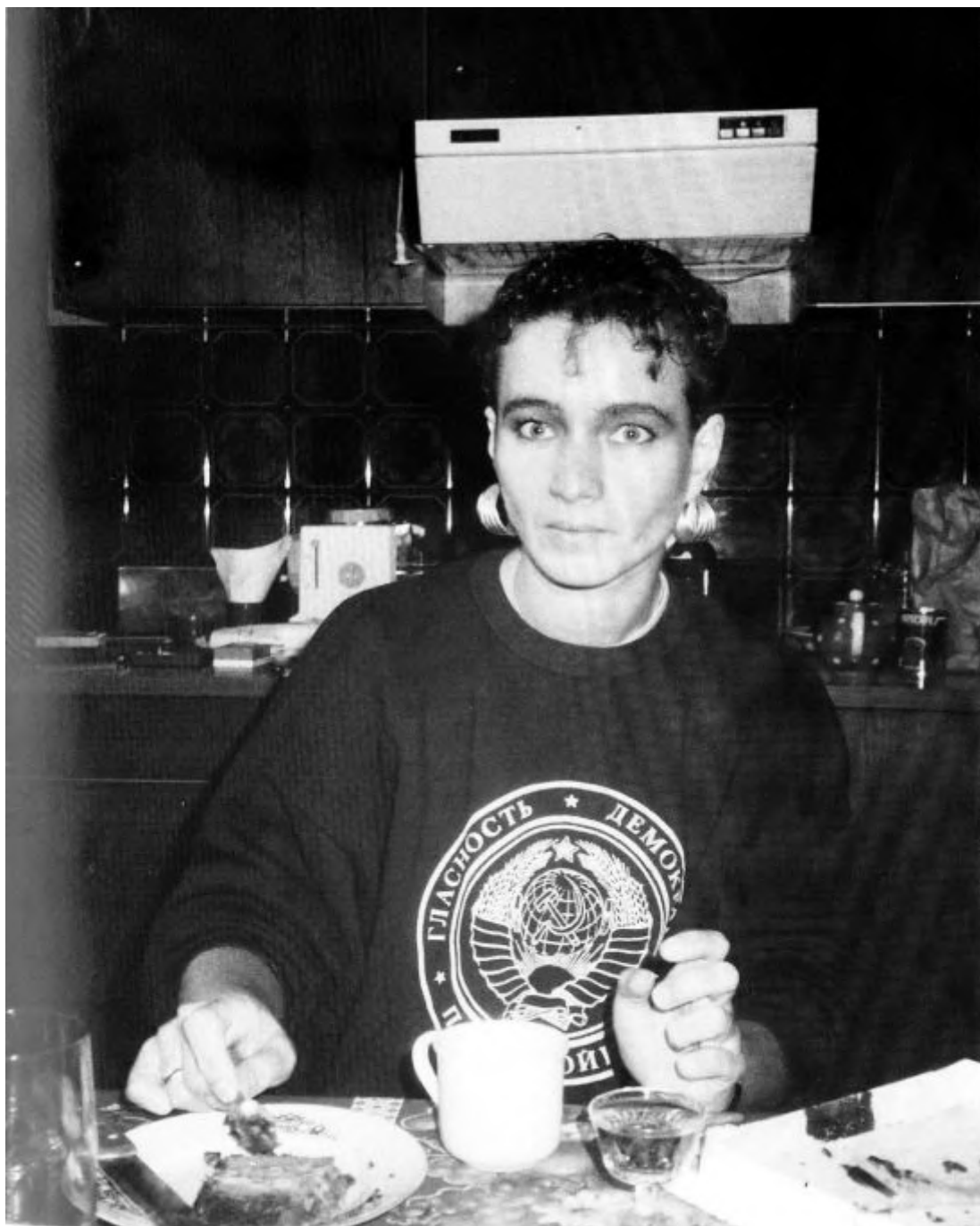
него не было друзей. Были те, кому позволено было себя так позиционировать. Но! В системе координат Люби они оставались: а) восторженными поклонниками, б) преданными адъютантами, в) приятелями категории «Б».

Саша Любимов (Люби), Женя Додолев (Додо), Костя Эрнст, Наташа Негода, Серёжа Толстиков, Андрюша Макаревич (Макар).

Один из этих снимков не публиковался нигде и никогда. Второй растиражирован многократно. Только в «Медведе» четырежды. Первый раз в моём интервью Игорю Свинару (Свину) (2003 г.), а последний – в июньском (2011 г.) номере журнала (теперь можно смело утверждать, что именно в «последний» раз: журнал закрыли тем же летом). В одном из летних (2011 г.) выпусков «Афиш» этой фоткой проиллюстрировали воспоминания Эрнста о том, как мы с ним, прикинувшись советскими наёмниками британской ВВС, коварно проникли с камерой в ленинградскую квартиру суровой преподавательницы химии Нины Андреевой, которая «не могла поступиться принципами» и сделали

сюжет для «Взгляда» (насколько помню, Лысый очень не хотел давать его в эфир, потому что ярая прокоммунистическая сторонница хард-лайнера Егора Лигачёва выглядела весьма убедительно). Так вот, в журнале Толстикова почему-то обозвали Олегом Фоминым и приписали, что это, мол, «середина 90-х». На самом деле оба снимка сделаны на набережной Ялты в середине августа 1988 года.

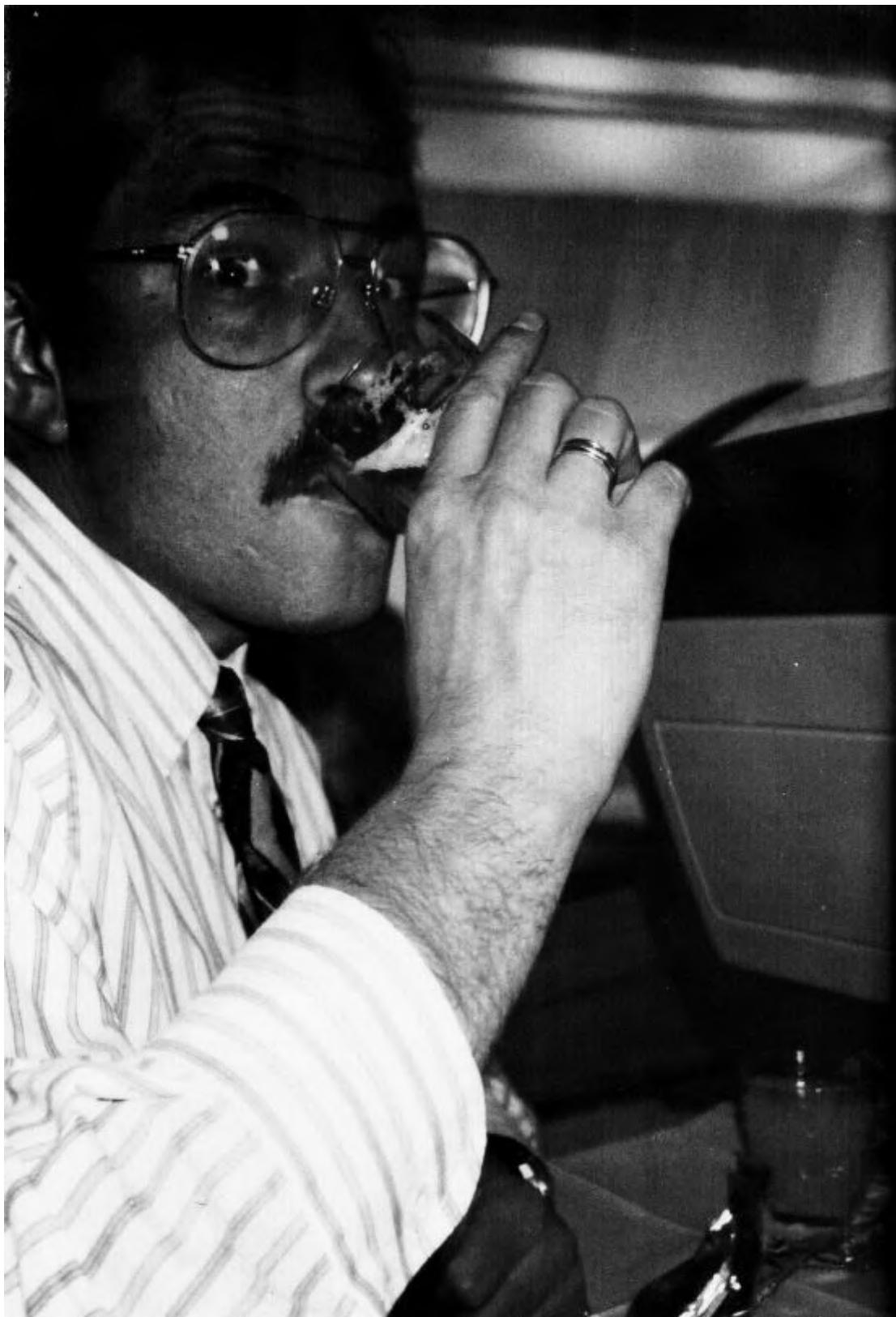

Татьяна Дмитрикова (Дмитра) была одной из тех, кто действительно делал «Взгляд», а не персонализировал его. Уже потом, за другие проекты, она получит ТЭФИ, но признание в профсреде у неё было задолго до учреждения ТВ-премии. Что касается фото. С этими псевдосоветскими толстовками вышла интересная история. Тогда в СССР не было не то что понятия *opproduct placement*, но даже банальной рекламы не существовало. И откуда-то всплыли немолодые ловкачи с Брайтон-Бич, которые предложили «взглядовской» бригаде в качестве подарка эти хлопковые свитера с перестроечной символикой. Интересовали их на самом деле только ведущие, которые дружно, как

один, вещали на многомиллионную аудиторию в этом прикиде, продвигая нехитрую американскую одежду в еженедельном ритме. Продавали они эти свитера рублей по тридцать при себестоимости не более пятёрки.

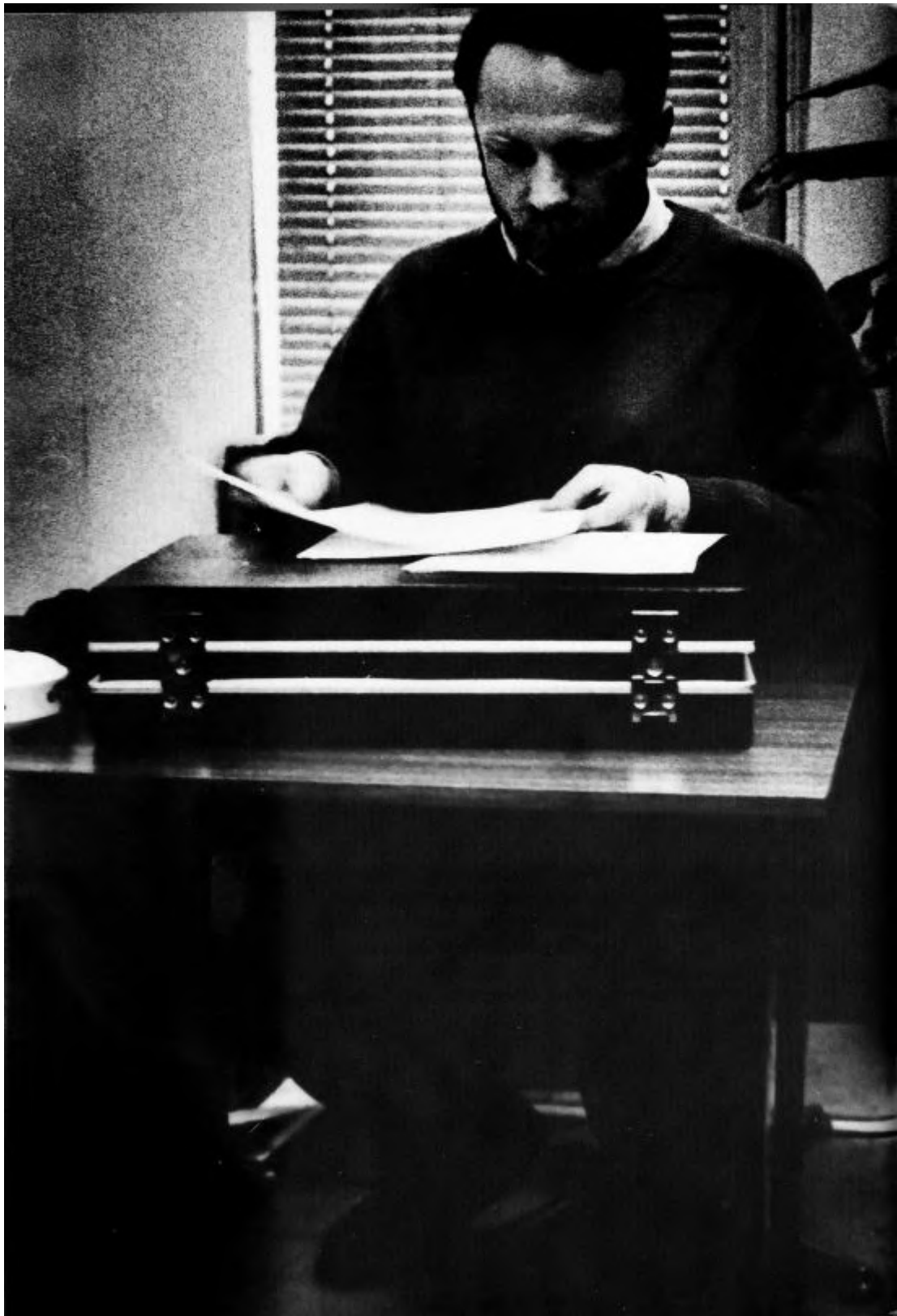
С Александром Горожанкиным на съёмках в «Утопии». Когда в середине 90-х Иван возглавил ТВ-6, Горожанкин стал гендиром ЗАО «Диск-канал». Затем возглавил концертную организацию «Гэр энтертеймент». Позднее рулил коммерцией на ТВ-Центре под Олегом Попцовым (Попцом). Когда канал возглавил Саша Пономарёв (Пономарь), – а де-факто лужковский пресс-секретарь Сергей Цой, – Горожанкин слился. Потом занимался чем-то энергетическим. Летом 2011 года мы вспоминали его за совместным обедом с Демидовыми (Ваней+Леной). Со свойственным ему сарказмом Иван Иванович пошутил: «Я начинал осветителем, а Саня закончил».

«Что-то, воля ваша, недоброе таится в мужчинах, избегающих вина, игр, общества прелестных женщин, застольной беседы. Такие люди или тяжко больны, или втайне ненавидят окружающих», – совершенно справедливо утверждал Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите». Ему вторил тёзка Жванецкий: «Если мужчина не пьёт, то он либо к нам заброшен, либо от нас». Добавлю ещё, что если журналист не пьёт – это втройне настораживает. Другое дело, что у Листьева запой мешали работе. Не явится на прямой эфир «Взгляда» – это ЧП.

С Артёмом Боровиком в Мехико (осень 1989 г.). Артёма во «Взгляд» подтянул Серёжа Ломакин, который знал его ещё со студенческой поры. Не ведаю, чьё было решение о нашем с Артёмом соведении, но зато один эпизод запомнился. На Дальний Восток мы с Боровиком вышли в прямой эфир с каким-то хулиганским приколом, в котором задействованы были приклеенные усы и легкомысленный текст насчёт мании величия и игры во Влада Листьева. Александр Пономарёв устроил дикий разнос и даже пытался отстранить нас от ведения на Москву (вечерний выпуск). Однако как-то всё обошлось. Артёма очень привечал Лысый. Думаю, он тогда и разрулил нелепый по сути конфликт.

Принято считать, что Андрей Разбаш был по-телевизионному одарённым. И по советским параметрам (точнее, понятиям) – достойным. Во всех отношениях. Но конъюнктуру, видимо, не чувствовал. У каждого есть своя планка. Телеведущим он был на «троечку», а с продюсерской точки зрения все его сольные проекты были не самыми удачными.

В «кремлёвке» у Саши Горожанкина. Будучи обаятельным красавчиком, по которому сохли знаменитые ТВ-дивы, Гараж умудрялся всё время выбывать из строя по самым прискорбным обстоятельствам. Не помню, по какому именно поводу он тогда оказался в больнице 4-го Главного управления Минздрава, но не забуду, как выстраивались сёстры во время его визитов. Ещё бы! Александр Викторыча в его индивидуальных хоромах навещали все телекумиры и звёзды шоу-биза той поры, и это девушек однозначно впечатляло.

Бесспорно одарённый ТВ-менеджер Саша Пономарёв, про которого шутили, что в паспортной графе «Место рождения» у него значится: «ЦК ВЛКСМ», по-моему, никого особо не любил. Ну может, кроме группы «На-На» и Примадонны. С последней у него случилась трепетная дружба. Впрочем, я не уверен, что в романтическом контексте.

Да, именно во «Взгляде» впервые появился Кашпировский. И Градского приходилось с его сердитым репертуаром пробивать, чтобы поведать многомиллионной аудитории, что Саша может петь не только пахмутовское «Как молоды мы были». А ведь были...

Замечу, что мои пометки на полях с фамилией Собчак не имели к гламурной блондинке Ксюше никакого отношения. В те времена это имя ассоциировалось лишь с одним из архитекторов перестройки – отцом Ксении Анатольевны, которая тогда была школьницей начальных классов. Из воспоминаний Владимира Муксева: «Я до сих пор не могу забыть, как однажды направил Собчаку обращения петербуржцев, которые поступали ко мне как к депутату Верховного Совета... я предложил Собчаку встретиться. Но мне пришло абсолютно хамское письмо, собственноручно написанное Собчаком. В нём писалось, что ленинградские проблемы – это не дело «какого-то там московского журналистишки», мол, «сами с усами». А разбираться с письмами «больных жалобщиков» у него нет времени».

Бывшие однокурсники Листьева вспоминают, что мороженым он закусывал даже то, что все остальные плавленными сырками «Волна». Лист был маньяком в этом смысле. Он не только употреблял прохладное лакомство на десерт, но и в качестве снотворного: на ночь ему непременно надо было отведать волшебного продукта. Альбина как-то пожаловалась, что единственная причина, по которой он мог на жену обидеться – отсутствие вечером хладонаρκотика в морозилке.

Этот снимок сделан в самом начале 1991 года для публикации в «МК». В результате под шапкой: ««ВЗГЛЯД» ЗАКРЫТ! КТО СЛЕДУЮЩИЙ?» редакция опубликовала 11 января другую фотографию. А оба Александра (Любимов & Политковский) ушли в подполье, организовав полулегальное распространение запрещённой программы на кассетах.

На съёмках с Леной Демидовой. Супруга Ивана Демидова и соратница «взглядовцев» = самый оптимистичный человек из тех, кого я встречал на ТВ. На вопрос: «Как дела?», она неизменно и категорично отвечала что-то вроде: «АААтличнаАА!». Всегда светила. И зажигала. Комета позитива. Не знаю, почему они с Ваней разошлись, но мне это было не в радость. Теперь по соседству с Пономарёвым, на Даче в Нахабине, которую Горожанкин некогда приобрёл на деньги «из кассы» и где обитали Демидовы (сперва вместе, потом Лена solo), живёт Костя Эрнст с Ларисой Синельщиковой.

Легендарный некогда Саша Политковский уже не охотится за сюжетами. Теперь он просто охотится. В поствзглядовский период подельники по директорату компании «ВИД», которых сам Саша публично называл «сволочами», ворчали, что Политок, мол, ничего не делает, тупо бухает и лишь раз в месяц приходит за баблом на заграничное обучение сына Ильи. Эта странная логика, по мне. Тождественно бубнению банковских работников: вот, положил, мол, на счёт \$\$\$, сам ни черта не работает, только раз в месяц проценты снимает. Саша со товарищи сотворил бренд, сам стал человеком-брендом. Получал заслуженные дивиденды. Тратил их, как считал нужным.

Компания «ВИД» была обречена: Листьев оторвался от бывших коллег и по статусу и по \$\$\$. Альбина внушала ему, что он велик безмерно и все остальные на его величии паразитируют. Так что, если в траковке Константин Львовича Эрнста Листьев был во «Взгляде» Джоном Ленноном, то Назимова сыграла роль Йоко Оно.

Владимир Мукусев

Никита Евган

Татьяна Дмитрикова

Сергей Ломакин

Спустя 20 лет после закрытия «Взгляда» многие из тех, кто причастен был к программе, по-прежнему в ТВ-бизнесе.

Впрочем, не все. Александр Горожанкин, Татьяна Дмитрикова, Никита Евган, Елена Карпова, Сергей Ломакин, Владимир Мукусев, Марина Ширяева.

Библиография

- Додолев Е. & Николаева Э., Техника телебезопасности // Совершенно секретно, № 2, июль 1989
- Додолев Е. «Взгляд». Хроника запрета // Совершенно секретно, № 7, июль 1991
- Додолев Е. Я почему-то не пользуюсь уважением среди коллег // Журналист, № 12, декабрь 1991
- Додолев Е. Жизнь без драки скучна // Неделя, № 1, январь 1992
- Додолев Е. Слово // Новый Взгляд, № 1 от 12 февраля 1992
- Кашляева С. Неприкосновенная душа Владислава Листьева // Новый Взгляд, № 10 от 21 марта 1992
- Килессо Н. Ни слова о любви // Новый Взгляд, № 16 от 16 мая 1992
- Додолев Е. & Леско М. С песней по жизни // Новый Взгляд № 27 от 24 июля 1993
- Додолев Е. Выстрелы на Кутузовском // Обозреватель, № 1 (16), январь 1995
- Солопова С. 10 лет меняя взгляд на мир // Огонёк от 29 сентября 1997
- Додолев Е. Сергей Ломакин = кремлёвский репортёр // Музыкальная Правда, № 39 от 18 октября 1997
- Додолев Е. Начало // Московская комсомолка, № 1 от 25 октября 1999
- Влащенко Н. Леонид Кравченко: «Мы дорого заплатим...» // День. № 142 от 8 августа 2002
- Свинаренко И. Карьера хунвейбина Додолева // Медведь, № 11 (73)ноябрь 2003
- Леско М. Про уродов и людей // Карьера, № 2 (76), февраль 2005
- Павленко Л. После убийства Листьева меня охраняли автоматчики // Комсомольская правда от 25 сентября 2007
- Майофис М. & Кукулин И. Свобода как неосознанный прецедент // Независимый филологический журнал, № 83, 2007
- Додолев Е. Кризис жанра // Однако, № 4, 2009
- Додолев Е. Степень свободы слова // Однако, № 11, 2009
- Додолев Е. В кадре всесоюзная жалобная книга // Парламентская газета, № 2 (2418) от 22 января 2010
- Додолев Е. Пристрастный реквием // Московский комсомолец, № 25290 от 1 марта 2010
- Додолев Е. Александр Политковский: «Листьев снял свой сюжет моей камерой» // Вечерняя Москва № 25303 от 1 марта 2010
- Додолев Е. Мукусев 20 лет спустя // Музыкальная Правда, №6 от 19 марта 2010
- Додолев Е. «Взгляд» и «Время» Сергея Ломакина // Новый Взгляд, № 5 от 3 июня 2010
- Додолев Е. Сукины деятели // Московский комсомолец № 25526 от 16 декабря 2010
- Додолев Е. Аритмия гласности // Музыкальная Правда, № 11 от 28 мая 2010
- Додолев Е. Двадцать лет без «Взгляда»// Комсомольская правда, от 27 декабря 2010
- Додолев Е. Вместо гражданского общества – ГРОБ // Московский комсомолец, № 25579 от 26 февраля 2011
- Додолев Е. В Хорватии поставили памятник погибшим советским журналистам // Комсомольская

правда, от 23 мая 2011

Додолев Е. Они были против войны // Парламентская газета, № 25-26 (2509-2510) от 27 мая 2011

Додолев Е. Большой и маленькие // Медведь, №6(151), июнь 2011

Додолев Е. Александр Политковский: «Моим детям невозможно...» // Музыкальная Правда, № 12 от 1 июля 2011

АНАТОЛИЙ ЛЫСЕНКО
Я ДО СИХ ПОР НЕ ВПОЛНЕ ПОНИМАЮ КАК «ВЗГЛЯД» СТАЛ ТЕМ, ЧЕМ СТАЛ... СТРАСТНЫЕ ЗВОНКИ СЛУШАТЕЛЕЙ ИЗДАЛЕКА, С ПОЛЯРНОЙ СТАНЦИИ АМБАРЧИК, МУЗЫКА В НОВОМ КОНТЕКСТЕ: КЛИП ПУГАЧЕВОЙ «ЭЙ ВЫ ТАМ, НАВЕРХУ!» ЧЕТЫРЕЖДЫ СНИМАЛИ С ЭФИРА... ПОТОМ ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО СЕРЬЕЗНЫЕ ПОЛИТИКИ ИЩУТ ВСЕСОЮЗНУЮ ТРИБУНУ. ВИДИМО, МЫ ОЧЕНЬ ТОЧНО ПОПАЛИ В СТРЕМНИНУ.

ВЛАДИМИР МУКУСЕВ
У МЕНЯ В СТОЛЕ ЛЕЖИТ ПАЧКА СИГАРЕТ SAMEL БЕЗ ФИЛЬТРА. Я ПРИВЕЗ ИХ ИЗ АМЕРИКИ ЛЕТОМ 90-ГО ГОДА. «ВО! СОЛДАТСКИЕ, МОИ ЛЮБИМЫЕ», — СКАЗАЛ ЛИСТ, ОТКРЫЛИ, ПОКУРИЛИ, И РЕШИЛИ, ЧТО БУДЕМ ИХ КУРИТЬ ТОГДА, КОГДА НАДО БУДЕТ ОБСУДИТЬ ЧТО-ТО СЕРЬЕЗНОЕ. СЕЙЧАС В ПАЧКЕ ТРИ СИГАРЕТЫ, А ВЕРНЕЕ ТО, ЧТО ОТ НИХ ОСТАЛОСЬ. ТАБАК ПРЕВРАТИЛСЯ В ТРУХУ. ПОЧЕМУ ЕЕ НЕ ВЫБРОСИЛ — НЕ ЗНАЮ. Я ДАВНО НЕ КУРЮ. КАК ВСЕ ГЛУПО. ПАЧКА СИГАРЕТ ЕСТЬ, А ЧЕЛОВЕКА...

АЛЕКСАНДР ПОЛИТКОВСКИЙ
СОВРЕМЕННОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ — ЭТО ГАДОСТЬ. ВРЕДНАЯ ПРИВЫЧКА, КАК ТАБАК... А ВОТ ЕСТЬ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, УНИКАЛЬНЫЙ ЯЗЫК. ЕГО НАДО ИЗУЧАТЬ.

СЕРГЕЙ ЛОМАКИН
ЭТО КНИГА НА САМОМ ДЕЛЕ О ВОЛШЕБНОЙ ЭПОХЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ РОМАНТИКИ И ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ПРОРЫВОВ, КОТОРЫЕ С МЕНТАЛИТЕТОМ СЕГОДНЯШНЕЙ ТВ-МОЛОДЕЖИ ВРЯД ЛИ ОСУЩЕСТВИМЫ.

ПАРТНЕРЫ ПРОЕКТА

ЕВГЕНИЙ Ю. ДОДОЛЕВ

ВЗГЛЯД — БИТЛЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

ОНИ ИГРАЛИ НА КРЕМЛЁВСКИХ НЕРВАХ